

ISSN 3033-6430 (print)
ISSN 3033-6414 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

*П*СИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSIHOLOGICHESKIE NAUKI

PSYCHOLOGICAL
SCIENCES

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

КОНЦЕПЦИЯ ТРЁХКОМПОНЕНТНОЙ РЕСУРСНОСТИ
ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА:
ПРИНЦИП ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ЭМЕРДЖЕНТНЫЙ ЭФФЕКТ

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАСЫЩЕННОСТИ,
ИНТЕРЕСА И ПРОЦЕССА ЖИЗНИ КУРСАНТОВ

2026 / № 1

ISSN 3033-6430 (print)

2026 / № 1

ISSN 3033-6414 (online)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2025 г.:

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal "Psychological Sciences" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 3033-6430 (print)

2026 / № 1

ISSN 3033-6414 (online)

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Учредитель журнала «Психологические науки»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Ответственный секретарь:

Цветкова Н. А. — д-р психол. наук, доц., Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Боязитова И. В. — д-р психол. наук, проф., Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (г. Симферополь)

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Карабанова О. А. — д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Крамаренко Н. С. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Овсяник О. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Митина Л. М. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Мухамедова Д. Г. — д-р психол. наук, проф., Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Фирсов М. В. — д-р ист. наук, проф., Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Хуан Сяосюэ — д-р психол. наук, доцент, Цзянсуский педагогический университет (г. Суйчжоу, Китай)

Шнейдер Л. Б. — д-р психол. наук, проф., Московский педагогический государственный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 3033-6430 (print)

ISSN 3033-6414 (online)

Рецензируемый научный журнал «Психологические науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс журнала «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.psychougou.ru

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Психологические науки. — 2026. — № 1. — 138 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.psychougou.ru

Founder of journal “Psychological Sciences”
Federal State University of Education

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education (Moscow)

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova — Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education (Moscow)

Executive secretary:

N. A. Tsvetkova — Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow)

Members of Editorial Board:

I. V. Boyazitova — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol)

V. A. Ivannikov — Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Prof., Honoured Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

O. A. Karabanova — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

N. S. Kramarenko — Dr. Sci. (Psychology), Federal State University of Education (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education; Russian State University for the Humanities (Moscow)

O. A. Ovsyanik — Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education (Moscow)

L. M. Mitina — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

D. G. Muhamedova — Dr. Sci. (Psychology), National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent)

M. V. Firsov — Dr. Sci. (History), Prof., Russian State Social University (Moscow)

Huang Xiaoxue — Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Jiangsu Normal University (Xuzhou, China)

L. B. Shneider — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow)

I. Earner — PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 3033-6430 (print)

ISSN 3033-6414 (online)

The reviewed scientific journal “Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The journal “Psychological Sciences” is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73333).

Index of journal “Psychology sciences” according to the Union catalog “Press of Russia” 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries “eLibrary” (www.elibrary.ru) and “CyberLeninka” (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.psymgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers.

The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Psychological Sciences. — 2026. — no. 1. — 138 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

10A build. 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	6
-----------------------	---

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Васильева О. С., Сидоренко И. Ю.</i> Роль когнитивно-эмоционального прощения в формировании субъективного благополучия супружеских пар	8
<i>Зекерьяев Р. И.</i> Особенности воздействия рекламных видеороликов на эмоциональное состояние личности с различным уровнем рекламной суггестивности	22
<i>Усик Д. А.</i> Взаимосвязь социальных связей, саморегуляции и эмоционального благополучия подростков	35

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Дементьев А. С., Цветкова Н. А.</i> Особенности семейной и личностной детерминации чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка	46
<i>Маркелова Т. В., Мазурец В. В.</i> Характеристика эмоциональной насыщенности, интереса и процесса жизни курсантов.	61
<i>Надеина О. В., Блинова Е. Е.</i> Жизненная удовлетворённость и социальная поддержка в контексте активного долголетия пожилых людей	71

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

<i>Бершедова Л. И., Овчаренко Л. Ю.</i> Контексты психологической помощи в экосистеме педагогического вуза	83
<i>Волкова Е. Н., Сорокоумова Г. В.</i> Эволюция понятийного аппарата в исследованиях цифровой социализации современных подростков	99
<i>Митина Л. М.</i> Концепция трёхкомпонентной ресурсности личностно-профессионального развития педагога: принцип преемственности и эмерджентный эффект	111

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Сперанская А. В., Фролова А. А.</i> Характеристика когнитивного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у сотрудников исправительного учреждения.	127
---	-----

CONTENTS

Editor's Column	6
-----------------------	---

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

<i>O. Vasilyeva, I. Sidorenko.</i> Cognitive and Emotional Aspects of Forgiveness as Factors of Subjective Well-Being in Married Couples	8
<i>R. Zekeriaev.</i> The Impact Features of Advertising Videos on the Emotional State of a Person with Different Levels of Advertising Suggestiveness.	22
<i>D. Usik.</i> The Relationship Between Social Connections, Self-Regulation, and Emotional Well-Being of Adolescents	35

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>A. Dementiev, N. Tsvetkova.</i> Features of Family and Personal Determination of Justice Sensitivity among Young People with Different Levels of Wealth	46
<i>T. Markelova, V. Mazurets.</i> Characteristics of Emotional Saturation, Interest, and Life of Cadets.	61
<i>O. Nadeina, E. Blinova.</i> Life Satisfaction and Social Support in the Context of Active Longevity of Elderly People	71

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>L. Bershedova, L. Ovcharenko.</i> Contexts of Psychological Assistance in the Ecosystem of a Pedagogical University	83
<i>E. Volkova, G. Sorokoumova.</i> The Conceptual Apparatus Evolution in Research on Digital Socialization of Modern Adolescents	99
<i>L. Mitina.</i> The Concept of Three-Component Resourcefulness of a Teacher's Personal and Professional Development: The Continuity Principle and the Emergent Effect ...	111

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>A. Speranskaya, A. Frolova.</i> Features of the Cognitive Component of Psychological Readiness for Professional Activity among Correctional Officers.	127
--	-----

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги, читатели, авторы многочисленных статей журнала «Психологические науки», ранее носившего название «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»!

В 2025–2026 учебном году наш родной университет отмечает 95-летие!

Это значимый юбилей и особая дата для «Государственного университета просвещения»! Редколлегия журнала поздравляет весь коллектив университета с такой замечательной и знаменательной датой!!! Желаем успехов во всех начинаниях: в обучении, воспитании будущего поколения студентов, успехов преподавателям и новых достижений «Государственному университету просвещения»! Так держать, уважаемые коллеги!!!

Наш журнал развивается вместе с историей университета и отражает его научную жизнь, поддерживает традиции публикаций эмпирических и экспериментальных статей, а также новых подходов к рассмотрению актуальных проблем психологии. Как писал В. Г. Кротов: «Традиция – та часть нашего прошлого, которой мы помогаем перебраться в будущее». В чём же ценность традиций и ритуалов, и почему они так важны для университета? Они усиливают сплочённость членов его коллектива и сохраняют связь поколений.

Журнал прежде носил название «Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской» и получил в 1978 г. разрешение Президиума ВАК СССР и Госкомиздата СССР на право публикации основных результатов докторских диссертаций. В 1998 г. научный журнал был переименован в «Вестник Московского государственного областного универ-

ситета». С 2006 г. название журнала – «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки». С октября 2023 г. вместе с переименованием университета изменено и название журнала: «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки». С сентября 2025 г. журнал получил название «Психологические науки».

Значимым событием следует признать перемены в области авторского состава редакционной коллегии и авторов журнала. Авторами более половины статей стали преподаватели разных университетов, аспиранты, научные сотрудники институтов России. Данное положение свидетельствует, что журнал всё больше привлекает внимание научного сообщества страны и определяет качество публикаций. В настоящее время в связи с изменением научных направлений и повышением требований ВАК в журнале открыты рубрики: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология; 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред; 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика; 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Предваряя выпуск первого номера журнала в 2026 г., редколлегия журнала делает акцент на публикации новых направлений в психологии, которые определяют политику и направления современных исследований.

Статья известных докторов психологических наук Е. Н. Волковой и Г. В. Соколоумовой раскрывает эволюцию понятийного аппарата в исследованиях цифровой социализации современных

подростков через сравнительно-сопоставительный и концептуальный анализ с дифференциацией и раскрытие четырёх ключевых понятий: «цифровая среда», «смешанная реальность», «гибридная реальность» и «конвергентная реальность». Авторами на основе тщательного анализа современных исследований чётко выделена дифференциация цифровизации современной среды. Применение в научных статьях данных понятий не даёт их однозначного использования, т.к. идёт их постоянное и быстрое изменение. По мнению авторов, чёткая дифференциация и операционализация данных понятий задают рамки для адекватных эмпирических исследований и практических интервенций в сфере образования, психологии и цифровой безопасности. Л. М. Митина, доктор психологических наук, в статье «Концепция трёхкомпонентной ресурсности личностно-профессионального развития педагога: принцип преемственности и эмерджентный эффект» показывает возможности использования ресурсов в развитии педагогов и условия перехода к творческой деятельности учителя. Научной новизной является новый методологический подход – ресурсно-прогностический, который включает комплекс уникальных концептуальных конструкторов – трёхкомпонентную ресурсность: рефлексивное проектирование, конструктивное совладание, вовлечённость-вовлечение. В статье доктора психологических наук Л. И. Бершедовой

и Л. Ю. Овчаренко «Контексты психологической помощи в экосистеме педагогического вуза» раскрывается понятие «экосистема вуза», которое представляет собой расширенную образовательную структуру, находящуюся в постоянном взаимодействии с внешней средой и создающую особое экологическое пространство с уникальными возможностями для всестороннего развития и обучения каждого субъекта образовательного процесса. Функционирование экосистемы в профессиональном высшем образовании – это формирование личностно-профессиональных компетенций обучающихся студентов и создание экологической безопасной образовательной и жизненной среды. Достижение этой цели связано с использованием современных практико-ориентированных, инновационных, цифровых образовательных технологий. Интегративный характер методов обучения в сети (физической и виртуальной), мобильность, динамичность, самоорганизация, различные форматы учебного процесса в целом создают особые условия формирования у студентов навыков и умений самостоятельности, креативности и саморазвития по индивидуальной траектории. В каждой статье первого выпуска рассмотрены новые подходы к особым психологическим явлениям нашего времени. Мы надеемся, что это позволит читателям ответить на вызовы времени и заполнить пробелы и дефициты в ряде проблем психологического знания.

*От имени редакционной коллегии
Главный редактор – Т. И. Шульга*

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-8-21

РОЛЬ КОГНИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПРОЩЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СУПРУЖЕСКИХ ПАР

Васильева О. С., Сидоренко И. Ю.*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: br5608l@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.10.2025

После доработки 11.11.2025

Принята к публикации 12.11.2025

Аннотация

Цель. Исследовать характер связей между когнитивными и эмоциональными аспектами прощения и уровнем субъективного благополучия супругов, а также проанализировать опосредующую роль удовлетворённости браком и гендерную специфику этих взаимосвязей.

Процедура и методы. В исследовании участвовали 50 гетеросексуальных супружеских пар ($N=100$) в возрасте от 25 до 45 лет ($M=32.5\pm 6.2$), состоящих в браке от 3 до 15 лет ($M=8.3\pm 4.1$). Использовались следующие методики: «Шкала когнитивно-эмоционального прощения» (КЭП), «Шкала удовлетворённости жизнью» (SWLS), «Опросник субъективного благополучия» (СБ), «Шкала удовлетворённости браком». Для обработки данных применялись корреляционный, регрессионный анализы и анализ медиации с использованием SPSS-26 и макроса PROCESS.

Результаты. Регрессионный анализ подтвердил, что как когнитивный ($\beta=0.42$, $p<0.01$), так и эмоциональный ($\beta=0.35$, $p<0.05$) аспекты прощения значимо предсказывают уровень субъективного благополучия, объясняя 39% его дисперсии ($R^2=0.39$, $F=14.7$, $p<0.001$). Удовлетворённость браком выступила частичным медиатором этой связи. Обнаружены статистически значимые гендерные различия: связь когнитивного прощения с благополучием была выражена сильнее у мужчин ($r=0.51$), в то время как у женщин более тесная связь наблюдалась между эмоциональным прощением и благополучием ($r=0.43$). Пары, прошедшие полный цикл прощения по модели Энрайта, демонстрировали на 25% более высокий уровень субъективного благополучия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о прощении в брачных отношениях как о многоэтап-

ном психологическом процессе, включающем когнитивные и эмоциональные компоненты. Результаты показывают, что вклад прощения в субъективное благополучие супругов определяется не столько фактом его декларирования, сколько степенью завершенности отдельных этапов, что позволяет рассматривать прощение не как дихотомическую характеристику («простил/не простил»), а как динамическую структуру. Полученные данные дополняют существующие модели прощения, в частности модель Р. Энрайта, эмпирически демонстрируя различия в психологических эффектах ранних и поздних стадий процесса прощения в контексте брачных отношений. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов в консультативной и психотерапевтической работе с супружескими парами. Выявленная связь между субъективным благополучием и завершенностью этапов прощения позволяет рассматривать прощение как целенаправленный объект психологической помощи, а не как спонтанный или исключительно личностный ресурс. Результаты могут быть использованы при разработке программ семейного консультирования и психологического сопровождения, ориентированных на поэтапную работу с обидой: от осознания и когнитивной переоценки ситуации до эмоциональной переработки и интеграции опыта. Практическая ценность также заключается в возможности диагностики «застывания» пары на ранних стадиях прощения и выборе адекватных интервенций с учётом преобладающих когнитивных или эмоциональных трудностей.

Ключевые слова: прощение, когнитивные аспекты прощения, эмоциональные аспекты прощения, субъективное благополучие, супружеские пары, гендерные различия, удовлетворённость браком

Для цитирования: Васильева О. С., Сидоренко И. А. Роль когнитивно-эмоционального прощения в формировании субъективного благополучия супружеских пар // Психологические науки. 2026. № 1. С. 8–21. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-8-21>

Original research article

COGNITIVE AND EMOTIONAL ASPECTS OF FORGIVENESS AS FACTORS OF SUBJECTIVE WELL-BEING IN MARRIED COUPLES

O. Vasilyeva, I. Sidorenko*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

** Corresponding author, e-mail: br5608l@mail.ru*

Received by the editorial office 15.12.2025

Revised by the author 11.11.2025

Accepted for publication 12.11.2025

Abstract

Aim. To investigate the relationships between cognitive and emotional aspects of forgiveness and the level of spouses' subjective well-being, as well as to analyze the mediating role of marital satisfaction and the gender specificity of these relationships.

Methodology. The study involved 50 heterosexual married couples (N=100) aged 25–45 years, married for 3–15 years. The following instruments were used: an author-modified version of the Cognitive-Emotional Forgiveness Scale, the Subjective Well-Being Inventory, the Satisfaction with Life Scale, and the Marital Satisfaction Scale. Data were analyzed using correlation, regression, and mediation analyses in SPSS-26 with the PROCESS macro.

Results. Regression analysis confirmed that both cognitive ($\beta=0.42$, $p<0.01$) and emotional ($\beta=0.35$, $p<0.05$) aspects of forgiveness significantly predict the level of subjective well-being, accounting for 39% of its variance ($R^2=0.39$, $F=14.7$, $p<0.001$). Marital satisfaction was identified as a partial mediator in this relationship. Statistically significant gender differences were found: the association between cognitive forgiveness and well-being was stronger in men ($r=0.51$), whereas in women a closer link was observed between emotional forgiveness and well-being ($r=0.43$). Couples who had completed the full forgiveness cycle according to Enright's model demonstrated a 25% higher level of subjective well-being.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in refining the understanding of forgiveness in marital relationships as a multi-stage psychological process that involves both cognitive and emotional components. The findings demonstrate that the contribution of forgiveness to spouses' subjective well-being depends not merely on the fact that forgiveness is declared, but on the degree to which the forgiveness process has been completed. This allows forgiveness to be conceptualized not as a dichotomous phenomenon "forgiven / not forgiven", but as a dynamic structure unfolding over time. The results extend existing theoretical models of forgiveness, particularly Enright's model, by providing empirical evidence of qualitative differences between the psychological effects of early and later stages of forgiveness within the context of marital relationships. The practical significance of the study is associated with the applicability of the findings to marital counseling and psychotherapeutic work with couples. The identified relationship between subjective well-being and the completeness of forgiveness stages suggests that forgiveness can be viewed as a deliberate target of psychological intervention rather than as a spontaneous or purely personal resource. The results may be used in the development of couple-based counseling and psychological support programs focused on a stage-by-stage approach to working through offenses – from awareness and cognitive reappraisal to emotional processing and integration of the experience. In addition, the findings make it possible to identify situations in which couples become "stuck" at early stages of forgiveness and to select appropriate interventions based on the predominance of cognitive or emotional difficulties.

Keywords: forgiveness, cognitive aspects of forgiveness, emotional aspects of forgiveness, subjective well-being, married couples, gender differences, marital satisfaction

For citation: Vasilyeva, O. S. & Sidorenko, I. A. (2026). Cognitive and Emotional Aspects of Forgiveness as Factors of Subjective Well-Being in Married Couples. In: *Psychological Sciences*, 1, 8–21. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-8-21>

ВВЕДЕНИЕ

Субъективное благополучие (СБ) в браке, понимаемое как интегративная оценка качества жизни в семейном контексте [1; 2; 3], является ключевым индикатором стабильности отношений. Его фундаментальная связь со способностью конструктивно разрешать конфликты неоднократно подтверждалась [4; 5]. В контексте преодоления конфликтов и обид особое значение приобретает феномен прощения. В современной психологии прощение рассматривается не как единовременный акт или синоним примирения, а как сложный внутриличност-

ный процесс трансформации негативных чувств (гнева, обиды, желания мести) в нейтральные или позитивные установки по отношению к обидчику, происходящий даже при отсутствии его раскаяния или извинений [6; 7]. Это активный психологический труд, результатом которого становится освобождение от деструктивного влияния прошлой обиды на настоящее и будущее индивида и его отношений.

В современной психологии прощение рассматривается как феномен, включающий два взаимосвязанных, но качественно различных компонента: когнитивный,

связанный с рациональной переоценкой ситуации и конфликта, и эмоциональный, базирующийся на эмпатии и трансформации негативных чувств. Несмотря на признание важности обоих компонентов для стабильности брака, их специфическая роль и взаимосвязь с гендерно-обусловленными паттернами коммуникации и удовлетворённостью отношениями в российском культурном контексте исследованы недостаточно.

Структурный анализ этого процесса позволяет выделить в нём два ключевых, взаимосвязанных, но психологически различных компонента: когнитивный и эмоциональный. Когнитивный компонент прощения связан с рациональной переоценкой конфликтной ситуации, анализом мотивов и обстоятельств, переосмыслением произошедшего, что ведёт к изменению его субъективного значения [8; 4]. Эмоциональный компонент базируется на эмпатии – способности понять и разделить переживания другого, что способствует снижению интенсивности негативного аффекта (гнева, обиды) и зарождению сочувствия или сострадания [6; 9]. Оба механизма признаны жизненно важными для преодоления последствий конфликтов, восстановления доверия и поддержания долгосрочной стабильности брака [10; 5].

В российском социокультурном контексте исследования подчёркивают критическую роль гендерно-специфических коммуникативных стратегий, особенностей эмоциональной экспрессии и распределения семейных ролей в динамике отношений [11; 12; 13]. Традиционные модели социализации могут формировать у мужчин установку на инструментальное, рациональное разрешение проблем, в то время как у женщин в большей степени поощряется ориентация на эмоциональную близость и эмпатическую коммуникацию. Однако взаимосвязь этих гендерных паттернов с когнитивными и эмоциональными составляющими процесса прощения, а также их сово-

купный вклад в прогноз субъективного благополучия супругов изучены недостаточно. Существует пробел в понимании того, как именно внутренняя работа по переосмыслению обиды (когнитивный аспект) и трансформация эмоционального отношения (эмоциональный аспект), будучи включёнными в единый процесс, взаимодействуют с гендерными особенностями личности и через какие психологические механизмы (в частности, через общую удовлетворённость браком) они влияют на интегративное ощущение благополучия в паре.

Теоретическая основа исследования заключается в представлении о том, что прощение как комплексный когнитивно-эмоциональный процесс является системным механизмом восстановления психологического гомеостаза в супружеской диаде после конфликта. Совершая внутреннюю работу по переоценке обиды и трансформации эмоций, индивид не только меняет своё отношение к конкретному событию, но и способствует нормализации эмоционального климата и паттернов взаимодействия в паре, что в итоге детерминирует уровень её субъективного благополучия.

Целью настоящего исследования является выявление характера и силы связей между когнитивными и эмоциональными аспектами прощения и уровнем субъективного благополучия супругов, а также анализ опосредующей роли удовлетворённости браком и гендерной специфики этих взаимосвязей.

В соответствии с целью и теоретическими предпосылками были сформулированы следующие исследовательские гипотезы:

1. Выраженность когнитивных и эмоциональных аспектов прощения положительно связана с уровнем субъективного благополучия супругов.
2. Удовлетворённость браком является медиатором во взаимосвязи между показателями прощения и субъективного благополучия.

3. Существуют гендерные различия в характере исследуемых связей: когнитивные аспекты прощения будут в большей степени ассоциированы с субъективным благополучием у мужчин, а эмоциональные – у женщин.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает субъективное благополучие в супружеских парах. Предметом являются связи когнитивных и эмоциональных аспектов прощения с субъективным благополучием супругов, а также роль удовлетворённости браком и гендерных различий в этих связях.

Актуальность исследования заключается в комплексном анализе взаимосвязей между составляющими процесса прощения и субъективным благополучием с учётом гендерной специфики в российском культурном контексте, что позволяет перейти от констатации важности прощения к пониманию конкретных психологических механизмов его влияния и разработать дифференцированные практики психологического консультирования.

Задачи исследования:

1. Выявить связи между когнитивными и эмоциональными аспектами прощения и субъективным благополучием отдельно у мужчин и женщин.
2. Определить вклад когнитивных и эмоциональных аспектов прощения в прогноз уровня субъективного благополучия.
3. Проверить гипотезу об опосредующей роли удовлетворённости браком во взаимосвязи аспектов прощения и субъективного благополучия.
4. Установить наличие и характер гендерных различий в выраженности и связях исследуемых аспектов прощения.

УЧАСТНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 50 гетеросексуальных супружеских пар ($N=100$; 50 мужчин, 50 женщин). Возраст участников составлял от 25 до 45 лет ($M=32.5$; $SD=6.2$; $Me=32.0$). Продолжительность брака варьировалась от 3 до 15 лет ($M=8.3$;

$SD=4.1$; $Me=7.5$). Критерии включения: добровольное информированное согласие, отсутствие острых семейных кризисов (развод, измена) в течение последнего года. Данная выборка является репрезентативной для городского населения указанного возрастного диапазона, охватывающего как относительно молодые, так и пары с более длительным сроком семейной жизни.

ПРОЦЕДУРА

Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. Каждый супруг заполнял опросники самостоятельно и независимо от партнёра. Перед началом участникам предъявлялась инструкция, в которой подчёркивались добровольность участия, конфиденциальность и анонимность: полученные данные использовались исключительно в обобщённом виде в научных целях. Среднее время заполнения пакета методик составляло около 20–25 минут.

Для анализа прощения как процесса, а не только как результата, дополнительно использовалась поэтапная модель Р. Энрайта, включающая следующие стадии:

- этап осознания обиды. Фиксация негативных переживаний, возвращение к травмирующему событию в мыслях, руминативные размышления, эмоциональная напряжённость;
- этап принятия решения о прощении. Когнитивный выбор в пользу прощения, переоценка ситуации и роли обидчика, ослабление намерения «удерживать» обиду как способ защиты;
- этап работы над прощением. Постепенное снижение интенсивности негативного аффекта, развитие эмпатии и сострадания, переход от обвинительной интерпретации к более дифференцированному пониманию мотивов и обстоятельств;
- этап углубления и трансформации. Интеграция опыта, стабилизация нового отношения к событию и обидчику, сниже-

ние психологической значимости травмирующего эпизода и появление субъективного ощущения завершённости.

Завершённость процесса оценивалась по самоотчётам участников: они отмечали, на какой стадии, по их ощущениям, находится процесс прощения и какие признаки (преимущественно когнитивные или эмоциональные) для них наиболее характерны. На основании этих данных пары относились к одной из групп: «без прощения», «ранняя стадия (осознание обиды)», «стадия решения», «поздние стадии (работа и трансформация)». Такое распределение позволило сопоставить показатели субъективного благополучия и удовлетворённости браком с выраженностью и завершённостью этапов прощения. В ходе исследования соблюдались все необходимые этические нормы.

Методы статистического анализа.

Для проверки гипотез был проведён статистический анализ в SPSS-26 с использованием:

- корреляционного анализа (Пирсона) для выявления связей между переменными отдельно для мужчин и женщин (задача 1): H_0 – корреляция между компонентами прощения и СБ равна нулю; H_1 – корреляция между компонентами прощения и СБ статистически значимо отличается от нуля.

- множественной линейной регрессии (метод Enter) для проверки вклада когнитивных и эмоциональных компонентов прощения в СБ (задача 2): H_0 – коэффициенты регрессии когнитивного и эмоционального компонентов в модели прогноза СБ равны нулю; H_1 – коэффициенты регрессии статистически значимы;

- регрессионного анализа опосредующего эффекта (процедура PROCESS macro, Model 4) для проверки роли удовлетворённости браком как медиатора (задача 3): H_0 – косвенный эффект прощения на СБ через удовлетворённость браком равен нулю; H_1 – косвенный эффект статистически значим; бутстреп-выборки = 5000;

- однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) для оценки гендерных различий по основным переменным (задача 4); H_0 – различия между коэффициентами корреляции у мужчин и женщин равны нулю; H_1 – различия между коэффициентами статистически значимы; проверка с помощью z-критерия Фишера.

Уровень значимости для отвержения нулевых гипотез установлен на уровне $p < 0.05$.

Методики и инструменты:

- 1. Шкала когнитивно-эмоционального прощения (КЭП)** [14] адаптирована для русскоязычной выборки. Шкала содержит 20 пунктов (10 – когнитивный компонент, $\alpha=0.87$; 10 – эмоциональный компонент, $\alpha=0.85$). Выбор методики обусловлен её высокой валидностью и надёжностью для оценки когнитивных (напр., «Я стараюсь понять причины поступка обидчика») и эмоциональных (напр., «Я испытываю сочувствие к человеку, который меня обидел») аспектов прощения в контексте близких отношений.

- 2. Опросник субъективного благополучия (СБ)** [15] включает шкалы позитивных эмоций ($\alpha = 0.84$) и отсутствия негативных ($\alpha = 0.78$), позволяет дифференцировать аффективный и когнитивный компоненты СБ. Общий показатель СБ имел $\alpha=0.89$.

- 3. Шкала удовлетворённости жизнью (SWLS)** [16] использована как индикатор общего когнитивного компонента благополучия, стабильно коррелирующего с семейной удовлетворённостью.

- 4. Шкала удовлетворённости браком** [1] включена для анализа опосредующей роли брачной удовлетворённости в связи прощения и субъективного благополучия.

Переменные: 1) **независимые переменные:** показатели по субшкалам КЭП (когнитивное прощение, эмоциональное прощение); 2) **зависимые переменные:** общий показатель субъективного благополучия (СБ); 3) **промежуточная переменная:** показатель удовлетворённости

браком; 4) **дескрипторы**: пол, возраст, стаж брака. Все переменные измерены в интервальной шкале.

Обоснование используемых методик обусловлено их валидностью, надёжностью и адекватностью для измерения заявленных конструкторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика

Анализ описательных статистик основных переменных (табл. 1) показал достаточный разброс показателей для проведения дальнейшего анализа. Распределения всех переменных не имели значимых отклонений от нормального (критерий Колмогорова-Смирнова, $p > 0.05$), что позволило применять параметрические критерии.

Гендерные различия в связях между переменными (задачи 1 и 4).

Корреляционный анализ выявил значимые положительные связи между компонентами прощения, удовлетворённостью браком и СБ у обоих полов, однако сила и характер связей носили гендерно-специфичный характер (табл. 2).

Как видно из таблицы, когнитивные аспекты прощения (рациональная переоценка, анализ причин) значимо сильнее коррелировали с субъективным благополучием и удовлетворённостью браком у мужчин ($r = 0.51$, $p < 0.01$). Это согласуется с теорией социальных ролей [17], где мужчины чаще берут на себя инструментальные функции в разрешении конфликтов. Эмоциональные аспекты прощения (эмпатия, сочувствие), напротив,

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики основных переменных исследования (N=100) /
Descriptive statistics of the main study variables (N=100)

Показатель	Min	Max	M	SD	Me	α
Когнитивное прощение	12	48	32.5	6.7	33.0	0.87
Эмоциональное прощение	10	50	29.8	7.2	30.0	0.85
Субъективное благополучие	25	87	58.2	11.4	57.0	0.89
Удовлетворённость браком	15	48	36.1	7.5	37.0	0.82

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2

Гендерные различия во взаимосвязях компонентов прощения с СБ и удовлетворённостью браком (коэффициенты корреляции Пирсона) /
Gender differences in the relationships between forgiveness components and marital satisfaction (Pearson correlation coefficients):

Показатель	Мужчины (n=50)	Женщины (n=50)	Z-Фишера	p
Когнитивное прощение → СБ	0.51	0.28*	2.01	< 0.05
Эмоциональное прощение → СБ	0.21	0.43	-1.98	< 0.05
Когн. прощение → Удовл. браком	0.47	0.31*	1.99	< 0.05
Эмоц. прощение → Удовл. браком	0.19	0.49	-2.71	< 0.01

Источник: данные авторов.

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты корреляции ($p < 0.05$, $p < 0.01$ соответственно). * — корреляция значима на уровне $p < 0.05$.

демонстрировали более тесную связь с этими показателями у женщин ($r = 0.43$, $p < 0.01$), что отражает их ориентацию на эмоциональную близость [12].

Статистическая значимость различий между корреляциями для мужчин и женщин была подтверждена с помощью Z-критерия Фишера.

Вклад аспектов прощения в прогноз субъективного благополучия (задача 2). Модель множественной регрессии, включающая когнитивный и эмоциональный аспекты прощения в качестве предикторов общего СБ, оказалась статистически значимой: $R^2 = 0.39$, скорр. $R^2 = 0.37$, $F(2,97) = 14.7$, $p < 0.001$. Оба предиктора внесли значимый уникальный вклад: когнитивный аспект ($\beta = 0.42$, $t = 3.8$, $p < 0.01$); эмоциональный аспект ($\beta = 0.35$, $t = 3.2$, $p < 0.05$). Условия применения регрессионного анализа были соблюдены ($VIF < 2.0$; Durbin-Watson = 1.92). Объясненная дисперсия превышает показатели аналогичных исследований (напр., McCullough et al., 1997: $R^2 = 0.28$). Таким образом, гипотеза 1 получила подтверждение.

Проверка опосредующей роли удовлетворённости браком (задача 3). Анализ медиации (PROCESS, Model 4) подтвердил значимый опосредующий эффект удовлетворённости браком во взаимосвязи между общим уровнем прощения (суммарный балл КЭП) и СБ. Прямой эффект прощения на СБ оставался значимым, но уменьшился ($\beta = 0.25$, $p < 0.05$). Косвенный эффект (эффект опосредования через удовлетворённость браком) был статистически значимым: $\beta = 0.31$, 95% ДИ [0.18, 0.45], $p < 0.001$. Следовательно, гипотеза 2 также нашла подтверждение: удовлетворённость браком выступает частичным медиатором связи между прощением и субъективным благополучием.

Дополнительный анализ: роль этапов прощения. Дополнительный анализ, выполненный с опорой на модель Р. Энрайта

[1], показал, что более высокий уровень субъективного благополучия связан не столько с самим фактом декларируемого прощения, сколько с тем, насколько далеко продвинулся процесс прощения и насколько он завершён.

Для этого пары были распределены по степени завершённости процесса прощения в одну из групп:

- без прощения;
- этап осознания обиды;
- этап принятия решения о прощении;
- этапы работы и трансформации.

Результаты показали, что пары, находящиеся на поздних стадиях, – то есть прошедшие этап активной внутренней работы и последующей трансформации отношения к обиде, – демонстрировали статистически значимо более высокий уровень субъективного благополучия: различия достигали около 25% ($t(98)=3.1$, $p < 0.01$). Аналогичная тенденция выявлена и по показателю удовлетворённости браком: наиболее благоприятные значения наблюдались у пар, для которых прощение не ограничивалось намерением или декларацией, а сопровождалось реальными когнитивными и эмоциональными изменениями.

Содержательно это соотносится с психологическим смыслом этапов модели. На стадии принятия решения преимущественно активизируются когнитивные компоненты прощения: переоценка ситуации, ослабление руминативной фиксации, изменение интерпретаций и снижение внутренней готовности «удерживать» обиду. Однако устойчивые изменения в эмоциональной сфере – снижение негативного аффекта и рост эмоционального прощения (эмпатии, сочувствия, более спокойного отношения к событию) – формируются, как правило, на стадиях работы и трансформации. Именно эти изменения, вероятно, и создают ресурс для повышения субъективного благополучия и укрепления брачных отношений. Полученные данные представлены на рисунке ниже.

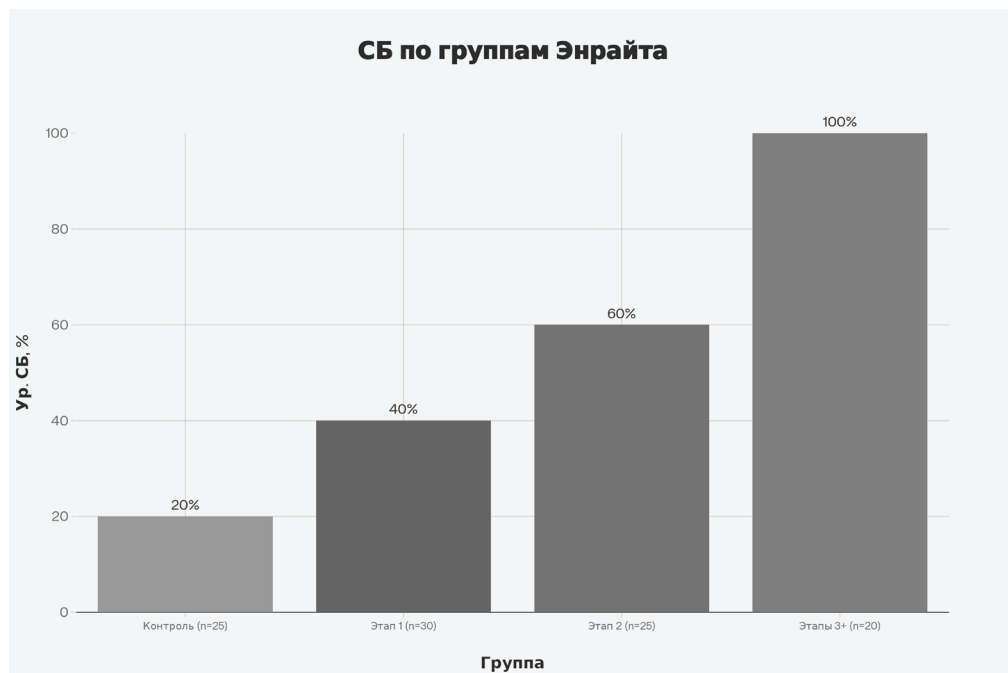

Рис. 1 / Fig. 1 Динамика субъективного благополучия (СБ) в зависимости от завершённости этапов прощения по модели Энрайта / Gender differences in the relationships between forgiveness components and subjective well-being and marital satisfaction (Pearson correlation coefficients): Dynamics of subjective well-being (SWB) depending on the completion of forgiveness stages according to the Enright model

Источник: данные авторов.

* Динамика субъективного благополучия (СБ) в зависимости от завершённости этапов прощения по модели Энрайта. Группы: Контроль (без прощения), Этап 1 (осознание обиды), Этап 2 (принятие решения), Этапы 3+ (работа над прощением и трансформация). Различия между группами: $F(3,96)=8.2$, $p<0.001$.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сопоставление с результатами других исследований

Полученные данные согласуются с современными теоретическими моделями и уточняют их применительно к российскому социокультурному контексту. Прежде всего, результаты подтверждают и развивают положения модели двойного процесса прощения [18]. Как и в работах зарубежных авторов [2; 18], оба компонента – когнитивный и эмоциональный – показали себя как значимые предикторы субъективного благополучия (СБ). Однако настоящее исследование продвигается дальше, демонстрируя,

что их вклад не является универсальным, а носит выраженный гендерно-специфический характер. Находка того, что когнитивный компонент (рациональная переоценка, анализ мотивов) является ключевым предиктором СБ для мужчин ($\beta = 0.42$), а эмоциональный (эмпатия, трансформация аффекта) – для женщин ($\beta = 0.35$), согласуется с данными о различной структуре прощения у мужчин и женщин [10; 19], но конкретизирует эти различия, указывая на разные психологические пути достижения благополучия.

Обнаруженные гендерные паттерны хорошо вписываются в рамки теории социальных ролей и коррелируют с выво-

дами российских исследователей о специфике коммуникации в браке [11; 12; 13]. Преобладание когнитивных стратегий у мужчин соответствует традиционной мужской роли «решателя проблем», где акцент делается на инструментальном анализе и восстановлении контроля над ситуацией. Ведущая роль эмоционального компонента у женщин отражает их большую ориентацию на поддержание эмоциональной связи и эмпатическое понимание, что отмечается как ключевой ресурс в преодолении семейных конфликтов [12]. Таким образом, наши данные не противоречат, а эмпирически подтверждают и детализируют существующие представления о гендерной социализации в близких отношениях.

Результаты также предоставляют эмпирическую поддержку трансформационной модели прощения Энрайта [1; 6]. Обнаружение того, что пары, завершившие полный цикл прощения, демонстрируют на 25% более высокий уровень СБ, служит веским аргументом в пользу процессуального взгляда на прощение. Этот вывод согласуется с зарубежными исследованиями, подчёркивающими, что прощение – это не разовый акт, а внутренняя работа, приводящая к качественным изменениям в диадической системе [6; 18].

Ключевым результатом, который интегрирует наши находки в системный подход к семейным отношениям [11], является выявление опосредующей роли удовлетворённости браком. Это согласуется с мета-аналитическими данными о том, что качество брака является одним из наиболее мощных предикторов личного благополучия [18]. Наше исследование конкретизирует этот механизм, показывая, что прощение повышает СБ супругов не напрямую, а опосредованно – через улучшение общего качества отношений и взаимопонимания в паре. Данный вывод углубляет понимание того, как внутриличностные процессы трансформируются в позитивные диадические и системные изменения.

Интерпретация результатов и новизна исследования

Полученные результаты позволяют принять все три исследовательские гипотезы. Объяснённая дисперсия субъективного благополучия (39%) свидетельствует о существенной роли исследуемых аспектов прощения в его формировании.

Гендерная специфика взаимосвязей представляет особый интерес. Обнаруженная у мужчин более тесная связь когнитивного прощения с благополучием соответствует представлениям о традиционной мужской гендерной роли, поощряющей инструментальность и контроль [11; 20]. Рациональная переоценка обиды позволяет мужчинам дистанцироваться от эмоциональной болезненности ситуации, структурировать её и восстановить субъективное чувство контроля, что напрямую связано с их благополучием. У женщин ведущая роль эмоционального компонента прощения согласуется с данными об их большей ориентации на эмоциональную близость и эмпатию [12]. Способность к трансформации негативных чувств является для женщин ключевым психологическим ресурсом в преодолении конфликтов, способствуя снижению стресса и восстановлению чувства безопасности в паре. Более слабая связь эмоционального прощения с благополучием у мужчин может объясняться как гендерными нормами, так и тем, что данный путь не является для них ведущим в регуляции своего состояния после конфликта.

Опосредующая роль удовлетворённости браком подтверждает системный взгляд. Прощение как внутриличностный процесс оказывает позитивное влияние на благополучие супруга не напрямую, а через улучшение качества диадического взаимодействия. Снижение напряжённости и восстановление доверия повышают общую удовлетворённость браком, которая, в свою очередь, становится источником позитивных эмоций и оценок, составляющих ядро СБ.

Таким образом, новизна данного исследования заключается не в простом подтверждении существующих моделей, а в их верификации в российском культурном контексте с выявлением конкретных психологических механизмов. Впервые на российской выборке эмпирически показано, что влияние комплексной модели прощения на субъективное благополучие супругов опосредовано удовлетворённостью браком и имеет чёткую гендерную дифференциацию по когнитивному и эмоциональному пути.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении механизмов связи прощения с благополучием в браке через призму гендерных различий и системных процессов. Полученные данные развивают представления о прощении как о комплексном феномене с разными психологическими путями влияния на благополучие у мужчин и женщин.

Практическая значимость результатов заключается в возможности разработки гендерно-дифференцированных программ психологического сопровождения семей. Для мужчин могут быть более эффективны техники, направленные на когнитивную переоценку конфликтных ситуаций: анализ причин, рефрейминг, развитие навыков рационального осуждения проблем. Для женщин целесообразнее делать акцент на развитии и применении эмоциональных стратегий: тренинги эмпатии, техники осознания и вербализации чувств, методы регуляции негативного аффекта. Поскольку выборка включала пары разного возраста и семейного стажа, данные принципы актуальны не только для молодых пар, но и для супругов на более зрелых этапах семейного цикла. В практической работе целесообразно интегративно использо-

вать на ранних стадиях модель Энрайта [1] для работы с глубокими, застарелыми обидами и подход, фокусирующий на быстром снижении конфликтности [2]. Учитывая роль удовлетворённости браком как медиатора, программы должны включать компоненты, направленные на прямое улучшение качества взаимодействия в паре.

Заключение

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: проведение лонгитюдных исследований для установления причинно-следственных связей; расширение выборки за счёт пар разного возраста и культурных групп; экспериментальная проверка эффективности гендерно-дифференцированных тренингов прощения; интеграция психофизиологических методов для объективации связи прощения со стрессом; исследование специфики прощения в парах, переживающих различные типы кризисов.

Выводы

1. Когнитивные и эмоциональные аспекты прощения являются значимыми факторами, связанными с уровнем субъективного благополучия супругов, совместно объясняя 39% его дисперсии.
2. Удовлетворённость браком выступает значимым частичным медиатором во взаимосвязи между аспектами прощения и субъективным благополучием, что подтверждает системный характер влияния прощения на благополучие в паре.
3. Обнаружены устойчивые гендерные различия в характере исследуемых связей: когнитивные аспекты прощения демонстрируют более тесную связь с субъективным благополучием и удовлетворённостью браком у мужчин, тогда как эмоциональные аспекты прощения сильнее связаны с этими показателями у женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Enright R. D. *Forgiveness Is a Choice: A Step-by-Step Process for Resolving Anger and Restoring Hope*. Washington, DC: American Psychological Association, 2019. 299 p.
2. McCullough M. E., Worthington E. L., Rachal K. C. Interpersonal forgiving in close relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73, № 2. P. 321–336. DOI: 10.1037//0022-3514.73.2.321.
3. Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2015. № 1. С. 28–36.
4. Worthington E. L., Wade N. G. *Handbook of Forgiveness*. NY: Routledge, 2019. 624 p. DOI: 10.4324/9780203955673.
5. Worthington E. L. *Five Steps to Forgiveness: The Art and Science of Forgiving*. NY: Crown Publishers, 2001. 288 p.
6. Fincham F. D., Beach S. R. H. Forgiveness in marriage: Implications for psychological aggression and constructive communication // *Personal relationships*. 2002. № 9. P. 239–251. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6811.00016>.
7. Rye M. S., Pargament K. I., Ali M. A. et al. Religious perspectives on forgiveness // *Forgiveness: Theory, Research, and Practice*. NY: Guilford Press, 2001. P. 17–40.
8. Toussaint L. L., Shields G. S., Dorn G. Effects of lifetime stress exposure on mental and physical health in young adulthood // *Journal of Health Psychology*. 2014. Vol. 21, № 6. P. 1004–1014. DOI: 10.1177/1359105314544132.
9. Worthington E. L., Witvliet C. V. O., Pietrini P. et al. Forgiveness, health, and well-being // *Journal of Behavioral Medicine*. 2007. Vol. 30, № 4. P. 291–302. DOI: 10.1007/s10865-007-9105-8.
10. Lichtenfeld S., Buechner V. L., Maier M. A. et al. Forgive and forget: Differences between decisional and emotional forgiveness // *Plos one*. 2015. № 5 (10). URL: <https://journals.plos.org> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0125561.
11. Варга А. Я. *Системная семейная психотерапия*. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
12. Карабанова О. А. *Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие*. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
13. Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. *Социально-психологические методы исследования супружеских отношений*. М.: Издательство МГУ, 1987. 120 с.
14. Кононова А. П., Пуговкина О. Д. Валидизация опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков» на российской выборке // *Консультативная психология и психотерапия*. 2018. Т. 26. № 4. С. 27–45. DOI: 10.17759/cpr.2018260403.
15. Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворённости жизнью // *Общество и политика* / под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. С. 476–510.
16. Diener E., Emmons R. A. & Larsen R. J. The Satisfaction With Life Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. № 49 (1). P. 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13.
17. Proulx C. M., Helms H. M., Buehler C. Marital quality and personal well-being: A meta-analysis // *Journal of Marriage and Family*. 2007. Vol. 69, № 3. P. 576–593. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2007.00393.x.
18. Witvliet C. V. O., Ludwig T. E., Laan K. L. Granting forgiveness or harboring grudges: Implications for emotion, physiology, and health // *Psychological Science*. 2001. Vol. 12, № 2. P. 117–123. DOI: 10.1111/1467-9280.00320.
19. Полянина О. И., Шлыкова Н. И. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и удовлетворённости браком у мужчин и женщин // *Психология и психотехника*. 2015. № 9. С. 905–912.
20. Ибрагимов Э. С. Субъективное благополучие брака как предмет исследования в психологии // *Молодой учёный*. 2022. № 49 (444). С. 271–273.
21. Мамонова Е. Б., Насретдинова М. А. Сравнительный анализ удовлетворённости браком супружеских пар с различным стажем семейной жизни // *Нижегородский психологический альманах*. 2019. Т. 1, № 2. С. 118–127.
22. Ротманова Н. В., Юминова А. А. Сравнительный анализ удовлетворённости браком и эмоционального интеллекта у мужчин и женщин с разным стажем брака // *Молодой учёный*. 2020. № 48 (338). С. 131–134.

23. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. СПб.: Речь, 2005. 436 с.
24. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия. СПб.: Питер, 2000. 325 с.

REFERENCES

1. Enright, R. D. (2019). *Forgiveness Is a Choice: A Step-by-Step Process for Resolving Anger and Restoring Hope*. Washington: DC: American Psychological Association.
2. McCullough, M. E., Worthington, E. L. & Rachal, K. C. (1997). Interpersonal Forgiving in Close Relationships. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 2, 321–336. DOI: 10.1037//0022-3514.73.2.321.
3. Orlova, D. G. (2015). Psychological and Subjective Well-Being: Definition, Structure, Research (Review of Modern Sources). In: *Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University*, 1, 28–36 (in Russ.).
4. Worthington, E. L. & Wade, N. G. (2019). *Handbook of Forgiveness*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203955673.
5. Worthington, E. L. (2001). *Five Steps to Forgiveness: The Art and Science of Forgiving*. New York: Crown Publishers.
6. Fincham, F. D. & Beach, S. R. H. (2002). Forgiveness in Marriage: Implications for Psychological Aggression and Constructive Communication. In: *Personal Relationships*, 9, 239–251. DOI: 10.1111/1475-6811.00016.
7. Rye, M. S., Pargament, K. I. & Ali, M. A. et al. (2001). Religious Perspectives on Forgiveness. In: *Forgiveness: Theory, Research, and Practice*. New York: Guilford Press, pp. 17–40.
8. Toussaint, L. L., Shields, G. S. & Dorn, G. (2014). Effects of Lifetime Stress Exposure on Mental and Physical Health in Young Adulthood. In: *Journal of Health Psychology*, 21, 6, 1004–1014. DOI: 10.1177/1359105314544132.
9. Worthington, E. L., Witvliet, C. V. O. & Pietrini, P. et al. (2007). Forgiveness, Health, and Well-Being. In: *Journal of Behavioral Medicine*, 30, 4, 291–302. DOI: 10.1007/s10865-007-9105-8.
10. Lichtenfeld, S., Buechner, V. L. & Maier, M. A. et al. (2015). Forgive and Forget: Differences between Decisional and Emotional Forgiveness. In: *Plos One*, 5 (10). URL: <https://journals.plos.org> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0125561.
11. Varga, A. Ya. (2001). *Systemic Family Psychotherapy*. St. Petersburg: Rech publ. (in Russ.).
12. Karabanova, O. A. (2005). *Psychology of Family Relations and Fundamentals of Family Counseling: A Study Guide*. Moscow: Gardariki publ. (in Russ.).
13. Aleshina, Yu. E., Gozman L. Ya. & Dubovskaya, E. M. (1987). *Social and Psychological Methods for Studying Marital Relations*. Moscow: Moscow State University publ. (in Russ.).
14. Kononova, A. P. & Pugovkina, O. D. (2018). Validation of the Questionnaire “Tendency to Forgive and Attitudes Toward Forgiveness of Offenses” on a Russian Sample. In: *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 26, 4, 27–45. DOI: 10.17759/cpp.2018260403 (in Russ.).
15. Kulikov, L. V. (2000). Determinants of Life Satisfaction. In: *Society and Politics*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
16. Diener, E., Emmons, R. A. & Larsen, R. J. (1985). The Satisfaction with Life Scale. In: *Journal of Personality Assessment*, 49 (1), 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13.
17. Proulx, C. M., Helms, H. M. & Buehler, C. (2007). Marital Quality and Personal Well-Being: A Meta-Analysis. In: *Journal of Marriage and Family*, 69, 3, 576–593. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2007.00393.x.
18. Witvliet, C. V. O., Ludwig, T. E. & Laan, K. L. (2001). Granting Forgiveness or Harboring Grudges: Implications for Emotion, Physiology, and Health. In: *Psychological Science*, 12, 2, 117–123. DOI: 10.1111/1467-9280.00320.
19. Polyana, O. I. & Shlykova, N. I. (2015). The Correlation between Emotional Intelligence and Marital Satisfaction in Men and Women. In: *Psychology and Psychotechnics*, 9, 905–912 (in Russ.).
20. Ibragimova, E. S. (2022). Subjective Well-Being in Marriage as a Subject of Research in Psychology. In: *Young Scientist*, 49 (444), 271–273 (in Russ.).
21. Mamonova, E. B. & Nasretidinova, M. A. (2019). Comparative Analysis of Marital Satisfaction in Couples with Different Lengths of Family Life. In: *Nizhny Novgorod Psychological Almanac*, 1, 2, 118–127 (in Russ.).

22. Rotmanova, N. V. & Yuminova, A. A. (2020). Comparative Analysis of Marital Satisfaction and Emotional Intelligence in Men and Women with Different Marital Lengths. In: *Young Scientist*, 48 (338), 131–134 (in Russ.).
23. Andreeva, T. V. (2005). *Psychology of the Modern Family*. St. Petersburg: Rech publ. (in Russ.).
24. Sysenko, V. A. (2000). *Marital Stability: Problems, Factors, and Conditions*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Ольга Семёновна (г. Ростов-на-Дону) – доцент, кандидат биологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Южного федерального университета;
ORCID: 0000-0003-0600-1066; e-mail: vos@sfedu.ru

Сидоренко Инна Юрьевна (г. Ростов-на-Дону) – соискатель кафедры общей психологии, психологии личности, истории психологии Южного федерального университета;
ORCID: 0009-0000-8776-1504; e-mail: br5608l@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Vasilyeva (Rostov-on-Don) – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Prof., Department of General and Educational Psychology, Southern Federal University;
ORCID: 0000-0003-0600-1066; e-mail: vos@sfedu.ru

Inna Yu. Sidorenko (Rostov-on-Don) – External Postgraduate Student, Department of General Psychology, Personality Psychology, and History of Psychology, Southern Federal University;
ORCID: 0009-0000-8776-1504; e-mail: br5608l@mail.ru

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-22-34

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКОВ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РЕКЛАМНОЙ СУГГЕСТИВНОСТИ

Зекерьяев Р. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация*

e-mail: ruslan51291@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2025

После доработки 14.11.2025

Принята к публикации 18.11.2025

Аннотация

Цель. Выявить особенности воздействия рекламных видеороликов на эмоциональное состояние личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 70 человек, среди которых 22 юноши и 48 девушек в возрасте от 18 до 25 лет, являющихся студентами ГБОУВО РК «КИПУ имени Февзи Якубова». В констатирующем эксперименте были использованы методики: «Самооценка эмоциональных состояний» (А. Уэссман, Д. Рикс), авторский исследовательский опросник «Рекламная суггестивность личности» (Р. И. Зекерьяев). В процессе статистического анализа данных был использован Т-критерий Вилкоксона. Программное обеспечение исследования составили MS Excel 2021 и IBM SPSS Statistics 22.0.

Результаты. Выявлено, что в ходе просмотра рекламы происходят статистически значимые изменения в эмоциональных состояниях личности с различным уровнем рекламной суггестивности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть учтены в процессе психологического сопровождения медиасоциализации личности.

Ключевые слова: реклама, рекламная суггестивность, эмоциональное состояние, спокойствие, уверенность, энергичность

Для цитирования: Зекерьяев А. А. Особенности воздействия рекламных видеороликов на эмоциональное состояние личности с различным уровнем рекламной суггестивности // Психологические науки. 2026. № 1. С. 22–34. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-22-34>

Original research article

THE IMPACT FEATURES OF ADVERTISING VIDEOS ON THE EMOTIONAL STATE OF A PERSON WITH DIFFERENT LEVELS OF ADVERTISING SUGGESTIVENESS

R. Zekeriaev

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation*

e-mail: ruslan51291@mail.ru

Received by the editorial office 16.10.2025

Revised by the author 14.11.2025

Accepted for publication 18.11.2025

Abstract

Aim. To reveal impact features of advertising videos on the emotional state of a person with different levels of suggestiveness in advertising.

Methodology. The study involved 70 people, including 22 boys and 48 girls aged 18 to 25 years, including students of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov. Such methods as “Personal Feelings Scales” (A. Wessman, D. Ricks), the author’s research questionnaire “Advertising Suggestiveness of the Personality” (R. I. Zekeriaev) were used in the ascertaining experiment. In the process of statistical data analysis, Wilcoxon t-test was used. The research software was MS Excel 2021 and IBM SPSS Statistics 22.0.

Results. It was revealed that while viewing advertising, statistically significant changes occur in the emotional states of people with different levels of suggestiveness in advertising.

Research implications. The obtained results can be considered in the process of psychological support of the person’s process of media socialization.

Keywords: advertising, suggestiveness in advertising, emotional state, calmness, confidence, energy

For citation: Zekeryaev, A. A. (2026). The Impact Features of Advertising Videos on the Emotional State of a Person with Different Levels of Advertising Suggestiveness. In: *Psychological Sciences*, 1, 22–34. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-22-34>

ВВЕДЕНИЕ

Современная реклама представляет собой один из наиболее мощных и широко распространённых инструментов социальной коммуникации. Её функция в настоящее время расширилась от простого информирования о товарах и услугах до влияния на мировоззрение, ценностные ориентиры и психоэмоциональное состояние личности. Используя широкий спектр методов и приёмов, реклама конструирует прочные аффективные связи

с потенциальной аудиторией, формирует у неё эмоциональные потребности и мотивацию к приобретению демонстрируемого товара. Особую актуальность проблема воздействия рекламного контента на эмоциональное состояние личности приобретает в связи с тем, что понимание особенностей данного процесса позволит не только разработать более эффективные стратегии коммуникации между потребителями и брендами, но и расширить спектр возможностей обеспечения информационно-психологической

безопасности личности в процессе её медиасоциализации.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Учёные отмечали, что правильно разработанная реклама всегда вызывает чувство сопереживания её главным героям, создаёт ощущение солидарности с мнением её автора. Используемые в таком контенте истории зачастую вызывают аффективный отклик в широком диапазоне как положительных, так и отрицательных эмоций. Так, например, использование персонажей, вызывающих позитивные переживания, может привлекать к себе внимание и способствовать лучшему запоминанию увиденного. С другой стороны, апелляция к негативным переживаниям через обозначение проблемной ситуации может способствовать стремлению приобрести товар, который является её решением [1; 2].

Рядом исследователей было выявлено, что на эмоциональное состояние личности может оказывать цветовой и звуковой компоненты в рекламе. Использование тех или иных вариантов мелодий и расцветки может вызвать переживание различных аффективных состояний, тем самым удерживая внимание потенциальной аудитории и передавая сложные сообщения в простой форме. Таким образом цвет наравне со звуком и речью может транслировать определённый код, на который реципиент может эмоционально откликаться. Так, например, использование классических, традиционных расцветок может оказывать большее влияние на зрителей старшего поколения, а яркие трендовые цвета будут более эффективны в случае, когда целевой аудиторией является молодёжь [3; 4; 5; 6].

Учёные в своих работах говорили о том, что реклама представляет собой мощное средство психологического воздействия на целевую аудиторию, при этом потенциальным потребителям навязываются выгодные для адресантов взгляды, мне-

ния, потребности, поступки и т. д. При этом такой медиаконтент обращается в первую очередь к эмоциональному компоненту человеческого восприятия, в процессе которого снижаются способности реципиента к рациональному анализу поступающего информационного потока. Масштабы рекламной культуры достигают уровня, при котором конструируемые ею образы создают новое гиперпространство, которое может не только расширять реальное пространство, но и замещать его. Как следствие этого процесса у реципиентов создаётся впечатление, что использование рекламируемых товаров, по сути, может восполнить их социальные и эмоциональные потребности [7; 8].

Описывая воздействие рекламы на личность, ряд исследователей отмечали, что основной механизм её воздействия нацелен на конструирование новых поведенческих паттернов у реципиентов и состоит из трёх факторов. Одним из таких является когнитивный компонент, заключающийся в формировании у потенциальной аудитории позитивно ассоциирующегося образа товара. Во-вторых, особой эффективностью обладает аффективная составляющая, апеллирующая к эмоциям реципиента и установлению прочной связи между ними и продуктом или услугой на уровне ассоциаций. В качестве третьего фактора выступает поведенческий компонент, который заключается в формировании у потенциальной аудитории понимания того, каким образом можно и нужно приобретать презентуемый продукт, и в формировании желания это сделать [9; 10].

Учёными также было выявлено, что реклама, воздействующая на эмоции, играет важную роль в формировании позитивного отношения к бренду. Аффективные триггеры обуславливают конструирование связи между компанией и потенциальной аудиторией, формируя у последней желание приобретать демонстрируемый товар. Учёные также выделяют три аспекта влияния рекламы на эмо-

ции зрителя: рекламируемый продукт не воспринимается зрителями как обычный товар, а вызывает яркие чувства; решение о приобретении принимается в основном под влиянием эмоций, а не логики и здравого смысла; в случае, когда демонстрируемый контент вызывает сильные аффективные переживания, возрастает вероятность, что реципиент расскажет о нём своему окружению [11; 12].

По мнению исследователей, важной составляющей, участвующей в анализе рекламного контента, является эмоциональная память, которая основывается на базовых аффектах по принципу «нравится – не нравится», «приятно – неприятно» и т. д. Эмоциональная память при этом влияет на потребительское поведение реципиента, поэтому реклама содержит в себе не только информационную компоненту, но и аффективную. Также эмоциональное обращение к зрителю должно формировать стремление приобретать именно демонстрируемый продукт и предопределять ответные чувства целевой аудитории [13; 14].

Учёные отмечали, что психологические влияние рекламного контента заключается в воздействии на мысли, эмоции и процесс принятия решений личности, которые в совокупности определяют её поведенческую активность. Основной же целью рекламы является воспитание поколения «квалифицированных потребителей». Среди базовых механизмов рекламного воздействия принято выделять влияние на аффективную сферу (заражение), прививание мировоззрения и моделей поведения (подражание), прямая суггестия (внушение), передача информационно-справочной составляющей (информирование), передача установок о необходимости приобретения товара в имплицитной и эксплицитной форме (внушение и убеждение) [15; 16].

Исследователи также утверждали, что современная реклама в сети Интернет формирует у целевой аудитории осознаваемые и неосознаваемые интересы,

мотивы и потребности. Она представляет собой фактор, обуславливающий успех бренда, и феномен, определяющий культуру потребления в социуме. Вместе с этим реклама в современном мире не только преследует цель информирования о товаре, но и конструирует мир, в котором существование людей, входящих в целевую аудиторию, невозможно без демонстрируемого продукта. При этом одним из эффективных методов влияния считается постоянное напоминание о товаре или услуге, которое в сети Интернет реализуется за счёт периодически возникающей контекстной рекламы. Она убеждает реципиента в том, что продукт ему нужен здесь и сейчас или понадобится в ближайшем будущем. Вместе с этим передаются также сведения о том, где и как можно приобрести товар или услугу. Постоянное возникновение рекламных окон также вызывает запоминание информации и поддерживает на желаемом для рекламодателя уровне осведомлённость о продукте [17; 18].

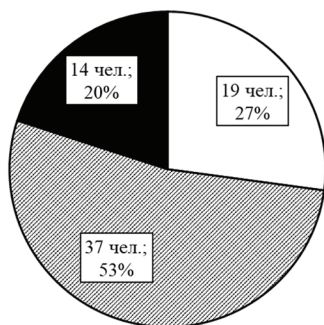
Таким образом, можно сделать вывод, что реклама нацелена на изменение не только когнитивных убеждений реципиентов о демонстрируемом товаре или услуге, но и их эмоционального состояния. Подчёркивая высокую научную новизну и практическую значимость проведённых на данном этапе развития психологической науки исследований, посвящённых данному явлению, стоит отметить, что детальное изучение особенностей трансформации эмоционального состояния личности в процессе просмотра рекламных видеороликов не становилось отдельным объектом изучения. Также недостаточным является понимание специфики этих изменений у личности, отличающейся различным уровнем рекламной суггестивности [19].

Представление результатов исследования

В исследовании приняли участие 70 человек, среди которых 22 юноши и 48 де-

вушек в возрасте от 18 до 25 лет, среди которых учащиеся ГБОУВО РК «КИПУ имени Февзи Якубова». В констатирующем эксперименте были использованы методики: «Самооценка эмоциональных состояний» (А. Уэссман, Д. Рикс), опросник «Рекламная суггестивность личности» (Р. И. Зекерьяев). В ходе математико-статистической обработки результатов был использован Т-критерий Вилкоксона. Программное обеспечение исследования составили MS Excel 2021 и IBM SPSS Statistics 22.0.

В ходе исследования было изучено количественное и процентное распределение респондентов с различными уровнями рекламной суггестивности (рис. 1).

□ Низкий уровень ■ Средний уровень ■ Высокий уровень

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение респондентов по уровням рекламной суггестивности / Distribution of respondents by levels of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

На втором этапе исследования респондентам предлагалось ответить на вопросы методики «Самооценка эмоциональных состояний». Затем испытуемые просматривали 10 рекламных видеороликов, отобранных случайным образом на видеохостинге Rutube. Среди рекламируемых товаров оказались лекарственное средство «Проспекта», банк «ПСБ», шоколадные батончики Snickers, мобильная сеть «Билайн», сеть супермаркетов «Пятёрочка», шампунь «Чистая линия»,

сеть ресторанов Black Star Burger, бренд «Ботаника», торговая площадка Ozon, банк «Дом РФ». Видеоролики, выступившие в качестве стимульного материала, были отобраны из общего массива популярной современной рекламы, транслируемой в медиапространстве, без целенаправленного тематико-стилистического отбора. Такой подход позволил избежать предвзятости и способствовал более объективному пониманию особенностей её воздействия на участников исследования. Вместе с этим, несмотря на случайный отбор, видеоролики оказались релевантными для молодёжной аудитории. После просмотра рекламных видеороликов респондентам предлагалось повторно ответить на вопросы обозначенной выше методики.

В ходе изучения полученных на двух срезах результатов было выявлено, что у респондентов с низким уровнем рекламной суггестивности наблюдались частичные изменения в их эмоциональном состоянии (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что произошли изменения в выраженности показателя энергичности-усталости в сторону снижения уровня усталости и повышения энергичности. Можно предположить, что данное явление может быть объяснено ярким и динамичным содержанием рекламных видеороликов (быстро сменяющиеся картинки, элементы юмора, сторителлинг и т. д.), которые вызывают у зрителя эмоциональный отклик. При этом из-за того, что реципиент не является внушаемым и анализирует поступающий информационный поток, такие стимулы могут повышать концентрацию его внимания и уровень бодрости.

Произошедшие изменения были также подтверждены путём использования Т-критерия Вилкоксона с преобразованием в Z (табл. 1).

Из рисунка 3 видно, что статистически значимыми являются изменения, произошедшие в показателе энергичности-усталости ($Z_{эмп} = -2,460$; $p < 0,05$).

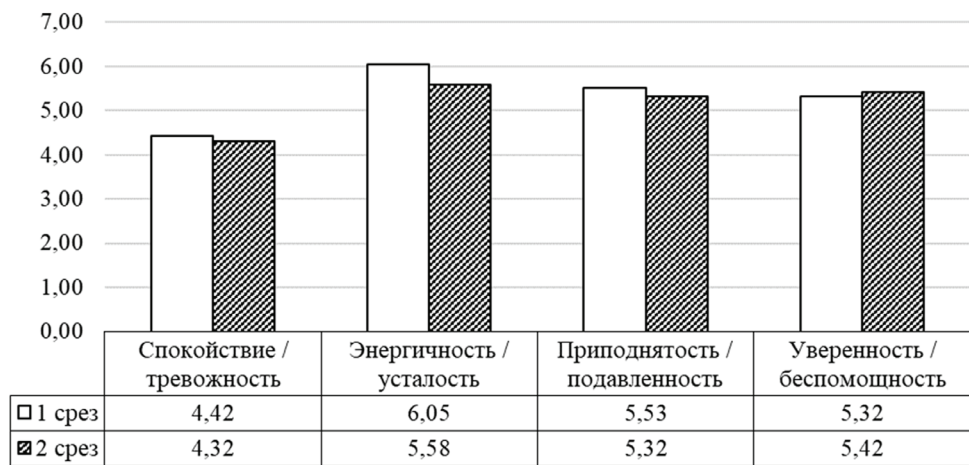

Рис. 2 / Fig. 2. Изменения показателей эмоциональных состояний респондентов с низким уровнем рекламной суггестивности / Changes in the indicators of emotional states of the respondents with a low level of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

Таблица 1/ Table 1

Результаты применения Т-критерия Вилкоксона с преобразованием в Z / Results of the Wilcoxon T-test with transformation to Z-score

Статистические критерии				
	Спокойствие / тревожность	Энергичность / усталость	Приподнятость / подавленность	Уверенность / беспомощность
Z	-0,157	-2,46	-0,811	-0,816
Асимптотическая значимость (2- сторонняя)	,875	,014	,417	,414

Источник: данные автора.

Также было обнаружено, что у респондентов со средним уровнем рекламной суггестивности произошли изменения в показателях их эмоциональных состояний (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что произошли изменения в выраженности показателей спокойствия-тревожности в сторону снижения уровня тревожности и повышения спокойствия, энергичности-усталости в сторону снижения уровня усталости и повышения энергичности, приподнятости-подавленности в сторону снижения уровня подавленности и

повышения приподнятости, уверенности-беспомощности в сторону снижения уровня беспомощности и повышения уверенности. Можно предположить, что данное явление может объясняется тем, что, во-первых, реклама часто содержит в себе стимулирующий и мотивирующий контент (бодрящая музыка, позитивные призывы к действию и т. д.). В свою очередь для данной группы респондентов характерно достаточно лояльное восприятие такой информации, сопровождающееся её позитивным осмыслением, что может активировать их внутренние

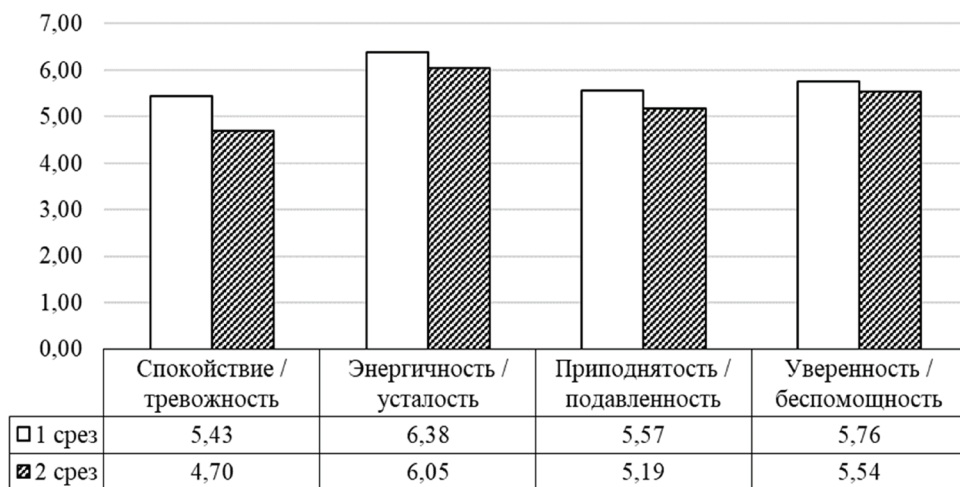

Рис. 3 / Fig. 3. Изменения показателей эмоциональных состояний личности респондентов со средним уровнем рекламной суггестивности / Changes in the indicators of emotional states of the personality of respondents with an average level of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

эмоциональные резервы, стимулировать бодрость и желание действовать. Во-вторых, рекламные сообщения часто содержат в себе обнадеживающие и успокаивающие послания по улучшению качества жизни или решению актуальных проблем. Средний уровень рекламной суггестивности личности способствует их восприятию как релевантных и надёжных, что способствует снижению уровня напряжения и тревожности. В-третьих, позитивные образы в таком контенте вызывают положительный эмоциональный отклик, который легко воспринимается респондентами данной группы и способствует общему улучшению их настроения. Вместе с этим реклама зачастую нацелена на формирование ощущения контроля и уверенности за счёт демонстрации готовых решений обозначенных в ней проблем. Люди со средним уровнем рекламной суггестивности могут расценивать такие послания как полезные и потенциально применимые в жизни, что укрепляет внутреннее ощущение самостоятельности и уверенности в своих силах.

Произошедшие изменения были также подтверждены путём использования

Т-критерия Вилкоксона с преобразованием в Z (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что статистически значимыми являются изменения произошедшие в показателях спокойствия-тревожности ($Z_{\text{эмп}} = -3,229$; $p < 0,01$), энергичности-усталости ($Z_{\text{эмп}} = -2,460$; $p < 0,05$), подавленности-приподнятости ($Z_{\text{эмп}} = -2,642$; $p < 0,01$), уверенности-беспомощности ($Z_{\text{эмп}} = -2,126$; $p < 0,05$).

В ходе исследования также было выявлено, что у респондентов с высоким уровнем рекламной суггестивности не произошло изменений в показателях их эмоциональных состояний (рис. 4).

Из рисунка 4 видно, что значимых изменений в эмоциональных состояниях личности в данной группе респондентов не произошло. Можно предположить, что данное явление может объясняется тем, что высокая рекламная суггестивность может быть связана с быстрым и «автоматическим» усвоением транслируемой информации без эмоционального вовлечения или критического осмысления увиденного. Такие люди могут воспринимать рекламный контент как инструкцию для принятия решения о приобретении и

Таблица 2 / Table 2

Результаты применения Т-критерия Вилкоксона с преобразованием в Z / Results of the Wilcoxon T-test with transformation to Z-score

Статистические критерии				
	Спокойствие / тревожность	Энергичность / усталость	Приподнятость / подавленность	Уверенность / беспомощность
Z	-3,229	-2,449	-2,642	-2,126
Асимптотическая значимость (2- сторонняя)	,001	,014	,008	,033

Источник: данные автора.

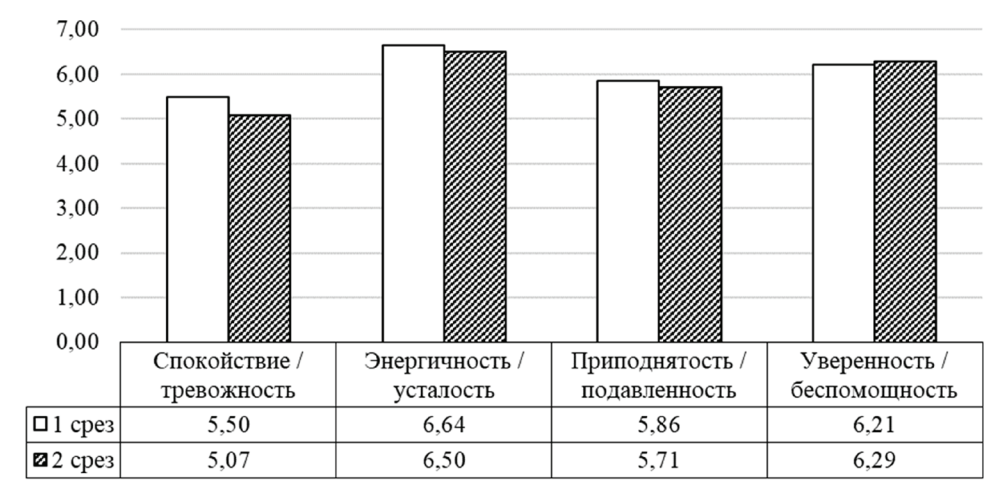

Рис. 4 / Fig. 4. Изменения показателей эмоциональных состояний личности респондентов с высоким уровнем рекламной суггестивности / Changes in the indicators of emotional states of the personality of respondents with a high level of advertising suggestiveness

Источник: данные автора.

товара, не являющуюся источником для нового аффективного опыта. Высокий уровень рекламной суггестивности в целом обуславливает не критичное принятие транслируемого контента и быстрое принятие решение о покупке товара без значительных эмоциональных колебаний. Отсутствие изменений было также подтверждено путём использования Т-критерия Вилкоксона с преобразованием в Z (табл. 3).

Из таблицы 3 видно, что статистически значимые изменения в показателях

эмоциональных состояний респондентов с высоким уровнем рекламной суггестивности отсутствуют.

Также необходимо отметить, что в рамках данного исследования наблюдалось наибольшее аффективное воздействие на реципиентов эмоционально-насыщенных и мотивирующих рекламных видеороликов, использующих яркие аудиовизуальные эффекты. В то же время отмечалось, что контент, носящий преимущественно повествовательный и информационный характер, воспри-

Table 3 / Table 3

Результаты применения Т-критерия Вилкоксона с преобразованием в Z / Results of the Wilcoxon T-test with transformation to Z-score

Статистические критерии				
	Спокойствие / тревожность	Энергичность / усталость	Приподнятость / подавленность	Уверенность / беспомощность
Z	-1,563	-0,577	-0,743	-0,577
Асимптотическая значимость (2- сторонняя)	,118	,564	,458	,564

Источник: данные автора.

нимается молодёжной аудиторией более спокойно и меньше воздействует на их эмоциональное состояние.

Для респондентов с низким уровнем рекламной суггестивности оказалось характерным изменение эмоционального состояния, заключающегося в повышении уровня энергичности. Можно предположить, что таким людям свойственны критическое восприятие рекламных сообщений и резистентность по отношению к коммуникативному воздействию. Но, несмотря на это, просмотр такого рода контента стимулирует их внимание, а использование в нём ярких аудиовизуальных стимулирующих эффектов и динамичного ритма повышает уровень бодрости. В связи с этим, даже при неприятии на веру содержания рекламы, сам процесс её просмотра активизирует нервную систему, повышая энергичность, что связано скорее с сенсорной реакцией, а не с внутренними установками в отношении такого рода контента.

Для респондентов со средним уровнем рекламной суггестивности характерна открытость к восприятию демонстрируемого контента с сохранением критичности по отношению к нему. Можно предположить, что такие люди видят рекламу как источник мотивации и эмоциональной поддержки, в связи с чем яркие образы и послания из неё вызывают эмоциональный подъём, рост уверенности в себе и своих возможностях по до-

стижению успеха за счёт идентификации себя с достигшими его героями сюжетов. Вместе с этим может наблюдаться эффект расслабления из-за приятной атмосферы показываемого материала, а также повышение энергичности, связанное не столько с сенсорной стимуляцией, сколько с внутренним аффективным откликом в адрес демонстрируемого материала.

Можно предположить, что отсутствие изменений в эмоциональных состояниях респондентов с высоким уровнем рекламной суггестивности объясняется тем, что у таких людей из-за частого просмотра этого вида контента может возникать привыкание к нему, что снижает его эмоциональное воздействие за счёт отсутствия эффекта новизны.

Данные предположения также коррелируют с результатами исследований, опубликованных современными учёными. Так, значимость в процессе привлечения внимания в ходе рекламного воздействия на эмоциональное состояние личности ярких аудиовизуальных элементов отмечала Т. А. Алехина [20]. «Философия успешной жизни», демонстрируемая в такого вида контенте, и её воздействие на реципиента также были описаны К. Д. Узденовой [21]. Предположение о более сильном эмоциональном отклике личности в случае идентификации себя с рекламным персонажем нашло своё отражение в работе Н. В. Чумичевой [22]. Мысль об эффективности воздействия

рекламы за счёт восприятия её как источника мотивации была также подтверждена Е. С. Серебренниковой [23]. Предположение о стремлении такого рода контента вызвать внутренний аффективный отклик у реципиента также было описано О. А. Бурукиной [24]. Несмотря на достаточно большое количество работ, подтверждающих результаты текущего исследования, необходимо отметить, что в них целевая аудитория рекламного влияния изучалась фронтально. В то же время данное исследование даёт более детальное описание воздействия, оказываемого данного рода контентом, на группы лиц с различным уровнем рекламной суггестивности.

Необходимо также отметить существование ограничения текущего исследования, заключающегося в том, что участие в нём приняли респонденты возраста 18–25 лет. В то же время можно допускать иной характер изменений в эмоциональном состоянии личности других возрастных категорий, что требует дополнительного изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реклама оказывает многогранное влияние на личность реципиента, не только формируя у него потребительские пред-

почтения, но и оказывая воздействие на его мировоззрение, поведенческие паттерны и эмоциональное состояние. Такой вид контента, обращаясь к эмоциям потенциальной аудитории, играет важную роль в формировании позитивного отношения к бренду.

В ходе исследования было выявлено, что у участников исследования с низким уровнем рекламной суггестивности в ходе просмотра рекламных видеороликов произошло изменение в эмоциональном состоянии, проявившемся в повышении уровня энергичности. У респондентов со средним уровнем данного признака наблюдались статистически значимое повышение показателей таких аффективных состояний, как спокойствие, энергичность, приподнятость, уверенность. В то же время у респондентов с высоким уровнем рекламной суггестивности в ходе просмотра рекламных видеороликов изменений в их эмоциональных состояниях обнаружено не было.

Перспектива дальнейших исследований заключается в изучении особенностей воздействия на личность рекламы различного тематико-стилистического содержания, выявлении особенностей воздействия рекламы на мужчин и женщин, сравнительного анализа воздействия рекламы на личность различных возрастных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березкина А. Э. Эмоции персонажа в рекламе: влияние на аудиторию // Инновационные научные исследования. 2022. № 11–1(23). С. 217–223. DOI: 10.5281/zenodo.7331540.
2. Харлампиева С. С. Маркетинговая компания «Манго» (С. Харлампиева). Эмоции в рекламе и их использование в коммерческих целях // Практический маркетинг. 2010. № 1 (133). С. 3–10.
3. Буряк Н. Ю. Визуальная коммуникация в медиaprостранстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–1(80). С. 99–102.
4. Зорина М. В., Садовкин А. А. Цветовой маркетинг: как цвет влияет на эмоциональное состояние зрителей // Современный учёный. 2024. № 4. С. 90–94.
5. Шачнев А. В. Психология цвета в печатной рекламе // Наука, образование и культура. 2021. № 1(56). С. 50–51.
6. Ramadevi V., Lakshmi D. The Impact of Genre, Tempo, Emotional Tone, And Lyrics of Advertising on Consumers' Perception of Brand Personality and Emotional Engagement // International Journal of Environmental Sciences. 2025. Vol. 11. No. 23s. P. 2936–2941. DOI: 10.64252/02mn8e34.

7. Брик Л. В. Реклама как фактор изменения потребностей и интересов молодёжи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3 (11). С. 11–26.
8. Arenas N. Eliciting Emotions as Cultural Mediation: Advertising and the Non-rational Space between Culture and the Economy // *Revista Latinoamericana de Estudios sobre Cuerpos, Emociones y Sociedad*. 2023. Vol. 41. № 15. P. 89–100.
9. Коберник Е. В. Реклама и её влияние на потребительское поведение // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 29. С. 1080–1084.
10. Pham Q. T., Do T. D. The Role of General Beliefs, Emotions and Attitudes Toward Controversial Advertising of FMCG products in Vietnam // *Journal of Intelligent Communication*. 2024. Vol. 3. No. 2. P. 9–22. DOI: 10.54963/jic.v3i2.215.
11. Райлян Д. С., Люсова А. Д. Роль эмоций в рекламе и их влияние на потребителя // *Дни студенческой науки: сборник статей по материалам XVI Всероссийского форума молодых учёных и студентов (Москва, 25 октября 2024 года)*. М.: Университетская книга, 2025. С. 465–470.
12. Gumber S. Navras: reflections of emotions in advertising // *ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts*. 2022. Vol. 3(1). P. 232–243. DOI: 10.29121/shodhkosh.v3.i1.2022.87.
13. Федорова Ж. В., Сираева Ф. Ф., Гизатуллина А. Р. Методы эмоционального воздействия рекламы // *Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 16–17 мая 2022 года)*. М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2022. С. 60–62.
14. Gong R. A Review on the Impact of Advertising on Consumer // *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2025. № 145 (1). P. 159–163. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.LD19040.
15. Королева М. А. Психосемантический анализ влияния телевизионной рекламы на эмоциональное состояние детей школьного возраста // *Вестник Алтайской государственной педагогической академии*. 2010. № 3. С. 20–23.
16. Пугачева К. Ю. Влияние интернет-рекламы на сознание пользовательской аудитории // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2020. № 2. С. 142–154.
17. Плеханова О. В. Влияние интернет-рекламы на общество потребления // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 62-7. С. 31–34.
18. Jung A. R. The influence of perceived ad relevance on social media advertising: An empirical examination of a mediating role of privacy concern // *Computers in Human Behavior*. 2017. № 70. P. 303–309. DOI: 10.1016/j.chb.2017.01.008.
19. Зекерьяев Р. И. Стандартизация авторского исследовательского опросника «Рекламная суггестивность личности» // *Проблемы современного педагогического образования*. 2025. № 86-1. С. 454–457.
20. Алехина Т. А. Особенности психологического воздействия рекламы на её потребителя // *Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования*. 2022. № 15. С. 118–121. DOI: 10.36683/2500-249X/2022-15/118-121.
21. Узденова Д. К. Влияние рекламы на общественное сознание // *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. 2013. № 13. С. 69–73.
22. Чумичева Н. В. Латентные гипноресурсы суггестивных рекламных сообщений // *Коммуникационные процессы: теория и практика: сборник материалов XIX международной научно-практической очно-заочной конференции (Краснодар, 23 ноября 2023 года)* Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2024. С. 182–188.

23. Серебrenникова Е. С. Анализ рекламы с точки зрения используемых мотивов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2(20). С. 219–224.
24. Бурукина О. А. Суггестивное воздействие рекламного контента на эмоциональное состояние реципиентов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 3-1. С. 28–39.

REFERENCES

1. Berezkina, A. E. (2022). Character Emotions in Advertising: Impact on the Audience. In: *Innovative Scientific Research*, 11–1 (23), 217–223. DOI: 10.5281/zenodo.7331540 (in Russ.).
2. Kharlampieva, S. S. (2010). Marketing Company “Mango” (S. Kharlampieva). Emotions in Advertising and Their Use for Commercial Purposes. In: *Practical Marketing*, 1 (133), 3–10 (in Russ.).
3. Buryak, N. Yu. (2023). Visual Communication in Media Space. In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 5–1 (80). 99–102 (in Russ.).
4. Zorina, M. V. & Sadovkin, A. A. (2024). Colour Marketing: How Colour Affects the Emotional State of Viewers. In: *Modern Scientist*, 4, 90–94 (in Russ.).
5. Shachnev, A. V. (2021). Psychology of Colour in Print Advertising. In: *Science, Education, and Culture*, 1 (56), 50–51 (in Russ.).
6. Ramadevi, V. & Lakshm, D. (2025). The Impact of Genre, Tempo, Emotional Tone, and Lyrics of Advertising on Consumers’ Perception of Brand Personality and Emotional Engagement. In: *International Journal of Environmental Sciences*, 11, 23s, 2936–2941. DOI: 10.64252/02mn8e34.
7. Brik, L. V. (2008). Advertising as a Factor in Changing the Needs and Interests of Young People. In: *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 3 (11), 11–26 (in Russ.).
8. Arenas, N. (2023). Eliciting Emotions as Cultural Mediation: Advertising and the Non-rational Space between Culture and the Economy. In: *Revista Latinoamericana de Estudios sobre Cuerpos, Emociones y Sociedad*, 41, 15, 89–100.
9. Kobernik, E. V. (2021). Advertising and Its Impact on Consumer Behavior. In: *Innovations. Science. Education*, 29, 1080–1084 (in Russ.).
10. Pham, Q. T. & Do, T. D. (2024). The Role of General Beliefs, Emotions, and Attitudes Toward Controversial Advertising of FMCG Products in Vietnam. In: *Journal of Intelligent Communication*, 3, 2, 9–22. DOI: 10.54963/jic.v3i2.215.
11. Railyan, D. S. & Lyusova, A. D. (2025). The Role of Emotions in Advertising and Their Influence on Consumers. In: *Days of Student Science: A Collection of Articles Based on the Materials of the XVI All-Russian Forum of Young Scientists and Students (Moscow, October 25, 2024)* Moscow: Universitetskaya kniga publ., p. 465–470 (in Russ.).
12. Gumber, S. (2022). Navras: Reflections of Emotions in Advertising. In: *ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts*, 3 (1), 232–243. DOI: 10.29121/shodhkosh.v3.i1.2022.87.
13. Fedorova, Zh. V., Siraeva, F. F. & Gizatullina, A. R. (2022). Methods of Emotional Impact of Advertising. In: *Advertising, PR and Design in Brand Communications: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, May 16–17, 2022)*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics publ., p. 60–62 (in Russ.).
14. Gong, R. (2025). A Review on the Impact of Advertising on Consumer. In: *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 202, 145 (1), 159–163. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.LD19040.
15. Koroleva, M. A. (2010). Psychosemantic Analysis of the Influence of Television Advertising on the Emotional State of School-age Children. In: *Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy*, 3, 20–23 (in Russ.).
16. Pugacheva, K. Yu. (2020). The Influence of Online Advertising on the Consciousness of the User Audience. In: *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*, 2, 142–154 (in Russ.).
17. Plekhanova, O. V. (2020). The Influence of Online Advertising on Consumer Society. In: *Trends in the Development of Science and Education*, 62-7, 31–34 (in Russ.).
18. Jung, A. R. (2017). The Influence of Perceived Ad Relevance on Social Media Advertising: An Empirical Examination of a Mediating Role of Privacy Concern. In: *Computers in Human Behavior*, 70, 303–309. DOI: 10.1016/j.chb.2017.01.008.
19. Zekeryaev, R. I. (2025). Standardization of the Author’s Research Questionnaire “Advertising Suggestibility of Personality”. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 86-1, 454–457 (in Russ.).

20. Alekhina, T. A. (2022). Features of the Psychological Impact of Advertising on Its Consumer. In: *Education and Science Without Borders: Fundamental and Applied Research*, 15, 118–121. DOI: 10.36683/2500-249X/2022-15/118-121 (in Russ.).
21. Uzdenova, D. K. (2013). The Impact of Advertising on Public Consciousness. In: *Economy and Management in the 21st Century: Development Trends*, 13, 69–73 (in Russ.).
22. Chumicheva, N. V. (2024). Latent Hypnoresources of Suggestive Advertising Messages. In: *Communication Processes: Theory and Practice: Collection of Materials from the XIX International Scientific and Practical In-Person and Correspondence Conference (Krasnodar, November 23, 2023)* Krasnodar, Kuban State Technological University, pp. 182–188 (in Russ.).
23. Serebrennikova, E. S. (2015). Analysis of Advertising from the Point of View of the Motives Used. In: *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 2 (20), 219–224 (in Russ.).
24. Burukina, O. A. (2020). Suggestive impact of advertising content on the emotional state of recipients. In: *Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 9, 3-1, 28–39 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович (г. Симферополь) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского инженерно-педагогического университета им Февзи Якубова;
<https://orcid.org/0000-0001-8366-0183>; e-mail: ruslan51291@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriaev (Simpheropol) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov;
ORCID: 0000-0001-8366-0183; e-mail: ruslan51291@mail.ru

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-35-45

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ, САМОРЕГУЛЯЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ

Усик Д. А.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: usik.d77@mail.ru

Поступила в редакцию 06.10.2025

После доработки 21.10.2025

Принята к публикации 22.10.2025

Аннотация

Цель. Данная статья представляет собой кросс-секционное эмпирическое исследование, направленное на изучение взаимосвязей между качеством социальных связей (семья, сверстники, школьная среда), уровнем саморегуляции и эмоциональным благополучием подростков в возрасте 13–17 лет. В исследовании участвовали 612 подростков ($M = 15.1$; $SD = 1.3$) из восьми образовательных организаций различного типа. Для измерения ключевых конструктов использовались валидированные самооценочные шкалы: шкала эмоционального благополучия (SEB), шкала саморегуляции (SRQ), шкала качества семейных отношений (FQS), шкала качества отношений сверстников (PRS) и шкала школьной адаптации (SAI).

Процедура и методы. Метод статистического анализа включал описательную статистику, корреляционный анализ, множественную регрессию и анализ медиаторных эффектов с процедурой bootstrap (бутстрэп) (5000 выборок). Особое внимание уделялось проверке гипотез о медиаторной роли саморегуляции и модерации связей по полу и возрасту.

Результаты. Результаты показали, что саморегуляция и качество семейных отношений являются устойчивыми предикторами эмоционального благополучия подростков: совместно предикторы объясняли приблизительно 42% дисперсии показателя благополучия ($R^2 = 0.42$). Саморегуляция демонстрировала наиболее сильный прямой вклад ($\beta = 0.39$, $p < 0.001$), тогда как качество семейных отношений имело как прямой эффект ($\beta = 0.27$, $p < 0.001$), так и косвенное влияние через саморегуляцию (значимый медиаторный эффект по bootstrap). Влияние школьной адаптации и отношений сверстников оказалось значимым, но относительно менее мощным и во многом опосредованным самооценкой и навыками саморегуляции. Анализ модерации показал, что влияние отношений со сверстниками статистически значительно сильнее у девочек, а возраст усиливал связь между академическим стрессом и снижением саморегуляции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования подчёркивают важность интегративного подхода: помимо поддержки семейной среды, ключевой задачей профилактики снижения эмоционального благополучия является развитие навыков саморегуляции у подростков. Практические рекомендации включают внедрение школьных и семейных интервенций, направленных на тренинг саморегуляции, улучшение родительно-подросткового взаимодействия и создание поддерживающего школьного климата.

Ключевые слова: социальные связи, подростки, эмоциональное благополучие, саморегуляция, управление стрессом, ресурсы личности, эмоции

Для цитирования: Усик Д. А. Взаимосвязь социальных связей, саморегуляции и эмоционального благополучия подростков // Психологические науки. 2026. № 1. С. 35–45. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-35-45>

Original research article

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL CONNECTIONS AND SELF-REGULATION ON THE EMOTIONAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS

D. Usik

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

e-mail: usik.d77@mail.ru

Received by the editorial office 06.10.2025

Revised by the author 21.10.2025

Accepted for publication 22.10.2025

Abstract

Aim. In this article, the results of a cross-sectional empirical study aimed at examining the relationships between the quality of social connections (family, peers, school environment), the level of self-regulation and emotional well-being of adolescents aged 13–17 years are presented. The study involved 612 adolescents ($M = 15.1$; $SD = 1.3$) from eight educational organizations of various types.

Methodology. Validated self-assessment scales were used to measure key constructs – the scale of emotional well-being (SEB), the scale of self-regulation (SRQ), the scale of family relationship quality (FQS), the scale of peer relationship quality (PRS) and the scale of school adaptation (SAI). The statistical analysis method included descriptive statistics, correlation analysis, multiple regression, and analysis of mediator effects with the bootstrap procedure (5000 samples). Attention was paid to testing the hypotheses about the mediator role of self-regulation and the moderation of relationships by gender and age.

Results. The results showed that self-regulation and the quality of family relationships are stable predictors of adolescents' emotional well-being: together, the predictors explained approximately 42% of the variance in the well-being indicator ($R^2 = 0.42$). Self-regulation demonstrated the strongest direct contribution ($\beta = 0.39$, $p < 0.001$), while the quality of family relationships had both a direct effect ($\beta = 0.27$, $p < 0.001$) and an indirect effect through self-regulation (significant mediator effect according to the bootstrap procedure). The influence of school adaptation and peer relationships turned out to be significant, but relatively less powerful and largely mediated by self-esteem and self-regulation skills. Moderation analysis showed that the influence of peer relationships was statistically significantly stronger for girls, and age strengthened the relationship between academic stress and decreased self-regulation.

Research implications. The findings of the study highlight the importance of an integrative approach – in addition to supporting the family environment, the key task of preventing a decrease in emotional well-being is the development of self-regulation skills in adolescents. Practical recommendations include the implementation of school and family interventions aimed at self-regulation training, improving parent-adolescent interactions, and creating a supportive school climate.

Keywords: social connections, adolescents, emotional well-being, self-regulation, stress management, personal resources, emotions.

For citation: Usik, D. A. (2026). The Relationship Between Social Connections, Self-Regulation, and Emotional Well-Being of Adolescents. In: *Psychological Sciences*, 1, 35–45. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-35-45>

ВВЕДЕНИЕ

Переходный возраст – это этап развития личности, характеризующийся сложной перестройкой биопсихосоциальных систем. Подростковый период сопровождается не только физиологическими изменениями, но и значительными перестановками в сфере межличностных отношений: происходит перераспределение значимости источников поддержки, возрастает влияние сверстников и меняется характер взаимодействия с образовательной средой. Эти трансформации накладывают повышенные требования на внутренние регуляторные механизмы подростка – способности управлять вниманием, эмоциями и поведением в условиях растущего стресса [1; 2]. В связи с этим изучение факторов, способствующих эмоциональному благополучию в подростковом возрасте, остаётся приоритетной задачей прикладной психологии и педагогики.

Современные теоретические подходы к психическому здоровью подростков подчёркивают мультифакторную и системную природу влияющих факторов. В рамках био-психосоциальной модели выделяются три ключевые группы детерминантов: 1) внешние социальные условия (семья, сверстники, школа); 2) внутренние ресурсы личности (саморегуляция, эмоциональный интеллект, самоэффективность); 3) контекстуальные факторы (социально-экономический статус, цифровая среда, культурные нормы). Большое количество эмпирических исследований демонстрируют стабильную связь между поддерживающей родительской средой и лучшими показателями психического здоровья подростков (например, повышение самооценки, снижение уровня тревоги и депрессивных симптомов). Также в литературе выделяют роль позитивных связей сверстников и безопасного школьного климата как важных факторов риска/защиты [3; 4].

Саморегуляция во многих работах именуется ключевым «буфером» при

воздействии стрессовых факторов. Она включает когнитивные (планирование, контроль внимания), эмоциональные (распознавание и регулирование чувств) и поведенческие компоненты (умение откладывать немедленное вознаграждение, поддержание адаптивного поведения) [5; 6]. Исследования показывают, что высокий уровень саморегуляции связан с лучшей академической адаптацией, меньшей склонностью к рискованному поведению и более высоким уровнем субъективного благополучия.

Тем не менее существует несколько пробелов в эмпирическом знании: во-первых, как именно взаимодействуют внешние контексты и личностные ресурсы (какие эффекты прямые, а какие – опосредованные); во-вторых, как пол и возраст модифицируют влияние социальных факторов; в-третьих, ограниченное количество исследований учитывает современный цифровой контекст, который трансформирует структуру взаимодействий сверстников и способы саморегуляции [7; 8].

Основная цель настоящего исследования – прояснить вклад качества социальных связей (семья, сверстники, школа) и уровня саморегуляции в эмоциональное благополучие подростков 13–17 лет, а также исследовать медиаторную роль саморегуляции и модерацию эффектов по полу и возрасту.

Гипотезы:

- качество семейных отношений положительно связано с эмоциональным благополучием подростков;

- уровень саморегуляции положительно коррелирует с эмоциональным благополучием и выступает частичным медиатором между качеством социальных связей и благополучием;

- позитивные связи сверстников и благоприятная школьная адаптация оказывают положительное влияние на благополучие преимущественно через внутренние психологические механизмы, прежде всего самооценку и саморегуляцию.

– пол и возраст модулируют связи между социальными факторами, саморегуляцией и эмоциональным благополучием: влияние сверстников сильнее у девочек; влияние академического стресса на саморегуляцию сильнее у старших возрастных групп [9; 10].

Материалы и методы

Исследование выполнено в кросс-секционном (поперечном) дизайне с использованием стандартизованных самоотчётных методов. Основная цель методической части – подробно описать выборку, используемые инструменты, процедуру сбора данных, методы обработки и статистический анализ, обеспечивающие воспроизводимость и интерпретируемость результатов. Сбор данных проводился в течение одного академического года (период исследования: сентябрь – май).

Выборка: $N = 612$ подростков в возрасте 13–17 лет ($M = 15.1$; $SD = 1.3$). В выборке было 324 (52.9%) девушки и 288 (47.1%) юношей. Респонденты были набраны из восьми образовательных организаций (городские и пригородные школы). Отбор осуществлялся стратифицированной выборкой по классу и полу с целью обеспечить репрезентативность по основным демографическим характеристикам в пределах исследуемых школ.

Критерии включения: возраст 13–17 лет, письменное информированное согласие родителей (для несовершеннолетних), письменное согласие участника. Критерии исключения: зарегистрированные тяжёлые психические расстройства, нахождение на стационарном лечении в момент исследования, недостаточное владение языком анкетирования.

Для обеспечения достаточной статистической мощности была проведена априорная оценка (G^* Power, ориентировочная модель множественной регрессии). Для выявления малых – средних эффектов ($f^2 \approx 0.05$) при $\alpha = 0.05$ и мощности $(1 - \beta) = 0.80$ с четырьмя предикторами

требовался приблизительный объём выборки порядка $N \approx 260\text{--}300$. Фактический размер выборки – $N = 612$ – существенно превосходит требуемый объём и обеспечивает высокую статистическую мощность для детекции даже умеренных и малых эффектов.

Ниже приведён перечень используемых инструментов, их структура и параметры надёжности (Cronbach's α) (табл. 1):

Все используемые шкалы были представлены на языке анкеты (русский). При необходимости перевода исходные англоязычные версии были переведены на русский и обратно на английский язык (back-translation) для проверки адекватности формулировок. Проведена пилотная проверка на небольшом образце ($N \approx 30$) для оценки понятности пунктов и времени заполнения; внесены несущественные редакционные правки.

Сбор данных проводился очно в учебных заведениях с разрешения администраций школ. Перед заполнением участникам предоставлялась письменная и устная информация об исследовании, гарантировалась анонимность и добровольность участия. Анкеты заполнялись в классе под наблюдением исследователя (в среднем 35–45 минут). Для минимизации ошибок заполнения использовались инструктивные подсказки и проверка на пропуски сразу после сбора.

Данные вводились в электронную базу (защищённый файл) двумя независимыми операторами для контроля ввода и последующего сравнения записей с целью выявления опечаток и ошибок. При обнаружении расхождений использовалась проверка оригинальных бланков.

При проведении работ обеспечивалась возможность получить контакты психологической помощи при выявлении ярко выраженных признаков дистресса у респондентов; отдельные участники были направлены на консультацию при наличии запроса.

После ввода данные были проверены на полноту и корректность. Пропущенные

Таблица 1 / Table 1

Инструменты (психодиагностические шкалы) / Tools (psycho-diagnostic scales)

Инструмент	Краткое описание	Число пунктов (ориентировочно)	Надёжность (α)
Шкала эмоционального благополучия (SEB)	Самоотчётная шкала, оценивающая положительные и отрицательные аспекты эмоционального состояния за последние 2 недели. Баллы суммируются; более высокие показатели отражают лучшее благополучие	24	0.89
Шкала саморегуляции подростка (SRQ)	Оценивает когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты саморегуляции (включая контроль внимания, управление эмоциями и поведенческую регуляцию)	20	0.86
Шкала качества семейных отношений (FQS)	Оценивает восприятие поддержки со стороны семьи, открытости общения, дисциплины и конфликтности в семейной среде	16	0.83
Шкала качества отношений сверстников (PRS)	Измеряет принадлежность к группе сверстников, степень принятия, наличие конфликтов и элементов буллинга	18	0.81
Шкала школьной адаптации (SAI)	Оценивает академическую мотивацию, взаимоотношения с учителями и общий школьный климат	14	0.79

Источник: данные авторов.

ответы анализировались по механизму: если пропущено $\leq 5\%$ пунктов в шкале, использовалась средняя по шкале (scale mean imputation); при $> 5\%$ пропусков в шкале ответ считался неполным для данного участника и исключался из анализов с этой шкалой. Проведена проверка на систематичность пропусков (Missing Completely At Random, MCAR) с тестом Little при необходимости.

Анализ данных выполнялся с использованием статистических пакетов (SPSS/AMOS, R или аналогичных). Основные этапы анализа:

Описательная статистика: средние (M), стандартные отклонения (SD), асимметрия и эксцесс для основных шкал.

Надёжность шкал: оценка внутренней согласованности (Cronbach's α) для каждой шкалы.

Корреляционный анализ (Pearson) для оценки первичных связей между переменными.

Множественная линейная регрессия: оценка вклада саморегуляции и социальных факторов в эмоциональное благополучие; проверка допущений регрессии (линейность, нормальность остатков, гомоскедастичность, отсутствие мультиколлинеарности – $VIF < 5$).

Анализ посредничества (mediation): использованы процедуры bootstrap (5000 выборок) и/или модуль PROCESS (Hayes) для оценки косвенных эффектов (95% – доверительные интервалы).

Анализ модерации (moderation): тесты взаимодействия для проверки роли пола и возраста; при необходимости проведение стратифицированных анализов.

Дополнительно: подтверждающий факторный анализ (CFA) для проверки структуры шкал и оценка показателей фит-моделей (CFI, TLI, RMSEA, SRMR) при использовании SEM/AMOS.

Критический уровень значимости установлен на $p < 0.05$. Для множествен-

ных сравнений применялись коррективы (например, метод Бонферрони или FDR), если это было необходимо. Для интерпретации силы эффекта использовались стандартизованные коэффициенты (β), частные η^2 и интерпретация коэффициентов корреляции (r).

Для обработки данных и построения моделей использовались: SPSS (версия 25 и выше) для базовой статистики и регрессий, AMOS или R (пакеты lavaan, psych, semTools) для структурного моделирования и CFA. Скрипты и синтакс-файлы сохранялись и при необходимости могут быть предоставлены для обеспечения воспроизводимости результатов.

Ограничения в части методов:

- кросс-секционный дизайн ограничивает возможность вывода о причинно-следственных связях;
- использование самоотчётных шкал может приводить к смещению (соци-

ально желательное ответное поведение, ошибки памяти);

- выборка, хотя и достаточно крупная, ограничена географически, что сдерживает общую обобщаемость результатов;

- некоторые релевантные переменные (например, качество сна, уровень физической активности, детальные цифровые паттерны использования) не были включены в текущую версию анкеты.

Результаты исследования

Ниже представлены подробные результаты эмпирического исследования: описательная статистика по шкалам, надёжность инструментов, корреляционная матрица, результаты множественной регрессии, анализ посредничества (mediation) с bootstrap и результаты тестов модерации (moderation). Выборка: N = 612 подростков (возраст 13–17 лет) (табл. 2, 3).

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика и надёжность шкал / Descriptive statistics and reliability of scales

Шкала	N	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Мин.	Макс.	Асимметрия (Skew)	Экссесс (Kurtosis)	Cronbach's α
SEB (эмоц. благополучие)	612	68.3	11.4	24	96	-0.23	0.15	0.89
SRQ (саморегуляция)	612	62.7	9.8	28	90	-0.1	-0.12	0.86
FQS (семья)	612	58.9	10.6	20	84	-0.05	-0.05	0.83
PRS (сверстники)	612	55.4	12.1	15	88	0.12	0.2	0.81
SAI (школа)	612	60.2	10.0	18	86	-0.08	-0.1	0.79

Источник: данные автора.

Примечание: минимальные и максимальные значения указаны для иллюстрации (ориентировочные диапазоны по шкалам).

Таблица 3 / Table 3

Корреляционная матрица (Pearson) / Correlation matrix (Pearson)

	SEB	SRQ	FQS	PRS	SAI
SEB	1.00	0.56	0.49	0.35	0.41
SRQ	0.56	1.00	0.44	0.30	0.38
FQS	0.49	0.44	1.00	0.33	0.36
PRS	0.35	0.30	0.33	1.00	0.29
SAI	0.41	0.38	0.36	0.29	1.00

Источник: данные автора.

Все приведённые корреляции статистически значимы на уровне $p < 0.001$, если не указано иное.

Построена множественная линейная регрессия с зависимой переменной SEB и предикторами: SRQ (саморегуляция), FQS (качество семейных отношений), SAI (школьная адаптация), PRS (сверстники). Модель значима: $F(4,607) = 112.60$, $p < 0.001$, $R^2 = 0.42$.

Таблица 3 содержит стандартизованные коэффициенты β , стандартные ошибки (SE), t-статистики и p-значения.

Интерпретация: самый сильный вклад в объяснение вариации SEB вносит саморегуляция ($\beta = 0.39$), затем – семейные отношения ($\beta = 0.27$).

Проверялась гипотеза частичной медиаторной роли саморегуляции (SRQ) в

связях между социальными предикторами и SEB. Использовалась процедура bootstrap (5000 выборок) для оценки косвенных эффектов и 95% доверительных интервалов. Результаты представлены в таблице 4.

Вывод: для качества семейных отношений наблюдается значимый как прямой, так и косвенный (через SRQ) эффект на SEB. Для школьной адаптации – также частичное посредничество. Для отношений сверстников косвенный эффект слаб и статистически менее устойчив.

Тесты модерации показали следующее: – взаимодействие PRS $\times$ Пол (PRS $\times$ Gender) на SEB оказалось значимым ($\beta = 0.10$, $p = 0.01$), что указывает на более сильную связь отношений сверстников с благополучием у девочек;

Таблица 3 / Table 3

Множественная регрессия: предикторы эмоционального благополучия (SEB) / Multiple regression: predictors of emotional well-being (SEB)

Предиктор	β (стандартиз.)	SE (β)	t	P
(Константа)	–	–	–	–
SRQ (саморегуляция)	0.39	0.04	9.75	<0.001
FQS (семейные отношения)	0.27	0.05	5.4	<0.001
SAI (школьная адаптация)	0.13	0.05	2.6	0.009
PRS (сверстники)	0.07	0.03	2.33	0.020

Источник: данные автора.

Таблица 4 / Table 4

Анализ посредничества (mediation) – роль саморегуляции / Mediation analysis – the role of self-regulation

Путь	Эффект (B or β)	95% CI	p (bootstrap)
FQS $\rightarrow$ SRQ $\rightarrow$ SEB (косвенный)	0.17	[0.12, 0.22]	<0.001
FQS $\rightarrow$ SEB (прямой)	0.27	[0.19, 0.35]	<0.001
FQS $\rightarrow$ SEB (всего)	0.44	[0.33, 0.55]	<0.001
SAI $\rightarrow$ SRQ $\rightarrow$ SEB (косвенный)	0.07	[0.03, 0.11]	0.002
SAI $\rightarrow$ SEB (прямой)	0.13	[0.05, 0.21]	0.012
SAI $\rightarrow$ SEB (всего)	0.2	[0.09, 0.31]	<0.001
PRS $\rightarrow$ SRQ $\rightarrow$ SEB (косвенный)	0.02	[0.00, 0.05]	0.060
PRS $\rightarrow$ SEB (прямой)	0.05	[–0.01, 0.11]	0.120
PRS $\rightarrow$ SEB (всего)	0.07	[0.00, 0.09]	0.080

Источник: данные автора.

– взаимодействие $SAI \times \text{Возраст}$ на SRQ показало отрицательный коэффициент ($\beta = -0.09$, $p = 0.03$), что интерпретируется как усиление негативного влияния академического стресса на саморегуляцию в старших возрастных группах.

Примеры простых наклонов (simple slopes):

– для младшей группы (13–14 лет): влияние SAI на $SRQ = 0.18$, $p < 0.001$;

– для старшей группы (16–17 лет): влияние SAI на $SRQ = 0.05$, $p = 0.15$ (незначимо).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящего исследования было прояснить вклад качества социальных связей (семья, сверстники, школьная среда) и уровня саморегуляции в эмоциональное благополучие подростков 13–17 лет, а также проверить гипотезу о медиаторной роли саморегуляции и модерации эффектов по полу и возрасту. Ниже приведено подробное заключение, структурированное в соответствии с поставленными целями, с указанием подтверждённых гипотез, практических выводов и рекомендаций для дальнейших исследований.

Анализ данных подтвердил, что обозначенные в цели факторы – качество семейных отношений, связи сверстников, школьная адаптация и уровень саморегуляции – существенно связаны с эмоциональным благополучием подростков. Модель множественной регрессии показала, что совокупность этих предикторов объясняет примерно 42% вариации показателя эмоционального благополучия ($R^2 = 0.42$), что свидетельствует о существенной, но не исчерпывающей роли изученных переменных в формировании субъективного благополучия.

Качество семейных отношений показало значимый прямой вклад в SEB ($\beta = 0.27$, $p < 0.001$). Это указывает на то, что поддерживающая и открытая семейная среда сама по себе способствует лучшему эмоциональному состоянию подростков.

Саморегуляция продемонстрировала наибольшую величину стандартизованного вклада ($\beta = 0.39$, $p < 0.001$). Анализ посредничества (bootstrap, 5000 выборок) показал, что часть эффекта качества семейных отношений и школьной адаптации на эмоциональное благополучие реализуется через повышение уровня саморегуляции. Таким образом, саморегуляция выполняет роль ключевого механизма, усиливающего защитное влияние позитивного окружения.

Показатели школьной адаптации и отношений сверстников имели значимые связи с SEB , но их прямой вклад был менее выражен по сравнению с саморегуляцией и семейной поддержкой [11]. Для школьной адаптации наблюдалось частичное посредничество через саморегуляцию; для отношений сверстников косвенные эффекты были слабее и менее устойчивы, что указывает на необходимость дальнейшего изучения механизмов (включая самооценку и чувство принадлежности как потенциальные медиаторы) [8; 12].

Модерационный анализ показал, что влияние отношений сверстников на эмоциональное благополучие сильнее у девочек (значимое взаимодействие $PRS \times \text{Пол}$). Возраст модифицировал взаимосвязь между школьной адаптацией и саморегуляцией: старшие подростки более уязвимы к академическому стрессу, что отражается в снижении регуляторных функций. Эти результаты подчёркивают, что интервенции и превентивные программы должны учитывать гендерные и возрастные особенности [13,14].

На основе подтверждённых гипотез и выявленных механизмов можно сформулировать следующие практические рекомендации:

- разрабатывать и внедрять школьные программы по развитию саморегуляции (модули 8–12 занятий), включающие практики планирования и управления вниманием, эмоциональными реакциями;
- включать родителей в профилактические программы: обучение эффектив-

ной коммуникации, разрешению конфликтов и поддерживающим стратегиям воспитания;

– для девочек – интегрировать компоненты, усиливающие качество межличностных связей и навыки поддержки сверстников; для старших подростков – уделять внимание стратегиям совладания с академическим стрессом;

– проводить скрининг уровня саморегуляции и эмоционального благополучия в школах для ранней идентификации групп риска и оперативного предоставления помощи.

Тем не менее, высокая статистическая мощность ($N = 612$) и устойчивые эффекты саморегуляции и семейной поддержки придают доверие практическим рекомендациям, особенно касающимся внедре-

ния программ развития саморегуляции и семейной поддержки.

Исследование достигло поставленных целей – выявило и конкретизировало вклад качества социальных связей и саморегуляции в эмоциональное благополучие подростков. Наиболее практично значимым оказалось открытие медиаторной роли саморегуляции: это указывает на то, что обучение подростков навыкам саморегуляции является эффективной точкой приложения усилий для улучшения их эмоционального состояния и повышения устойчивости к стрессорным факторам [15]. Реализация межуровневых программ (семья + школа + индивидуальные тренинги) представляется наиболее перспективной стратегией профилактики и поддержки психического здоровья подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жданова Т. А., Филиппова Е. В. Психологическое благополучие подростка: личностные качества и семейные отношения (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13, № 4. С. 51–63. DOI: 10.17759/jmfr.2024130405.
2. Ишмуратова Ю. А., Потанина А. М., Бондаренко И. Н. Вклад осознанной саморегуляции, вовлечённости и мотивации в академическую успеваемость школьников в разные периоды обучения // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, №5. С. 17–29. DOI: 10.17759/pse.2021260502.
3. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского Университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 4–37. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01.
4. Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р., Петраш М. Д. Одиночество и ориентированность на социум: модулирующая роль возраста, пола и психологического благополучия // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Т. 32, № 1. С. 103–121. DOI: 10.17759/cpr.2024320105.
5. Велиева С. В., Велиев А. Р., Ешмейкина С. В. Стратегии поведения и саморегуляции у подростков при разных психических состояниях // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 7. С. 144–147. DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.105.
6. Гордеева Т. О., Сычев О. А. От чего зависит психологическое благополучие российских подростков: анализ результатов PISA 2018 // Сибирский Психологический Журнал. 2023. № 88. С. 85–104. DOI: 10.17223/17267080/88/5.
7. Печеркина А. А., Катькало К. Д., Борисов Г. И. Эмоциональное благополучие школьников: теоретические основания и перспективы исследования // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 8. С. 134–161. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-8-134-161.
8. Bochantseva L. I. Formation of emotional well-being in adolescents from dysfunctional families // Pedagogical image. 2024. № 3. P. 395–409.
9. Baird S., Choonara S., Azzopardi P. Z. et al. A call to action: the second Lancet Commission on adolescent health and wellbeing // The Lancet. 2025. Т. 405, № 10493. P. 1945–2022. DOI: 10.1016/S0140-6736(25)00503-3.
10. The Lancet. An age of uncertainty: mental health in young people // The Lancet. 2022. Т. 400, № 10352. P. 539. DOI: 10.1016/S0140-6736(22)01572-0.
11. Ахматова И. М., Эхаева Р. М. Психолого-педагогические особенности адаптации младших школьников в образовательной среде // Известия Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2023. № 3 (31). С. 119–124. DOI: 10.36684/12-2023-31-3-124-129.

12. Hollis C., Falconer C. J., Martin J. L. et al. Annual Research Review: Digital health interventions for children and young people with mental health problems – a systematic and meta-review // *Child Psychology Psychiatry*. 2017. Vol. 58, № 4. P. 474–503. DOI: 10.1111/jcpp.12663.
13. Khalaf A. M., Alubied A. A., Khalaf A. M. et al. The Impact of Social Media on the Mental Health of Adolescents and Young Adults: A Systematic Review // *Cureus*. 2023. № 5 (15). URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles> (дата обращения: 10.10.2025).
14. McGorry P., Gunasiri H., Mei C. et al. The youth mental health crisis: analysis and solutions // *Frontiers in Psychiatry*. 2025. № 15. P. 517–533. DOI: 10.3389/fpsy.2024.1517533.
15. Усик Д. А. Влияние технологий на социальные взаимодействия: социологическая перспектива // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2024. № 2 (39). С. 14–22. DOI: 10.21626/j-chr/2024-2(39)/2.

REFERENCES

1. Zhdanova, T. A. & Filippova, E. V. (2024). Psychological Well-Being of a Teenager: Personal Qualities and Family Relationships (Based on Foreign Studies). In: *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13, 4, 51–63 (in Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2024130405.
2. Ishmuratova, Yu. A., Potanina, A. M. & Bondarenko, I. N. (2021). The Contribution of Conscious Self-Regulation, Involvement, and Motivation to the Academic Performance of Schoolchildren at Different Periods of Study. In: *Psychological Science and Education*, 26, 5, 17–29 (in Russ.). DOI: 10.17759/pse.2021260502.
3. Morosanova, V. I. (2021). Conscious Self-Regulation as a Meta-resource for Achieving Goals and Resolving Life Problems. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 1, 4–37 (in Russ.). DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01.
4. Strizhitskaya, O. Yu., Murtazina, I. R. & Petrash, M. D. (2024). Loneliness and Social Orientation: The Moderating Role of Age, Gender, and Psychological Well-Being. In: *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 32, 1, 103–121 (in Russ.). DOI: 10.17759/cpp.2024320105.
5. Velieva, S. V., Veliev, A. R. & Eshmeikina, S. V. (2022). Behavioral and Self-Regulation Strategies in Adolescents with Different Mental States. In: *International Research Journal*, 7, 144–147 (in Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.105.
6. Gordeeva, T. O. & Sychev, O. A. (2023). What Determines the Psychological Well-being of Russian Adolescents: Analysis of the Pisa 2018 Results. In: *Siberian Journal of Psychology*, 88, 85–104 (in Russ.). DOI: 10.17223/17267080/88/5.
7. Pecherkina, A. A., Katkalo, K. D. & Borisov, G. I. (2023). Emotional Well-being of Schoolchildren: Theoretical Foundations and Research Prospects. In: *Education and Science Journal*, 25, 8, 134–161 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2023-8-134-161.
8. Bochantseva, L. I. (2024). Formation of Emotional Well-being in Adolescents from Dysfunctional Families. In: *Pedagogical Image*, 3, 395–409.
9. Baird, S., Choonara, S. & Azzopardi, P. Z. et al. (2025). A Call to Action: The Second Lancet Commission on Adolescent Health and Wellbeing. In: *The Lancet*, 405, 10493, 1945–2022. DOI: 10.1016/S0140-6736(25)00503-3.
10. The Lancet, eds. (2022). An Age of Uncertainty: Mental Health in Young People. In: *The Lancet*, 400, 10352, 539. DOI: 10.1016/S0140-6736(22)01572-0.
11. Akhmatova, I. M. & Ekhaeva, R. M. (2023). Psychological and Pedagogical Features of Adaptation of Primary School Students in the Educational Environment. In: *Izvestia of Kadyrov Chechen State University*, 3 (31), 119–124 (in Russ.). DOI 10.36684/12-2023-31-3-124-129.
12. Hollis, C., Falconer, C. J. & Martin, J. L. et al. (2017). Annual Research Review: Digital Health Interventions for Children and Young People With Mental Health Problems – A Systematic and Meta-Review. In: *Child Psychology Psychiatry*, 58, 4, 474–503. DOI: 10.1111/jcpp.12663.
13. Khalaf, A. M., Alubied, A. A. & Khalaf, A. M. et al. (2023). The Impact of Social Media on the Mental Health of Adolescents and Young Adults: A Systematic Review. In: *Cureus*, 5 (15). URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles> (accessed: 10.10.2025).
14. McGorry, P., Gunasiri, H. & Mei, C. et al. (2025). The Youth Mental Health Crisis: Analysis and Solutions. In: *Frontiers in Psychiatry*, 15, 517–533. DOI: 10.3389/fpsy.2024.1517533.
15. Usik, D. A. (2024). The Impact of Technology on Social Interactions: A Sociological Perspective. In: *The Collection of Humanitarian Studies*, 2 (39), 14–22 (in Russ.). DOI: 10.21626/j-chr/2024-2(39)/2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усик Дмитрий Андреевич (г. Москва) – ассистент кафедры психологии семьи и детства Института психологии Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета;
ORCID: 0000-0003-4994-7054; e-mail: Usik.d77@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii A. Usik (Moscow) – Assistant, Department of Family and Childhood Psychology, L. S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities;
ORCID: 0000-0003-4994-7054; e-mail: Usik.d77@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-46-60

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДОСТАТКА

Дементьев А. С.¹, Цветкова Н. А.^{1,2*}

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.11.2025

После доработки 03.12.2025

Принята к публикации 08.12.2025

Аннотация

Цель. Выявление связи чувствительности к справедливости с семейными и личностными характеристиками у молодых людей с высоким, средним и низким уровнями достатка.

Процедура и методы. Психодиагностическая процедура проведена на основе методик: «Чувствительность к справедливости» М. Шмитт в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер в соавт.; «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой в соавт.; «Тёмная» тетрада», адаптированная Д. С. Корниенко в соавт.; «уровень социальной фрустрированности» Л. И. Вассермана; «Склонность к преодолению социальных норм и правил» Ю. А. Клейберга. Применялась совокупность методов математико-статистической обработки данных (пакет MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 26). Выполнялись сравнительный и корреляционный анализы; значимость и достоверность межгрупповых различий проверялась по Н-критерию Краскела-Уоллиса; корреляционный анализ проведён по t-критерию Спирмена.

Результаты. В группах испытуемых с высокими, средними и низкими доходами выявлен сходный умеренный уровень чувствительности к справедливости и доминирующая позиция нарушителя, однако большая сбалансированность всех 4-х позиций – у высокодоходных молодых людей. Сильные межгрупповые различия обнаружены в показателе семейной эмоциональной дисфункции – «критике», а также в удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими, но их нет в показателях личностных характеристик-черт «тёмной» тетрады и в

склонности к нарушению социальных норм и правил. Установлено, что в группах чувствительность к справедливости по-разному согласуется с исследуемыми семейными и личностными характеристиками, а в группе высокодоходных испытуемых минимум корреляций (2 очень сильных – с семейным перфекционизмом и нарциссизмом и 1 значимая – с индуцированием тревоги), тогда как в двух других группах их много. Обнаружено, что чувствительность к справедливости детерминируют 5 факторов: «скрытая семейная дезорганизация», «чувствительность к справедливости», «антисоциальная направленность личности», «тревожная гипервовлечённость» и «семейная перфекционистская авторитарность». Сделан вывод: семейная и личностная детерминация чувствительности к справедливости у молодых людей различается в зависимости от уровня их доходов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты обогащают прикладную и практическую социальную психологию. Они могут использоваться при разработке различных программ реализации молодёжной политики, учитываться при оказании психологической помощи молодым людям в системе социальной защиты населения, в деятельности психологов кадровых агентств, а также представлять интерес для студентов психологических факультетов и их преподавателей.

Ключевые слова: чувствительность к справедливости, молодые люди, уровни достатка, семейные эмоциональные коммуникации, удовлетворённость взаимоотношениями, «тёмная» тетрада черт, асоциальные наклонности, межгрупповые различия

Для цитирования: Дементьев А. С., Цветкова Н. А. Особенности семейной и личностной детерминации чувствительности к справедливости у молодых людей с различным уровнем достатка // Психологические науки. 2026. № 1. С. 46–60. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-46-60>

Original research article

FEATURES OF FAMILY AND PERSONAL DETERMINATION OF JUSTICE SENSITIVITY AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT LEVELS OF WEALTH

A. Dementiev¹, N. Tsvetkova^{1,2*}

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: tsvetkovana@yandex.ru

Received by the editorial office 26.11.2025

Revised by the author 03.12.2025

Accepted for publication 08.12.2025

Abstract

Aim. To identify the relationship between justice sensitivity and family / personal characteristics of young people with high, medium and low-income levels.

Procedure and methods. The psychodiagnostics procedure was performed on the basis of the following techniques: “Justice Sensitivity” by M. Schmitt adapted by S. K. Nartova-Bochaver et al.; “Family Emotional Communications” by A. B. Kholmogorova et al.; The Dark Tetrad adapted by D. S. Kornienko et al.; “The Level of Social Frustration” by L. I. Wasserman; “The Tendency to Overcome Social Norms and Rules” by Yu. A. Kleiberg. A set of mathematical and statistical data

processing methods was used (MS Office Excel package, IBM SPSS Statistics 26). Comparative and correlation analyses were performed; the significance and reliability of intergroup differences were checked using the Kraskel-Wallis H-test; correlation analysis was performed using Spearman's t-test.

Results. In the groups of subjects with high, medium and low incomes, a similar moderate level of justice sensitivity and the dominant position of the Violator were revealed; however, high-income young people have a greater balance of all 4 positions. Strong intergroup differences were found in indicators of family emotional dysfunction, "criticism", as well as satisfaction with relationships with relatives and friends, but they are not found in indicators of personal characteristics, such as traits of the dark tetrad and a tendency to violate social norms and rules. It was found that in the groups, justice sensitivity is in different ways consistent with the studied family and personal characteristics, but in the group of high-income subjects there are only 3 correlations (2 very strong – with family perfectionism and narcissism, and 1 significant – with the induction of anxiety), whereas in the other two there are many of them. It was found that justice sensitivity is determined by 5 factors: "latent family disorganization", "justice sensitivity", "antisocial personality orientation", "anxious hyper-involvement" and "family perfectionist authoritarianism." It is concluded that the family and personal determinations of young people's justice sensitivity vary depending on their income level.

Research implications. The results obtained enrich applied and practical social psychology. They can be used in the development of various youth policy implementation programs, considered when providing psychological assistance to young people in the social protection system, in the activities of psychologists of recruitment agencies, and also be of interest to students of psychology faculties and their teachers.

Keywords: justice sensitivity, young people, affluence levels, family emotional communication, relationship satisfaction, the dark tetrad of traits, antisocial tendencies, intergroup differences

For citation: Dementiev, A. S. & Tsvetkova, N. A. (2026). Features of Family and Personal Determination of Justice Sensitivity Among Young People with Different Levels of Wealth. In: *Psychological Sciences*, 1, 46–60. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-46-60>

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования, нацеленного на поиск семейных и личностных факторов чувствительности к справедливости (далее – ЧкС) у молодых людей с различным уровнем достатка, аргументируется тем фактом, что в текущей ситуации эскалации межгосударственных и межгрупповых конфликтных отношений вопрос о (не)справедливости и чувствительности к ней становится едва ли не главным в социально-психологической науке и социальной практике. Исследование важно, поскольку существует потребность получить новые научные данные о детерминации этого личностного феномена у самой социально активной части населения, каковыми являются молодые люди, играющие позитивную роль в общественном развитии любой страны и в то

же время склонные усиливать внутригосударственную социальную напряжённость, провоцировать социальные конфликты. Однако имея общие возрастные особенности, они не являются однородной социальной группой. Например, молодые мужчины и женщины значительно различаются по уровню получаемого ими *дохода* – общей суммы всех полученных денег и материальных ресурсов за определённое время и *достатка* как результата вычета всех расходов из этого самого дохода, что определяет их реальное финансовое положение, а также возможности самореализации и социальное поведение, в значительной степени детерминируемое чувствительностью к справедливости. Знание семейных и личностных факторов ЧкС, обуславливающих позиции её проявления (Жертва, Нарушитель, Свидетель,

Выгодоприобретатель) у молодых людей с различным уровнем достатка требуется как при разработке различных программ социальной поддержки молодёжи, так и в целях совершенствования программ профилактики экстремизма в молодёжной среде.

С момента появления термина «чувствительность к справедливости» в психологии (он введён в 1995 г. немецким психологом М. Шмиттом) [1] было проведено большое количество исследований не только этого личностного феномена, но и его связей с личностными свойствами и чертами у различных категорий населения, и в итоге признано, что ЧкС является «самостоятельной» характеристикой, не сводимой ни к одному из первичных или вторичных факторов пяти базовых черт «нормальной» личности многофакторного опросника «Большая пятёрка» [2]. Установлено, что ЧкС тесно связана с моральной отстранённостью [3] и опосредованно – со злобой и завистью [4], что гнев на несправедливость и осмысленное возмущение повышают значимость людей, чувствительных к справедливости [5]. Немецкие психологи обратили внимание на связь ЧкС с жульничеством и отметили, что индивиды с высокой ЧкС нарушителя меньше склонны к нему, чем люди с высокой ЧкС жертвы – и наоборот [6]. Есть единичные публикации, касающиеся её связи с чертами «тёмной» тетрады – психопатией, нарциссизмом, садизмом и макиавеллизмом [7; 8; 9 и др.].

В России данная проблема основательно была раскрыта в 2011 г. в монографии О. А. Гулевич [10], заметно повысившей научный интерес к психологии справедливости и детерминирующим её факторам. В 2019 г. А. А. Адамян, изучавшая последствия ЧкС для личности, выявила её взаимосвязи с нейротизмом, уступчивостью, сознательностью, самоуважением, устойчивостью, психологическим благополучием и депрессивной симптоматикой [11]. В 2023 г. Е. О. Ермолова и

С. А. Чаганова опубликовали результаты исследования, свидетельствующие о том, что у отдельно взятого человека доминирует одна из четырёх позиций ЧкС; что люди с преобладанием определённого типа чувствительности к справедливости характеризуются определённой структурой взаимосвязей психологических границ и психологических защит личности, поэтому по-разному реагируют на несправедливость [12].

Выполненный нами в 2024 г. аналитический обзор отечественных и зарубежных публикаций по данной проблеме показал, что в настоящее время она более активно изучается за рубежом [13], причём ей придаётся большое практическое значение, поскольку полученные результаты полезны для прогнозирования социального поведения, повышения эффективности переговорных процессов и сотрудничества [6; 14; 15; 16]. Накапливается опыт проведения кросс-культурных исследований [14; 17; 18 и др.]. Заметна активность в изучении связи ЧкС с общественной деятельностью, например, с волонтерством [19]. Хотя не сделан однозначный вывод, какая из 4-х позиций ЧкС полезнее человеку и обществу (это во многом зависит от ситуации), однако установлено, что ЧкС Жертвы связана с утратой самоуважения, уступчивостью, негативными состояниями, тогда как остальные позиции/роли более адаптивны, поскольку позволяют личности проявить активность с целью защиты справедливости, а также соблюсти баланс между их проявлениями.

Если личностной детерминации ЧкС уделено довольно много внимания [20; 21], то семейные детерминанты чувствительности к справедливости изучены недостаточно. Нами обнаружены единичные публикации, свидетельствующие о том, что ключевым семейным фактором обострённого чувства справедливости и чрезмерной эмоциональной реакции на воспринимаемую несправедливость является родительское воспитание в ус-

ловиях несправедливости, а также его стиль; что здоровой ЧкС способствуют уважение, доверие, честность и равенство в семье, адекватный стиль отношения к ребёнку со стороны отца и матери, а препятствуют – эмоциональное отвержение, жёсткий контроль, конфликты, затаённые обиды [22].

Логично заключить, что неадекватная ЧкС (отсутствующая, обострённая, преимущественно проявляемая с позиции Жертвы) у молодых людей – личностное свойство, сформировавшееся ещё в детстве под влиянием опыта некорректного общения и взаимодействия в семье, а затем подкреплённого негативными социальными влияниями за её пределами. Основываясь на полученных результатах теоретического анализа проблемы чувствительности к справедливости, возможно допустить, что у молодых людей её проявление с каждой из 4-х позиций – Жертвы, Свидетеля, Выгодоприобретателя, Нарушителя – может детерминироваться специфическим сочетанием семейных и личностных факторов. В числе первых могут выступать деструктивные семейные эмоциональные коммуникации (перфекционизм, индуцирование тревоги, критика, ориентация на внешнее благополучие, элиминирование эмоций, фиксация на негативе, сверхвключённость) и удовлетворённость отношениями с родными и близкими, в числе вторых – черты «тёмной» тетрады (садизм, нарциссизм, макиавеллизм, психопатия), а также склонность к нарушению социальных норм и правил, т. к. различия в понимании людьми (не)справедливости тесно связаны с их материальным положением, изучать эти характеристики у молодых россиян корректнее с учётом этого фактора¹.

Цель нашего эмпирического исследования – выявление связи чувствитель-

ности к справедливости с семейными и личностными характеристиками у молодых людей с высоким, средним и низким уровнями достатка. *Исследовательские задачи:* 1) определить у испытуемых показатели: чувствительности к справедливости; семейных эмоциональных коммуникаций; удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими; «тёмной» тетрады личностных черт; склонности к нарушению социальных норм и правил; 2) выполнить корреляционный и сравнительный анализы данных.

Гипотезы исследования: 1) у молодых людей с высоким уровнем достатка показатели чувствительности к справедливости ниже, чем у их сверстников с его средним и низким уровнями; 2) молодые люди с различными уровнями материального достатка различаются в показателях семейных эмоциональных коммуникаций, общей семейной эмоциональной дисфункциональности, удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими, а также в показателях личностных характеристик – «тёмной» тетрады черт личности (садизм, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия) и склонности к нарушению социальных норм и правил; 3) в группах молодых людей, выделенных в зависимости от уровня материального достатка (низкий, средний, высокий), показатели чувствительности к справедливости по-разному коррелируют с показателями исследуемых личностных и семейных характеристик.

Метод

Схема исследования. Программа эмпирического исследования была разработана нами в конце 2024 г. и реализовалась в 2025 г. Её участниками являются молодые мужчины и женщины с различными уровнями дохода (от прожиточного минимума до более 1 млн в месяц на одного члена семьи). Психологическая диагностика проводится как в форме офлайн, так и в форме онлайн (с помощью Google Forms). При определении уровня достатка испытуе-

¹ Общество в поисках справедливости. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (дата обращения: 19.11.2025).

мых использован опыт учёных РАНХиГС 2018 г. (мы, следуя их примеру, дополнили шкалу «доход на одного члена семьи в месяц» оценкой того, на что молодым людям его хватает: 1. Не хватает на еду (нищие – крайне низкий уровень достатка); 2. Хватает только на еду и ежедневные расходы (бедные – низкий уровень достатка); 3. На еду и одежду хватает, но на крупные покупки надо копить (средний класс – средний уровень достатка); 4. Могут себе позволить любую покупку (богатые – высокий уровень достатка). Поскольку в нашей выборке не встретилось ни одного испытуемого из числа «нищих», на основе полученных данных она была дифференцирована на 3 группы.

Участники исследования. Выборку составили 215 чел. в возрасте от 19 до 35 лет (110 мужчин и 105 женщин), дифференцированных на 3 группы: I – группа с низким уровнем достатка (64 чел., или 29,77%); II – группа со средним уровнем достатка (111 чел. – 51,63%); III – группа с высоким уровнем достатка (40 чел. – 18,60%). Из них имели общее среднее образование 19 чел. (8,84%); среднее специальное – 46 чел. (21,40%); неоконченное высшее – 73 чел. (33,95%); высшее – 77 чел. (35,81%). Были заняты профессионально-трудовой деятельностью: на рабочих должностях – 101 чел. (46,98%); являлись служащими – 63 чел. (29,30%); были самозанятыми или индивидуальными предпринимателями – 31 чел. (14,42%); занимали руководящие посты – 20 чел. (9,30%). Не были женаты/замужем – 140 чел. (65,11%); сожительствовали – 19 чел. (8,84%); состояли в браке – 52 чел. (24,19%); были разведены – 2 чел. (0,93%); вдовствовали – 2 чел. (0,93%). Имели детей – 21 чел. (9,77%).

Методики

В процессе проверки гипотез использовались пять методик социально-психологической диагностики: опросник «Чувствительность к справедливости» М. Шмитт в адаптации С. К. Нартовой-

Бочавер и др. [23]; опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой [24]; опросник «Тёмная» тетрада, адаптированный Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкиной, И. С. Горностаевым [25]; методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана – шкала удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими [26]; опросник склонности к преодолению социальных норм и правил Ю. А. Клейберга¹. Применялась совокупность методов математико-статистической обработки данных (пакет MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 26). Выполнялись сравнительный, корреляционный и факторный анализы; значимость и достоверность межгрупповых различий проверялась по Н-критерию Краскела-Уоллиса; корреляционный анализ проведён по t-критерию Спирмена. Выбор критериев обусловлен особенностями распределения полученных данных, а также используемого психодиагностического инструментария.

Результаты

1. Результаты анализа показателей чувствительности к справедливости у молодых людей с различными уровнями достатка (см. ниже в таблице 1).

Судя по данным таблицы 1, высоко значимые межгрупповые различия наблюдаются лишь в показателях позиции «Жертва»; они есть и в показателях «Нарушитель», но менее значимые.

2. Результаты анализа показателей исследуемых семейных и личностных характеристик у молодых людей с различными уровнями достатка представлены ниже в таблице 2.

Таблица 2 показывает два высоко значимых межгрупповых различия в показателях семейных характеристик – критики

¹ Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2025. 287 с.

Таблица 1 / Table 1

Показатели чувствительности к справедливости у молодых людей с различными уровнями достатка / Indicators of justice sensitivity among young people with different levels of wealth

Позиция проявления ЧкС	Выборки и показатели ЧкС				Показатели межгрупповых различий	
	Совокупная выборка	Группа с низким достатком	Группа со средним достатком	Группа с высоким достатком		
	(максимальное значение – 50 баллов)				Н	р
Нарушитель	30,88	32,25	32,25	27,15	7,263	0,026*
Жертва	27,62	29,25	28,43	22,75	12,618	0,002**
Свидетель	26,73	27,91	27,19	23,60	2,961	0,228
Выгодоприобретатель	23,59	24,22	23,76	22,10	0,552	0,759

** уровень достоверности различий $p < 0,01$ (высокий уровень значимости)

* $p < 0,05$ (статистически значимый уровень)

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Таблица 2 / Table 2

Показатели исследуемых семейных и личностных характеристик у молодых людей с различными уровнями достатка / Indicators of the studied family and personal characteristics of young people with different levels of wealth

Исследуемые семейные и личностные характеристики	Максимальные значения	Выборки и показатели			Показатели межгрупповых различий	
		Группа с низким достатком	Группа со средним достатком	Группа с высоким достатком		
	баллы					Н
Семейные характеристики (деструктивные эмоциональные коммуникации и взаимоотношения с родными и близкими)						
Семейный перфекционизм	9	5,19	5,73	6,00	5,225	0,073
Индукирование тревоги	15	8,78	9,55	9,70	2,578	0,275
Внешнее благополучие	9	5,44	5,42	5,05	0,220	0,896
Сверхвключённость	9	3,39	4,38	4,00	2,130	0,345
Элиминирование эмоций	18	8,53	7,42	6,60	4,822	0,090
Фиксация на негативе	9	4,22	4,41	5,20	5,742	0,057
Критика	21	9,53	9,43	6,55	10,227	0,006**
Общий уровень семейной эмоцио-нальной дисфунк-циональности	90	45,63	46,05	43,15	2,230	0,328
Удовлетворённость взаимоотношениями с родными и близкими	5	2,53	2,42	1,95	9,645	0,008**
Личностные характеристики («тёмная» тетрада и склонность к нарушению социальных норм и правил)						
Макиавеллизм	5	3,72	3,16	3,29	2,038	0,361
Садизм	5	2,61	2,35	2,42	3,326	0,190

Психопатия	5	2,53	2,18	2,44	3,172	0,205
Нарциссизм	5	3,39	3,09	3,25	0,347	0,841
Склонность к нарушению социальных норм и правил	20	7,31	7,06	7,45	0,545	0,761

*** уровень достоверности различий $p < 0,001$ (очень высокий уровень значимости)

** уровень достоверности различий $p < 0,01$ (высокий уровень значимости)

* $p < 0,05$ (статистически значимый уровень)

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

и удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими.

3. Результаты корреляционного анализа представлены ниже, в таблицах 3, 4, 5.

Таблица 3 показывает, что больше корреляционных связей, чем 3 другие позиции, имеет позиция Нарушителя, однако её согласования с исследуемыми семейными и личностными характеристиками менее тесные.

Таблица 4 включает 14 тесных согласований показателей ЧкС с исследуемыми

семейными и личностными характеристиками, половину из которых имеет позиция Жертвы.

Данные таблицы 5 иллюстрируют тот факт, что в группе молодых людей с высоким уровнем дохода результаты корреляционного анализа очень сильно отличаются от результатов двух выше представленных групп: наблюдается лишь одно тесное согласование – корреляция ЧкС с нарциссизмом, 3 других согласования имеют меньшую согласован-

Таблица 3 / Table 3

Значимые результаты корреляционного анализа эмпирических данных, полученные в группе молодых людей с низким уровнем достатка / Significant results of the correlation analysis of empirical data obtained in a group of young people with low income

Позиции проявления ЧкС	С чем коррелируют	Коэффициент корреляции (r)
ЧкС Жертвы	Элиминирование эмоций	0,349**
	Удовлетворённость взаимоотношениями с родными и близкими	0,529**
	Макиавеллизм	0,462**
ЧкС Нарушителя	Внешнее благополучие	-0,284*
	Элиминирование эмоций	0,307*
	Садизм	-0,311*
	Психопатия	-0,343**
	Склонность к нарушению социальных норм и правил	-0,594**
ЧкС Свидетеля	Внешнее благополучие	-0,436**
	Психопатия	-0,335**
	Склонность к нарушению социальных норм и правил	-0,375**
ЧкС Выгодоприобретателя	Внешнее благополучие	-0,420**
	Макиавеллизм	-0,349**

** уровень достоверности различий $p < 0,01$ (высокий уровень значимости)

* $p < 0,05$ (статистически значимый уровень)

Источник: данные авторов.

Таблица 4 / Table 4

Значимые результаты корреляционного анализа эмпирических данных, полученные в группе молодых людей со средним уровнем достатка / Significant results of the correlation analysis of empirical data obtained in a group of young people with an average income level

Позиции проявления ЧкС	С чем коррелируют	Коэффициент корреляции (r)
ЧкС Жертвы	Индукция тревоги	0,470**
	Внешнее благополучие	0,257**
	Фиксация на негативе	0,263**
	Критика	0,228*
	Общий уровень семейной эмоциональной дисфункциональности	0,298**
	Удовлетворённость взаимоотношениями с родными и близкими	0,239*
	Макиавеллизм	0,200*
ЧкС Нарушителя	Садизм	-0,369**
	Психопатия	-0,355**
ЧкС Свидетеля	Индукция тревоги	0,290**
	Удовлетворённость взаимоотношениями с родными и близкими	0,322**
ЧкС Выгодо приобретателя	Семейный перфекционизм	-0,228*
	Садизм	-0,292**
	Психопатия	-0,216*

** уровень достоверности различий $p < 0,01$ (высокий уровень значимости)

* $p < 0,05$ (статистически значимый уровень)

Источник: данные авторов.

Таблица 5 / Table 5

Значимые результаты корреляционного анализа эмпирических данных, полученные в группе молодых людей с высоким уровнем достатка / Significant results of the correlation analysis of empirical data obtained in a group of young people with a high level of wealth

Позиции проявления ЧкС	С чем коррелируют	Коэффициент корреляции (r)
ЧкС Жертвы	Семейный перфекционизм	0,407**
	Индукция тревоги	-0,384*
ЧкС Нарушителя	Нарциссизм	-0,438**
ЧкС Свидетеля	Индукция тревоги	-0,352*
ЧкС Выгодоприобретателя	-	-

** уровень достоверности различий $p < 0,01$ (высокий уровень значимости)

* $p < 0,05$ (статистически значимый уровень)

Источник: данные авторов.

ность; позиция Выгодоприобретателя не связана ни с одной из изучаемых семейных и личностных характеристик.

Обсуждение результатов

Проанализированные нами данные позволяют обсудить следующие результаты, полученные в процессе решения исследовательских задач:

1) в выборах молодых людей, выделенных в зависимости от уровня достатка (высокий средний, низкий), групповые показатели чувствительности к справедливости являются умеренными, и в каждой из 3-х групп доминирует позиция Нарушителя. Однако в группе испытуемых с *высоким достатком* после доминирующего Нарушителя следует Свидетель, тогда как в 2-х других группах – Жертва, а показатель ЧкС Жертвы достоверно более низкий; достоверно более низким он является и по позиции Нарушителя. В целом данные этой группы свидетельствуют о большей сбалансированности позиций проявления ЧкС (диапазон их показателей: от 22,10 баллов Выгодоприобретателя до 27,15 баллов Нарушителя из 50-и максимально возможных), чем в двух других группах, в которых показатели находятся в диапазоне от 24,22 баллов Выгодоприобретателя до 32,25 баллов Нарушителя;

2) показатели семейных эмоциональных коммуникаций и общего уровня семейной эмоциональной дисфункциональности в исследуемых группах тоже являются умеренными; статистически значимо они различаются лишь по выраженности семейной эмоциональной дисфункции «критика», показатель которой значительно ниже у молодых людей с высоким уровнем дохода;

3) уровень удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими тяготеет к низкому у молодых людей с высокими доходами; его показатель значительно ниже, чем в 2-х других группах;

4) групповые показатели черт «тёмной» тетрады (садизма, нарциссизма,

психопатии и макиавеллизма) в 3-х выборах относятся к области средних значений, межгрупповые различия статистически не значимы;

5) показатели склонности к нарушению социальных норм и правил в исследуемых группах являются умеренными и не имеют значимых различий;

6) результаты корреляционного анализа данных каждой отдельно взятой группы свидетельствуют о ярко выраженных межгрупповых различиях. Так, в *группе молодых людей с низким уровнем достатка* зарегистрировано 13 значимых корреляций, 10 из которых очень тесны:

- показатели ЧкС Жертвы очень тесно прямо согласуются с показателями семейной эмоциональной дисфункции «элиминирование эмоций», макиавеллизма – черты «тёмной» тетрады и удовлетворённостью отношениями с родными и близкими;

- показатели ЧкС Нарушителя обратно и очень тесно согласуются с показателями психопатии и склонности к нарушению социальных норм и правил, а также обратно, но менее тесно – с показателями садизма и семейной эмоциональной дисфункции («внешнее благополучие»); прямая корреляция ЧкС Нарушителя выявлена с семейной эмоциональной дисфункцией «элиминирование эмоций»;

- показатели ЧкС Свидетеля обратно и очень тесно согласуются с показателями семейной эмоциональной дисфункции («внешнее благополучие»), психопатии и склонности к нарушению социальных норм и правил;

- показатель ЧкС Выгодоприобретателя имеет очень тесные обратные корреляции с показателями семейной эмоциональной дисфункции «внешнее благополучие» и показателями макиавеллизма;

- в *группе молодых людей со средним уровнем достатка* 14 значимых корреляций, 9 из которых очень тесны:

- показатели ЧкС Жертвы очень тесно и прямо согласуются с показателями трёх семейных эмоциональных дисфункций –

индуцирования тревоги, внешнего благополучия, фиксации на негативе, общего уровня семейных дисфункций и также прямо, но менее тесно – критики, макиавеллизма; удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими;

– показатели ЧкС Нарушителя обратно тесно согласуются с показателями садизма и психопатии;

– показатели ЧкС Свидетеля прямо тесно согласуются с показателями семейной эмоциональной дисфункции «индуцирование тревоги» и удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими;

– показатели ЧкС Выгодоприобретателя имеют очень тесную обратную корреляцию с садизмом и такую же обратную, но менее тесную связь – с семейным перфекционизмом и психопатией;

– в группе молодых людей с высоким уровнем достатка зарегистрировано лишь 3 значимых согласования чувствительности к справедливости с семейными и личностными характеристиками, из которых следует, что у этих испытуемых: а) показатели ЧкС Жертвы очень тесно прямо согласуются с показателями семейного перфекционизма и обратно – с показателями семейной эмоциональной дисфункции «индуцирование тревоги». Вероятно, в родительских семьях высокодоходных испытуемых с низкими показателями ЧкС Жертвы от них не требовались высокие достижения, но при этом использовались методы семейного воспитания, повышающие уровень тревоги, побуждающие их действовать; б) показатели ЧкС Нарушителя обратно тесно согласуются с показателями нарциссизма; в) показатели ЧкС Свидетеля обратно тесно согласуются с показателями индуцирования тревоги; г) ЧкС Выгодоприобретателя не имеет корреляций ни с одной из исследуемых семейных или личностных характеристик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сообразно цели нашего эмпирического исследования, на основе его результатов возможно сделать следующее заключение: особенности семейной и личностной детерминации чувствительности к справедливости у молодых людей находятся в зависимости от уровня их доходов. У *испытуемых с низкими доходами* особенность этой детерминации заключается в том, что ЧкС очень тесно связана с семейными дисфункциональными эмоциональными коммуникациями «элиминирование эмоций» и «ориентация на внешнее благополучие», а также с удовлетворённостью взаимоотношениями с родными и близкими и такими личностными свойствами, как макиавеллизм, психопатия, склонность к нарушению социальных норм и правил, и есть связь с садизмом. У *испытуемых со средними доходами* ЧкС очень тесно связана с общим уровнем семейных эмоциональных дисфункций, в частности, с индуцированием тревоги, фиксацией на негативе, ориентацией на внешнее благополучие и менее тесно – с семейным перфекционизмом; у неё очень тесные корреляции с удовлетворённостью взаимоотношениями с родными и близкими; она также очень тесно связана с личностными характеристиками – садизмом и психопатией, менее тесно – с макиавеллизмом. *Молодые люди с высокими доходами* показали минимум корреляций ЧкС с исследуемыми семейными и личностными характеристиками (сильное согласование с семейным перфекционизмом и значимая обратная связь с индуцированием тревоги, а также сильная обратная корреляция с нарциссизмом).

Таким образом, в группах молодых людей, выделенных в зависимости от уровня материального достатка, показатели ЧкС по-разному согласуются с показателями исследуемых семейных и личностных характеристик. Причём группа молодых высокодоходных людей выделяется в сравнении с двумя другими группами,

скорее сходными, чем различными, более гармоничным сочетанием всех 4-х позиций проявления ЧкС, но менее выраженными ЧкС с позиций Нарушителя и Жертвы; очень значимо более низкими показателями критики в семейной эмоциональной коммуникации и также очень значимо более низким уровнем удовлетворённости взаимоотношениями с родными и близкими (самый высокий показатель этой характеристики обнаружен в группе испытуемых с низкими доходами).

В итоге в гипотезе не нашла подтверждение лишь та часть, которая касалась межгрупповых различий в показателях личностных характеристик – «тёмной» тетрады личностных черт и склонности

к нарушению социальных норм и правил, – они не выявлены. Отметим также, что требуются дополнительные исследования ЧкС и её связей с семейными и личностными факторами на увеличенной выборке молодых людей с высоким уровнем доходов, поскольку в нашем случае эта группа немногочисленна.

Полученные результаты обогащают прикладную и практическую социальную психологию. Они могут использоваться при разработке различных программ реализации социальной молодёжной политики; в программах подготовки психологов, повышения их квалификации; вызвать интерес у практикующих психологов системы социальной защиты населения и психологов кадровых агентств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // *Social Justice Research*. 1995. Vol. 8. № 4. P. 385–407. DOI: 10.1007/BF02334713.
2. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space / M. Schmitt, M. Gollwitzer, J. Maes, D. Arbach // *European Journal of Psychological Assessment*. 2005. № 21 (3). P. 202–211. DOI: 10.1027/1015-5759.21.3.202.
3. Maltese S., Baumert A. Linking longitudinal dynamics of justice sensitivity and moral disengagement // *Personality and Individual Differences*. 2019. № 136. P. 173–177. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.041>.
4. Spitefulness and envy: The mediating role of justice sensitivity / V. Zeigler-Hill, J. Vonk, T. Jones, D. Marcus, D. Sauls, G. Young // *Personality and Individual Differences*. 2025. № 238. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (дата обращения: 10.01.2026). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2025.113076>.
5. Rothschild Z. K., Keefer L. A. Meaningful outrage: Anger at injustice bolsters meaning for justice sensitive individuals // *European Journal of Social Psychology*. 2022. № 52. P. 124–146. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2820>.
6. Gotmann, A., Bechtoldt, M. N., Fetschenhauer D. Breathing to the path of virtue – The effects of justice sensitivity and state mindfulness on cheating behavior in a group performance task // *Personality and Individual Differences*. 2021. № 178 (1). URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (дата обращения: 10.01.2026). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110851>.
7. Maheux-Caron V., Gamache D., Héту S. Dark tetrad and vulnerable dark triad traits: Identifying latent profiles from a person-centered approach // *Personality and Individual Differences*. 2024. № 219. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (дата обращения: 10.01.2026). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2023.112499>.
8. Screening for dark personalities: The Short Dark Tetrad (SD4) / D. L. Paulhus, E. E. Buckels, P. D. Trapnell, D. N. Jones // *European Journal of Psychological Assessment*. 2021. Vol. 37. No 3. P. 208–222. DOI: 10.1027/1015-5759/a000602.
9. Thibault T., Kelloway E. The Dark Tetrad at Work // *Human Performance*. 2020. № 33. P. 406–424. DOI: 10.1080/08959285.2020.1802728.
10. Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. М.: ИП РАН, 2011. 288 с.
11. Адамян А. А. Чувствительность к справедливости и её последствия для личности // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 16. № 3. С. 479–490. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-479-493.

12. Ермолова Е. О., Чаганова С. А. Системно-психологический анализ профилей личности с разными типами чувствительности к справедливости // Системная психология и социология. 2023. Т. 46. № 2. С. 93–113. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.46.2.8.
13. Дементьев А. С., Цветкова Н. А. Чувствительность молодых людей с различным уровнем достатка как актуальная социально-психологическая проблема // Вестник университета. 2024. № 10. С. 196–204. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-10-196-204.
14. Cross-Cultural Study of Justice Sensitivity and Its Consequences for Cooperation / A. Baumert, S. Maltese, D. Reis, C. MacLeod, R. Tan-Mansukhani, A. J. R. Galang, M. G. Salanga, M. J. Schmitt // Social Psychological and Personality Science. 2020. № 7 (11). Pp. 899–907. DOI: 10.1177/1948550619896895.
15. Nicolai S., Franikowski P., Stoll-Kleemann S. Predicting Pro-environmental Intention and Behavior Based on Justice Sensitivity, Moral Disengagement and Moral Emotions – Results of Two Quota-Sampling Surveys // Frontiers in Psychology. 2022. № 13. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (дата обращения: 10.01.2026). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.914366.
16. How justice sensitivity predicts equality preferences in simulated democratic systems / T. Schlösser, T. Steiniger, D. Ehlebracht, D. Fetchenhauer // Journal of Research in Personality. 2018. № 73. P. 75–81. DOI: 10.1016/j.jrp.2017.11.005.
17. Handbook of Social Justice Theory and Research. New York: Springer Science, 2016. 513 p. DOI:10.1007/978-1-4939-3216-0.
18. Examining self-advantage in the suffering of others: Cross-cultural differences in beneficiary and observer justice sensitivity among Chinese, Germans, and Russians / M. S. Wu, M. Schmitt, C. Zhou, S. Nartova-Bochaver, N. Astanina, N. Khachatryan, B. Han // Social Justice Research. 2014. № 27. P. 231–242. DOI: 10.1007/s11211-014-0212-8.
19. Tham Y., Hashimoto T., Karasawa K. The positive and negative effects of justice sensitivity and justice-related emotions in the volunteer's dilemma // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 151. № 1. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (дата обращения: 10.01.2026). DOI: 10.1016/j.paid.2019.07.011.
20. Адамян А. А. Чувствительность к справедливости как личностный феномен: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 165 с.
21. Чаганова С. А. Методологический анализ особенностей личности, отражающих характер её реагирования на несправедливость // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 7. С. 43–49. DOI: 10.24158/spp.2024.7.5.
22. Авдулова Т. П., Уханова Д. П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 81–92. DOI: 10.17759/sps.2018090206.
23. Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмитт М. Опросник «Чувствительность к справедливости»: валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 105–116. DOI: 10.31857/S020595920000075-8.
24. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 97–125. DOI: 10.17759/cpp.2016.2404005.
25. Корниенко Д. С., Вязовкина В. К., Горностаев И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник тёмной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98. DOI: 10.31857/S020595920022787-1.
26. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Беребин М. А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и её практическое применение. Метод. рекомендации. М.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2004. 28 с.

REFERENCES

1. Schmitt, M., Neumann, R. & Montada, L. (1995). Dispositional Sensitivity to Befallen Injustice. In: *Social Justice Research*, 8, 4, 385–407. DOI: 10.1007/BF02334713.
2. Schmitt, M., Gollwitzer, M., Maes, J. & Arbach, D. (2005). Justice Sensitivity: Assessment and Location in the Personality Space. In: *European Journal of Psychological Assessment*, 21 (3), 202–211. DOI: 10.1027/1015-5759.21.3.202.

3. Maltese, S. & Baumert, A. (2019). Linking Longitudinal Dynamics of Justice Sensitivity and Moral Disengagement. In: *Personality and Individual Differences*, 136, 173–177. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.041>.
4. Zeigler-Hill, V., Vonk, J., Jones, T., Marcus, D., Sauls, D. & Young, G. (2025). Spitefulness and Envy: The Mediating Role of Justice Sensitivity. In: *Personality and Individual Differences*, 238. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (accessed: 10.01.2026). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2025.113076>.
5. Rothschild, Z. K. & Keefer, L. A. (2022). Meaningful Outrage: Anger at Injustice Bolsters Meaning for Justice Sensitive Individuals. In: *European Journal of Social Psychology*, 52, 124–146. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2820>.
6. Gotmann, A., Bechtoldt, M. N. & Fetchenhauer, D. (2021). Breathing to the Path of Virtue – The Effects of Justice Sensitivity and State Mindfulness on Cheating Behavior in a Group Performance Task. In: *Personality and Individual Differences*, 178 (1). URL: <https://clck.ru/3SZiDh> (accessed: 01.10.2026). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110851>.
7. Maheux-Caron, V., Gamache, D. & Héту, S. (2024). Dark Tetrad and Vulnerable Dark Triad Traits: Identifying Latent Profiles from a Person-Centered Approach. In: *Personality and Individual Differences*, 219. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (accessed: 01.10.2026). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2023.112499>.
8. Paulhus, D. L., Buckels, E. E., Trapnell, P. D. & Jones, D. N. (2021). Screening for Dark Personalities: The Short Dark Tetrad (SD4). In: *European Journal of Psychological Assessment*, 37, 3, 208–222. DOI: 10.1027/1015-5759/a000602.
9. Thibault, T. & Kelloway, E. (2020). The Dark Tetrad at Work. In: *Human Performance*, 33, 406–424. DOI: 10.1080/08959285.2020.1802728.
10. Gulevich, O. A. (2011). *Social Psychology of Justice*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences publ. (in Russ.).
11. Adamyan, A. A. (2019). Sensitivity to Justice and Its Consequences for Personality. In: *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16, 3, 479–490. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-479-493 (in Russ.).
12. Ermolova, E. O. & Chaganova, S. A. (2023). Systemic-Psychological Analysis of Personality Profiles with Different Types of Sensitivity to Justice. In: *System Psychology and Sociology*, 46, 2, 93–113. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.46.2.8 (in Russ.).
13. Dementyev, A. S. & Tsvetkova, N. A. (2024). Sensitivity to Justice of Young People with Different Levels of Income as a Topical Socio-Psychological Problem. In: *Vestnik Universiteta*, 10, 196–204 (in Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2024-10-196-204.
14. Baumert, A., Maltese, S., Reis, D., MacLeod, D., Tan-Mansukhani, R., Galang, A. J. R., Salanga, M. G. & Schmitt, M. J. (2020). Cross-Cultural Study of Justice Sensitivity and Its Consequences for Cooperation. In: *Social Psychological and Personality Science*, 7 (11), 899–907. DOI: 10.1177/1948550619896895.
15. Nicolai, S., Franikowski, P. & Stoll-Kleemann, S. (2022). Predicting Pro-Environmental Intention and Behavior Based on Justice Sensitivity, Moral Disengagement and Moral Emotions – Results of Two Quota-Sampling Surveys. In: *Frontiers in Psychology*, 13. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (accessed: 01.10.2026). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.914366.
16. Schlösser, T., Steiniger, T., Ehlebracht, D. & Fetchenhauer, D. (2018). How Justice Sensitivity Predicts Equality Preferences in Simulated Democratic systems. In: *Journal of Research in Personality*, 73, 75–81. DOI: 10.1016/j.jrp.2017.11.005.
17. *Handbook of Social Justice Theory and Research* (2016). New York: Springer Science. DOI: 10.1007/978-1-4939-3216-0.
18. Wu, M. S., Schmitt, M., Zhou, C., Nartova-Bochaver, S., Astanina, N., Khachatryan, N., Han B. (2014). Examining Self-advantage in the Suffering of Others: Cross-cultural Differences in Beneficiary and Observer Justice Sensitivity Among Chinese, Germans, and Russians. In: *Social Justice Research*, 27, 231–242. DOI: 10.1007/s11211-014-0212-8.
19. Tham, Y., Hashimoto, T. & Karasawa, K. (2019). The Positive and Negative Effects of Justice Sensitivity and Justice-related Emotions in the Volunteer's Dilemma. In: *Personality and Individual Differences*, 151, 1. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/personality-and-individual-differences> (accessed: 10.01.2026). DOI: 10.1016/j.paid.2019.07.011.

20. Adamyan, A. A. (2020). *Sensitivity to Justice as a Personal Phenomenon*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
21. Chaganova, S. A. (2024). Methodological Analysis of Personality Traits Reflecting the Character and Her Reaction to Injustice. In: *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 7, 43–49 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2024.7.5.
22. Avdulova, T. P. & Ukhanova, D. P. (2018). Ideas About Justice and Parenting Styles as a Factor in the Moral Development of Adolescents. In: *Social Psychology and Society*, 9, 2, 81–92. DOI: 10.17759/sps.2018090206 (in Russ.).
23. Adamyan, A. A., Nartova-Bochaver, S. K. & Schmitt, M. (2018). Questionnaire “Sensitivity to Justice”: Validation on a Russian-Speaking Sample. In: *Psychological Journal*, 39, 4, 105–116. DOI: 10.31857/S020595920000075-8 (in Russ.).
24. Kholmogorova, A. B., Volikova, S. V. & Sorokova, M. G. (2016). Standardization of the Questionnaire “Family Emotional Communications”. In: *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24, 4, 97–125. DOI: 10.17759/cpp2016 2404005 (in Russ.).
25. Kornienko, D. S., Vyazovkina, V. K. & Gornostaev, I. S. (2022). Adaptation and Psychometric Testing of the Short Dark Tetrad Questionnaire Method. In: *Psychological Journal*, 43, 5, 87–98. DOI: 10.31857/S020595920022787-1 (in Russ.).
26. Wasserman, L. I., Iovlev, B. V. & Berebin, M. A. (2004). *Methodology for Psychological Diagnostics of the Level of Social Frustration and Its Practical Application*. Moscow: NIPNI named after V. M. Bekhterev publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьев Алексей Сергеевич (г. Москва) – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0009-0000-1538-9774; e-mail: DementievAS7@yandex.ru

Цветкова Надежда Александровна (г. Москва) – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0003-0967-205X; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey S. Dementiev (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;
ORCID: 0009-0000-1538-9774; e-mail: DementievAS7@yandex.ru

Nadezhda A. Tsvetkova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Prof., Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0003-0967-205X; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-61-70

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАСЫЩЕННОСТИ, ИНТЕРЕСА И ПРОЦЕССА ЖИЗНИ КУРСАНТОВ

Маркелова Т. В.¹, Мазурец В. В.^{2*}

¹ Национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

² Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации, г. Вологда, Российская Федерация

* Копирующий автор, e-mail: viktoriaamazurets90@gmail.com

Поступила в редакцию 27.11.2025

После доработки 22.01.2026

Принята к публикации 23.01.2026

Аннотация

Цель. Описание исследования эмоциональной насыщенности, интереса и процесса жизни курсантов в условиях ведомственного высшего учебного заведения.

Процедура и методы. В статье проведён контент-анализ теоретической литературы, метод толкования нормативно-правовых актов; применены эмпирические методы описания, интерпретации; психодиагностические методики: методика «СЖО» (смыслжизненные ориентации), «Линия жизни».

Результаты. Высокие показатели свидетельствуют об удовлетворённости курсантов своей жизнью: успеваемостью по учебным дисциплинам; возможностью заниматься спортом, художественной самодеятельностью, быть участником команды КВН («Клуб весёлых и находчивых»), быть членом научного кружка, ансамбля барабанщиц и барабанщиков, волонёрского и донорского движения, гордостью внештатной роты почётного караула; возможностью принимать участие в различных культурно-досуговых мероприятиях и других общественных формированиях. Настоящие события в жизни курсантов относятся не только к сфере служебной и учебной деятельности, но и к сфере межличностных отношений, культурно-досуговой деятельности. Соответственно, в периоде событий настоящей жизни у курсантов актуализируются несколько аспектов: образование (получение высшего образования); профессиональная деятельность, т. е. служба в уголовно-исполнительной системе; личная жизнь. По результатам проведённых диагностических методик можем сказать, что курсанты воспринимают процесс своей жизни как интересный, творческий, живой, наполненный различными событиями, интенсивный, при этом объединяя настоящие события в группы, а не конкретизируя их.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обозначена специфика обучения в ведомственном вузе и охарактеризованы эмоциональная оснащённость, интерес и смысл жизни. Показана возможность изменения смысла жизни и эмоциональной насыщенности курсантов в связи с включением их в мероприятия, необходимость формирования смысла жизни курсантов.

Ключевые слова: курсанты, особенности, эмоциональная насыщенность, интерес процесс жизни

Для цитирования: Маркелова Т. В., Мазурец В. В. Характеристика эмоциональной насыщенности, интереса и процесса жизни курсантов // Психологические науки. 2026. № 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-61-70>

Original research article

CHARACTERISTICS OF EMOTIONAL SATURATION, INTEREST, AND LIFE OF CADETS

T. Markelova¹, V. Mazurets² *

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Vologda Institute of Law and Economics, Vologda, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: viktoriamazurets90@gmail.com

Received by the editorial office 27.11.2025

Revised by the author 22.01.2026

Accepted for publication 23.01.2026

Abstract

Aim. To describe research on emotional intensity, interest, and process of life of cadets in a departmental higher educational institution.

Methodology. The article provides both a content analysis of theoretical literature and a method of interpretation of normative legal acts; empirical methods of description and interpretation and psychological diagnostic methods such as the methodology of “Life Orientation” and “Lifeline” are applied.

Results. The satisfaction of cadets with their life is testified by high indicators in academic performance in academic disciplines, opportunity to engage in sports, amateur artistic activities – to be a member of the KVN team (the “Club of the cheerful and resourceful”), to be a member of the scientific circle, the ensemble of drummers and drummers, the volunteer and donor movement, the pride of the freelance guard of honor, to take part in various cultural and leisure activities and other public formations. The real events in the life of cadets relate not only to the sphere of service and academic activities, but also to the sphere of interpersonal relations, cultural and leisure activities. Accordingly, during the period of their real life, cadets are focused on several aspects: education (higher education), professional activities, such as service in the criminal executive system, and personal life. Based on the results of the diagnostic methods, it can be concluded that the cadets perceive their life process as interesting, creative, lively, full of various events, and intense, grouping real events rather than specifying them.

Research implications. The article outlines the specifics of training at a departmental university and describes the emotional equipment, interest, and meaning of cadets’ life. It shows the possibility of changing the meaning of life and emotional intensity of the cadets due to their involvement in events, and the need to form the meaning of life of the cadets.

Keywords: cadets, features, emotional intensity, interest in the process of life

For citation: Markelova, T. V. & Mazurets, V. V. (2026). Characteristics of Emotional Saturation, Interest, and Life of Cadets. In: *Psychological Sciences*, 1. 61–70. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-61-70>

ВВЕДЕНИЕ

Представления о смысле жизни складываются в процессе деятельности людей и зависят от их социального положения, содержания решаемых проблем, образа жизни, миропонимания, конкретной исторической ситуации. Смысл жизни придаёт событиям, явлениям в жизни человека, его деятельности содержание и наполненность.

Рано или поздно в жизни каждого человека наступает момент, когда он задумывается о смысле своего существования. Эти мысли приходят в голову детям и всем юным людям, о чём говорят различные стихи и литературные произведения. Поэтому актуальность выбранной темы не угасала со времён существования человечества [12].

Смыслжизненные ориентации характеризуются наличием жизненных ценностей, уровнем ответственности и определяют направленность личности, выступают способом оценивания удовлетворённости жизнью [7].

Профессионально значимые смыслы жизни в период вузовской подготовки являются объектами исследования психологов правоохранительной системы [11].

В Федеральной службе исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН РФ) на сегодняшний день функционируют восемь высших учебных заведений¹. Одним из таких заведений является Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ВИПЭ ФСИН России), который осуществляет подготовку кадров для уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) и других правоохранительных органов. Обучение имеет свою специфику, а обучающиеся в данном институте – курсан-

ты. В институте сочетаются 2 вида обучения: по основным направлениям и по прикладным дисциплинам. Служебная деятельность курсантов устанавливается распорядком дня, осуществляется самостоятельная подготовка, все виды практик проходят в учреждениях ФСИН РФ.

Для курсантов ценным практическим опытом является погружение в практическую работу. Интерес к жизни, сам процесс, эмоциональная насыщенность, удовлетворённость процессом жизнедеятельности – это психологические состояния, отражающие уровень удовлетворённости курсантом абсолютно разных критериев своей жизни, своего существования. Удовлетворённость или неудовлетворённость жизнью определяет очень многие поступки субъекта, разные виды его деятельности и поведения: бытовой, экономический, политический [9]. Феномен «смысл жизни» понимается как ценность собственного бытия человека, как предназначение своего существования, как осознание собственного Я, его «духовный стержень» [5]. Хайдт предполагает, что было бы легче достичь осмысленности, если бы мы ставили группу, а не отдельного человека в центр наших размышлений о полноценной жизни и признавали важность участия в коллективных ритуалах и проектах [15].

Чтобы понять смысл жизни, человеку нужно определиться со своими потребностями, ценностями, целями, ориентирами. Ведь каждый придерживается конкретных взглядов, мировоззрений.

Наряду со смыслом жизни особое внимание уделяется значению эмоций (как вида психического отражения) и эмоциональности (как индивидуально-устойчивого свойства) в регуляции деятельности человека. Эмоциональная насыщенность жизни – это ощущение полноты, насыщенности и глубокого удовлетворения от каждого прожитого дня. Она является сложным и многогранным процессом, включающим в себя реакции человека, которые могут представлять бурные

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 15.11.2025).

взрывы страсти или же, наоборот, спокойные оттенки настроения. Эмоции определяют качество жизни [13].

Понятие «интерес» рассматривается, например, Л. А. Гордоном как «эмоционально окрашенная направленность нашего сознания на определённые объекты, направленность, связанная со стремлением к этим объектам и влияющая соответствующим образом на нашу деятельность» [1].

Курсант – это чаще всего ещё ребёнок, который только получил среднее образование и, поступив в ведомственное образовательное учреждение, является сотрудником той или иной государственной системы, который одновременно получает высшее образование и проходит службу. Таким образом, курсанты помимо общеобразовательных дисциплин изучают дисциплины, необходимые для работы в исправительных учреждениях, проходят практику в подразделениях по месту жительства, а после окончания института имеют возможность трудоустроиться по специальности [6]. В течение профессионального обучения с курсантами проводятся занятия по строевой, огневой, тактической подготовке, а также радиационной, химической и биологической защите.

Студенческий (курсантский) возраст, который в зависимости от классификации относится или к концу юности, или к началу молодости [4], является важным с точки зрения формирования смысла жизни, ценностей, интереса. Поэтому работа над эмоциональной насыщенностью и процессом жизнедеятельности как варианта конструктивного развития будущего и возможности реализации в нём позитивных смыслов становится важной.

Согласно ст. 69 п. 1 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2026), одними из задач высшего учебного заведения являются: 1) обеспечение подготовки вы-

сококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства; 2) удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования¹. В связи с этим в институте созданы общественные формирования: спортивные секции, совет обучающихся и научное общество, пресс-центр и поисковый отряд, вокальная, театральная и танцевальная студии, ансамбль барабанщиц и барабанщиков, волонёрское и донорское движение, а также внештатная рота почётного караула. Разумеется, у курсантов развивается интерес к определённому делу, увлечению, спорту, улучшаются условия жизни, появляется удовлетворённость своей деятельностью.

Исследование характеристики эмоциональной насыщенности, интереса и процесса жизни курсантов

С целью изучения процесса жизни или интереса и эмоциональной насыщенности жизни среди курсантов было проведено исследование на базе ВИПЭ ФСИН России. Выборку составили 37 курсантов 3-го курса факультета психологии и probation.

Для реализации цели исследования был использован следующий диагностический комплекс, включающий психодиагностические методики: методика «СЖО» (смыслжизненные ориентации), «Линия жизни».

При прохождении методики «СЖО» курсантам нужно было выбрать из 20 пар противоположных утверждений нужное с целью оценки «источника» смысла жизни, который курсант может видеть в будущем (цель), в настоящем (процесс) или в прошлом (результат).

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2026).

На основании результатов данной методики курсанты в большинстве случаев полны энергии, их жизнь достаточно захватывающая, осмысленная и целеустремлённая. Некоторые из них ярко проживают свой день, непохожий на предыдущий. Также считают, что всё идёт так, как следует по их жизненному плану. Другие, наоборот, отмечают, что их каждый день похож на все другие и предполагают, что для насыщенности их жизнедеятельности требуется их привлечение в различные институтские мероприятия.

При обработке результатов исследования мы выделили шкалу «Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни / The process of life or the interest and emotional richness of life

Уровень	Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, %
Высокий	16
Средний	76
Низкий	3

Источник: данные автора.

16% опрошенных респондентов считают, что их интерес к жизни и самому процессу жизнедеятельности находится на высоком уровне, 76% – на среднем уровне, и только 3% курсантов не имеют достаточного интереса к своей жизни и считают, что их настоящая жизнь минимально эмоционально насыщена.

Высокие показатели свидетельствуют о стабильности и удовлетворённости [8] курсантов своей жизнью. Они довольны своей успеваемостью по учебным дисциплинам; возможностью заниматься спортом, художественной самодеятельностью, быть участником команды КВН («Клуб весёлых и находчивых»), быть

членом научного кружка, ансамбля барабанщиц и барабанщиков, волонтерского и донорского движения, а также быть гордостью внештатной роты почётного караула; принимать участие в различных культурно-досуговых мероприятиях и других общественных формированиях.

Низкие показатели могут быть связаны с тем, что некоторые курсанты отстают по показателям в учебной деятельности, нарушают правила внутреннего распорядка дня, тем самым привлекают к себе особое внимание курсовых офицеров, преподавателей, кураторов учебных групп. Таким образом они получают за неудовлетворительные оценки и несоблюдение приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 года № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы»¹ за нарушения дисциплинарные взыскания в виде замечаний, выговоров, строгих выговоров и т. д. В свою очередь, причиной может быть отстранённость курсантов, которая проявляется в нежелании поддерживать разговор, и любое межличностное общение с другими курсантами. В связи с вышесказанным у курсантов могут возникать раздражительность, тревожность, апатия, усталость, ощущение внутренней пустоты, обида, разочарование. Процесс адаптации после летнего отпуска может затянуться.

У курсантов на третьем году службы эмоциональная насыщенность может возникнуть при изучении учебных дисциплин, касающихся непосредственно их будущей профессиональной деятельности, таких как «Обеспечение режима в УИС», «Психодиагностика»; при пере-

¹ Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 года № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126218 (дата обращения: 10.10.2025).

живании из-за необходимости сбалансировать личную жизнь с требованиями военных обязанностей; при интенсивных физических и умственных нагрузках; в связи со структурированной средой и строгим распорядком дня; и т. д.

Таким образом, большинство курсантов удовлетворены процессами, происходящими в их жизни, и эмоциями, которые они получают, обучаясь в институте. Они верят в свои силы, обладают достаточной свободой выбора [10] для построения своих планов на сегодняшний день. Также курсанты ценят свободу выбора и независимость. Они стремятся принимать решения самостоятельно, вне зависимости от внешних факторов. Это помогает им чувствовать себя уверенно и комфортно в своей жизни [2].

Также курсантам предлагалось за неограниченное количество времени выполнить технику «Линия жизни», относящуюся к гештальт-терапевтическому направлению, с целью определения значимых событий в прошлом, влияющих на настоящее, выявления закономерностей и цикличности, положительного опыта и

ресурсов. В процессе выполнения техники некоторые курсанты добавляли события, относящиеся к прошлому, настоящему или будущему времени.

По таблице 2 видно, что наименьшее количество всех событий, где отправной точкой является такое событие, как рождение человека, варьируется в диапазоне от 10 до 20 событий. Процент курсантов, отметивших столько событий, равен 41.28% исследуемых отметили на своей линии жизни от 21 до 30 событий, 18% – от 31 до 40 событий, 13% – 41 и более событий.

Анализ данных таблицы 3 показывает, что настоящие события присутствуют на линии жизни курсантов в небольших количествах. Так, например, диапазон событий настоящей жизни от 1 до 5 отмечается у 82% исследуемых, всего 3% опрошенных респондентов отмечают события в диапазоне от 6 до 10 событий. Стоит отметить, что 15% исследуемых событий настоящей жизни не отмечают вообще. Это может быть связано с тем, что некоторые обучающиеся достаточно сильно привязаны к домашнему и семейному очагу и больше на линии жизни отмечают

Таблица 2 / Table 2

Количество событий в жизни курсантов / The number of events in the life of cadets

Диапазоны всех событий, количество	Количество человек, отметивших события всей жизни, количество	Количество человек, отметивших события всей жизни, %
10–20	16	41
21–30	9	28
31–40	7	18
41 и более	5	13

Источник: данные автора.

Таблица 3 / Table 3

Количество событий настоящей жизни / The number of real life events

Диапазоны событий настоящей жизни, количество	Количество человек, отметивших события настоящей жизни	Количество событий настоящей жизни, %
0	5	15
1–5	31	82
6–10	1	3

Источник: данные автора.

прошлые события, чем настоящие, вспоминая, соответственно, о приятных моментах из жизни, которые были в школьном возрасте.

Оценка событий настоящего времени позволяет выявить общую оценку текущего состояния и жизненного этапа, который в большинстве случаев связывается с важным событием в жизни. В большинстве случаев у курсантов в качестве настоящих событий отмечаются такие, как «учёба в институте», «жизнь в ВИПЭ», а в некоторых случаях выделяются и такие, как хобби («танцы»), или связанные с личной жизнью («знакомство с молодым человеком»). Видим, что настоящие события в жизни курсантов относятся не только к сфере служебной и учебной деятельности, но и к сфере межличностных отношений, культурно-досуговой деятельности. Соответственно, в периоде событий настоящей жизни у курсантов актуализируются несколько аспектов: образование (получение высшего образования); профессиональная деятельность, т. е. служба в уголовно-исполнительной системе; личная жизнь.

Так, по окончании оформления своей линии жизни каждый из респондентов взглянул на свой путь со стороны; осознал, сколько уже всего сделано и сколько ещё предстоит; погрузился в приятные воспоминания, поразмышлял о своих ресурсах.

Для установления характера взаимосвязи между событиями курсантов, которые они относят к настоящей жизни, и процессом жизни мы воспользовались статистическим методом корреляционного анализа Спирмена (табл. 4).

В результате была установлена слабая положительная корреляционная связь между настоящими событиями курсантов и их эмоциональной насыщенностью жизни, самим процессом и интересом к ней. Данная взаимосвязь показывает, что чем больше курсанты отмечают на линии жизни настоящих событий, тем выше их удовлетворённость жизнью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чувство смысла жизни определяется как субъективно ощущаемое, а также позитивное и психическое состояние [14].

Смысл жизни, интерес к ней, эмоциональная насыщенность являются факторами, оказывающими влияние как на обучение в институте, их культурно-досуговую деятельность, так и на будущее курсантов.

Курсантам сложно сбалансировать свою службу и быт, они пытаются преодолеть конфликт между службой, личной жизнью и обязанностями, где каждая область отнимает много времени и является сложной с точки зрения их задач и деятельности [3].

Исследование показало, что практически все курсанты считают, что их жизнь максимально эмоционально насыщена и наполнена мероприятиями различного характера. Это может быть служебная, профессиональная, огневая, тактико-специальная, психологическая подготовка. Также участие в спортивных соревнованиях, научных конференциях и семинарах, культурно-досуговой и художественной деятельности, волонтерских и донорских движениях расширяет кругозор курсантов и даёт им возможности

Таблица 4 / Table 4

Значимая корреляционная связь между событиями настоящей жизни и процессом жизни / Significant correlation between the events of real life and the process of life

	Процесс жизни
События настоящей жизни, количество	0,3

Источник: данные автора.

саморазвития и самосовершенствования личности.

Интерпретируя данные, мы видим, что в силу возраста и особенностей организации и специфики жизни курсантов, они обобщают и выделяют важные для них занятия и деятельность согласно линии жизни.

В целом, можем сказать, что курсанты воспринимают процесс своей жизни как интересный, творческий, живой, наполненный различными событиями, интен-

сивный, при этом объединяя настоящие события в группы, а не конкретизируя их.

Полученные результаты исследования могут использоваться в психологической работе с курсантами. В качестве рекомендаций можно предложить психологам использовать психокоррекционные упражнения и техники с целью осознания курсантами своей жизненной ценности, понимания и развития эмоциональной насыщенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В. А., Михайлов А. Л. Смысл жизни как проблема философии // Молодой учёный. 2017. № 19. С. 431–433.
2. Отраднова А. С., Канунников Р. И. Роль ценностно-смысловых и смысловых ориентаций в процессе адаптации курсантов к учебно-служебной деятельности в образовательных организациях МВД России // Психолого-педагогический поиск. 2022. № 3 (63) С. 129–138. DOI: 10.37724/RSU.2022.3.63.013.
3. Слесарева Е. А., Михайлова С. Ю., Путилов А. О. Смысловые ориентации как компонент смысловой сферы личности курсантов Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 313–319. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-1-313-319.
4. Рахимгараева Р. М. Психологические факторы удовлетворённости жизнью // Казанский педагогический журнал. 2009. № 11-12. С. 115–122.
5. Научная школа «Педагогика смысловых ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России»: диагностический ресурс: монография / под общ. ред. И. В. Ульяновой. Рязань: ИП Колупаева Е. В., 2024. 244 с.
6. Wolf S. Meaning in life and why it matters. London: Princeton University. 2007. 143 p.
7. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
8. Гордон Л. А. Потребности и интересы // Советская педагогика. 1939. № 8-9. С. 132–140.
9. Мефодьева Ю. А., Варзунов А. В., Козлова М. С. Особенности обучения и первоначальной подготовки в ведомственных вузах ФСИН России // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 233–237. DOI: 10.24412/2073-3305.
10. Кузнецова Д. А. Представления курсантов о способах решения конфликтов и возможности их изменений в процессе развития конфликтологической компетентности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 2. С. 64–74. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-2-64-74.
11. Попова Т. А. Внеаудиторная профессиональная подготовка курсантов – будущих инспекторов ПДН в контексте научно-образовательного проекта для молодёжи «Смысл жизни и судьба. Как построить собственное будущее?» // Педагогический диалог: материалы Всероссийского научно-методического семинара (Москва, 14 ноября 2023 года). М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя. 2024. С. 89–91.
12. Сиворонова М. С., Хусаинов М. И., Чайникова Р. В. Взаимосвязь смысловых ориентаций курсантов-первокурсников Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 89–95. DOI: 10.24412/2658-638X-2024-4-89-95.
13. Кипреев С. Н., Передерий В. А., Глушенко О. П. Характеристика ценностных и смысловых ориентаций курсантов образовательных организаций МВД России // Концепт. 2024. № 10. URL: <https://ekconcept.ru> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11151.
14. The quality and meaning of life of cancer patients in remission: socio-psychological aspects / L. Suchocka, K. Jaroszek, E. Medvedeva, A. Szczepanik, M. Pasek // Journal of Population. 2021. № 24 (3). P. 76–91. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.7.

15. Корнилова Т. В., Кулешов Д. О. Особенности жизнестойкости и смысложизненных ориентаций курсантов ведомственных образовательных организаций // *Пенитенциарная наука*. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 318–324. DOI: 10.46741/2686-9764.63.3.010.

REFERENCES

1. Soloviev, V. A. & Mikhailov, A. L. (2017). The Meaning of Life as a Problem of Philosophy. In: *Young Scientist*, 19, 431–433 (in Russ.).
2. Otradnova, A. S. & Kanunnikov, R. I. (2022). The Role of Value-Semantic and Life-Meaning Orientations in the Process of Cadets' Adaptation to Educational and Service Activities in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In: *Psychological and Pedagogical Search*, 3 (63), 129–138. DOI: 10.37724/RSU.2022.3.63.013 (in Russ.).
3. Slesareva, E. A., Mikhailova, S. Yu. & Putilov, A. O. (2021). Life-Meaning Orientations as a Semantic Sphere Component of the Cadets Personality at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya. In: *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 313–319 (in Russ.). DOI: 10.24412/2073-0454-2021-1-313-319.
4. Rakhimgaraeva, R. M. (2009). Psychological Factors of Life Satisfaction. In: *Kazan Pedagogical Journal*, 11–12, 115–122 (in Russ.).
5. Ulyanova, I. V., ed. (2024). *Scientific School "Pedagogy of Life-Meaning Orientations in the System of Training Personnel for the Internal Affairs Bodies of Russia": A Diagnostic Resource*. Ryazan: IP Kolupaeva E. V. publ. (in Russ.).
6. Wolf, S. (2007). *Meaning in Life and Why It Matters*. London: Princeton University publ.
7. Ekman, P. (2010). *The Psychology of Emotions. I Know What You Feel*. St. Petersburg: Piter publ. (in Russ.).
8. Gordon, L. A. (1939). Needs and Interests. In: *Soviet Pedagogics*, 8-9, 132–140 (in Russ.).
9. Methodyeva, Yu. A., Varzunov, A. V. & Kozlova, M. S. (2023). Education Features and Initial Training in Departmental Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Education. Science. Scientific Personnel*, 4, 233–237. DOI: 10.24412/2073-3305 (in Russ.).
10. Kuznetsova, D. A. (2025). Cadets' Perceptions of Conflict Resolution Methods and the Possibility of Their Change in the Process of Developing Conflictological Competence. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Psychological Sciences*, 2, 64–74. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-2-64-74.
11. Popova, T. A. (2024). Extracurricular Professional Training of Cadets – Future Juvenile Affairs Inspectors in the Context of the Scientific and Educational Project for Young People “the Meaning of Life and Destiny. How to Build Your Own Future?” In: *Pedagogical Dialogue: Proceedings of the All-Russian Scientific and Methodological Seminar (Moscow, November 14, 2023)*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation publ., pp. 89–91 (in Russ.).
12. Sivoronova, M. S., Khusainov, M. I. & Chainikova, R. V. (2024). The Relationship Between the Meaning of Life and Value Orientations of First-year Cadets of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Named After V. Ya. Kikotya. In: *Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 4, 89–95. DOI: 10.24412/2658-638X-2024-4-89-95 (in Russ.).
13. Kipreev, S. N., Perederiy, V. A. & Glushchenko, O. P. (2024). Characteristics of Value and Life-Meaning Orientations of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In: *Concept*, 10. URL: <https://ekconcept.ru> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11151 (in Russ.).
14. Suchocka, L., Jaroszek, K., Medvedeva, E., Szczepanik, A. & Pasek, M. (2026). The Quality and Meaning of Life of Cancer Patients in Remission: Socio-psychological Aspects. In: *Journal of Population*, 24 (3), 76–91. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.7.
15. Kornilova, T. V. & Kuleshov, D. O. (2023). Features of Hardiness and Meaning-in-life Orientations of Cadets of Departmental Educational Organizations. In: *Penitentiary Science*, 17, 3 (63), 318–324. DOI: 10.46741/2686-9764.63.3.010 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркелова Татьяна Владимировна (г. Нижний Новгород) – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой возрастной и клинической психологии Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

ORCID: 0000-0002-2489-7129, e-mail: markelova16@yandex.ru

Мазурец Виктория Валерьевна (г. Вологда) – преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации,

ORCID: 0009-0008-9316-3103; e-mail: e-mail: viktoriamazurets90@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Markelova (Nizhny Novgorod) – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Developmental and Clinical Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

ORCID: 0000-0002-2489-7129, e-mail: markelova16@yandex.ru

Viktoria V. Mazurets (Vologda) – Lecturer, Department of General and Pedagogical Psychology, Vologda Institute of Law and Economics;

ORCID: 0009-0008-9316-3103; e-mail: e-mail: viktoriamazurets90@gmail.com

Научная статья

УДК 159.922.63

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-71-82

ЖИЗНЕННАЯ УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА В КОНТЕКСТЕ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Надеина О. В.^{*}, Блинова Е. Е.

Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Российская Федерация

^{*} Корреспондирующий автор: e-mail: nadeina@my.com

Поступила в редакцию 10.11.2025

После доработки 25.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Аннотация

Цель. Выявить роль внутренних ресурсов личности (жизненная удовлетворённость, временная перспектива), семейной поддержки и социальной активности в формировании установки на активное долголетие у лиц пожилого возраста.

Процедура и методы. Проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 109 респондентов в возрасте 55–85 лет, преимущественно женщины. Использовались: «Индекс жизненной удовлетворённости» Б. Ньюгартен (адаптация Н. В. Паниной), «Опросник временных перспектив» ZPTI Ф. Зимбардо (адаптация А. Сырцовой), «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» MSPSS Г. Зимета (адаптация К. А. Чистопольской, С. Н. Ениколопова), авторская социально-демографическая анкета. Статистический анализ включал корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента, множественный регрессионный анализ.

Результаты. Выявлен высокий уровень жизненной удовлетворённости, доминирование позитивного восприятия прошлого, высокая оценка поддержки со стороны друзей и семьи. Однако семейная и дружеская поддержка не являются значимыми предикторами жизненной удовлетворённости. Обнаружена парадоксальная отрицательная связь между поддержкой значимых других и индексом жизненной удовлетворённости. Результаты авторской анкеты показали, что 79,8% респондентов поддерживают регулярное общение с близкими, 94,5% оценивают своё здоровье как удовлетворительное или хорошее. Значимыми другими для респондентов выступают романтические партнёры, наставники, учителя, психологи, тренеры и другие лица, воспринимаемые как особенно важные. Специфика выборки (значительная доля вдовствующих – 33,9%, проживающих отдельно – 48,6%) может объяснять низкую оценку поддержки со стороны значимых других ($M=3,75$), поскольку для многих респондентов эта категория ассоциируется с утраченным партнёром.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость: результаты расширяют представления о роли внутренних ресурсов личности в формировании установки на активное долголетие. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов в разработке программ психологического сопровождения пожилых людей с акцентом на развитие автономии и внутренней мотивации, а не только на внешнюю социальную поддержку.

Ключевые слова: активное долголетие, временная перспектива, жизненная удовлетворённость, пожилой возраст, семейная поддержка, социальная активность, социальная поддержка

Для цитирования: Надеина О. В., Блинова Е. Е. Жизненная удовлетворённость и социальная поддержка в контексте активного долголетия пожилых людей // Психологические науки. 2026. № 1. С. 71–82. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-71-82>

Original research article

LIFE SATISFACTION AND SOCIAL SUPPORT IN THE CONTEXT OF ACTIVE LONGEVITY OF ELDERLY PEOPLE

O. Nadeina*, E. Blinova

Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: nadeina@my.com

Received by the editorial office 10.11.2025

Revised by the author 25.11.2025

Accepted for publication 27.11.2025

Abstract

Aim. To identify the role of internal personality resources (life satisfaction, time perspective), family support, and social activity in forming attitudes towards active longevity of the elderly.

Methodology. An empirical study was conducted involving 109 respondents aged 55–85 years, mostly women. The following instruments were used: “Life Satisfaction Index” by B. Neugarten (adapted by N. V. Panina), “Zimbardo Time Perspective Inventory,” ZTPI (adapted by A. Syrtsova), “Multidimensional Scale of Perceived Social Support,” MSPSS by G. Zimet (adapted by K. A. Chistopolskaya, S. N. Enikolopov), and the authors-developed socio-demographic questionnaire. Statistical analysis included correlation analysis, student’s t-test, and multiple regression analysis.

Results. A high level of life satisfaction was revealed, the dominance of a positive perception of the past, and a high assessment of support from friends and family. However, family and friendly support are not significant predictors of life satisfaction. A paradoxical negative relationship was found between the support of significant others and the life satisfaction index. The author-developed questionnaire results showed that 79.8% of respondents maintain regular communication with loved ones, and 94.5% assess their health as satisfactory or good. Other significant predictors for respondents include romantic partners, mentors, teachers, psychologists, coaches, and other individuals perceived as particularly important. The specificity of the sample (a significant proportion of widowed individuals – 33.9%, living separately – 48.6%) may explain the low assessment of support from significant others ($M=3.75$), as for many respondents this category is associated with a lost partner.

Research implications. The results expand the understanding of the role of internal resources of the individual in the formation of attitudes towards active longevity. The practical significance is determined by the possibility of using the results in the development of psychological support programs for the elderly with an emphasis on the development of autonomy and internal motivation, and not just external social support.

Keywords: active longevity, time perspective, life satisfaction, old age, family support, social activity, social support

For citation: Nadeina, O. V. & Blinova, E. E. (2026). Life Satisfaction and Social Support in the Context of Active Longevity of Elderly People. In: *Psychological Sciences*, 1, 71–82. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-71-82>

ВВЕДЕНИЕ

Демографическое старение населения становится глобальной реальностью: по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к 2050 г. количество людей старше 60 лет достигнет двух миллиардов [1]. В этих условиях проблема активного долголетия приобретает особую актуальность для геронтопсихологии и социальной политики.

Концепция активного долголетия, принятая ВОЗ в 2002 г., определяется как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей» [2]. Она акцентирует внимание не только на медицинских аспектах, но и на психологических и социальных факторах благополучия. Современные исследования подчёркивают, что успешное старение определяется взаимодействием внутренних (мотивация, самовосприятие, установки) и внешних (социальная поддержка, активность, доступ к ресурсам) детерминант [3; 4; 5].

Семейная поддержка традиционно рассматривается как ключевой ресурс психологического благополучия пожилых людей [6]. Однако исследования показывают, что важно различать реальную, номинальную и иллюзорную защищённость: формальное проживание с родственниками без эмоциональной близости не гарантирует психологического комфорта¹. Социальная активность – участие в образовательных, досуговых, волонтерских инициативах – также выступает фактором, способствующим поддержанию когнитивных функций, самооценки и жизненной удовлетворённости [7].

Теория воплощения стереотипа Б. Леви объясняет, как взгляды на старение, интернализованные на протяжении жизни, влияют на здоровье и благополучие через физиологические, поведенческие и психо-

логические механизмы [8; 9]. Позитивное восприятие старости ассоциируется с более высоким уровнем когнитивного функционирования, удовлетворённости жизнью и физического здоровья.

В данном исследовании установка на активное долголетие рассматривается как компонент мотивационной сферы личности – устойчивое психологическое образование, включающее когнитивный (представления о старости как периоде активности и развития), эмоциональный (позитивное отношение к собственному старению) и поведенческий (готовность к участию в социальной, образовательной, физической активности) компоненты. Мы используем термины «установка», «мотивация к активному долголетию» и «стремление к активному долголетию» как взаимозаменяемые, поскольку все они отражают направленность личности на сохранение активной жизненной позиции в пожилом возрасте.

В рамках данного исследования установка на активное долголетие не измерялась напрямую специализированной методикой, а операционализировалась через совокупность показателей: высокий уровень жизненной удовлетворённости в сочетании с позитивным восприятием прошлого, социальной активностью и регулярными социальными контактами свидетельствует о наличии у респондентов установки на активное долголетие.

Несмотря на значительный объём исследований по отдельным аспектам, остаётся недостаточно изученной интегративная роль семейной поддержки и социальной активности как психологических детерминант, формирующих внутреннюю мотивацию к активному долголетию.

Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязей между показателями установки на активное долголетие (жизненная удовлетворённость, временная перспектива, социальная активность) и воспринимаемой социальной поддержкой у лиц пожилого возраста.

¹ Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между индикаторами установки на активное долголетие (жизненная удовлетворённость, позитивная временная перспектива) и уровнем воспринимаемой социальной поддержки (семейной, дружеской, со стороны значимых других); данные факторы выступают значимыми психологическими детерминантами, формирующими положительное отношение к старению.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 109 респондентов в возрасте от 55 до 85 лет ($M=67$), проживающих преимущественно в городских условиях. Гендерный состав: 99,1% женщин, 0,9% мужчин. Большинство респондентов имеют высшее (67,9%) или среднее профессиональное (28,4%) образование. Семейное положение: 33,9% вдовствуют, 32,1% состоят в браке, 22,0% в разводе. 92,7% имеют детей. Исследование проведено на базе Автономной некоммерческой организации в сфере просвещения и повышения качества жизни людей старшего поколения «КОМУЗА».

Поскольку специализированных русскоязычных методик для прямого измерения установки на активное долголетие не было обнаружено, мы использовали комплексный подход, операционализируя данный конструкт через совокупность показателей:

– «Индекс жизненной удовлетворённости» (Б. Ньюгартен) в адаптации Н. В. Паниной измеряет субъективное благополучие, которое, согласно концепции активного старения ВОЗ [2], является ключевым индикатором установки на активное долголетие. Высокая жизненная удовлетворённость свидетельствует о позитивном отношении к собственной жизни и старению;

– «Опросник временных перспектив» (ZTPI) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой выявляет отношение к

прошлому, настоящему и будущему. Доминирование позитивного прошлого и умеренной ориентации на будущее при низком фатализме рассматривается как показатель конструктивного отношения к старению [9];

– «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (MSPSS) Г. Зимета в адаптации К. А. Чистопольской, С. Н. Ениколопова оценивает внешние ресурсы, которые, согласно теоретическим моделям, должны способствовать формированию установки на активное долголетие [5];

– авторская анкета фиксирует поведенческие индикаторы активного долголетия (частота социальных контактов, самооценка здоровья).

Таким образом, наличие установки на активное долголетие определяется по совокупности критериев: высокая жизненная удовлетворённость + позитивная временная перспектива + социальная активность (регулярные контакты, участие в проектах).

Использовались методы описательной статистики, критерии Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова для проверки нормальности распределения, корреляционный анализ Пирсона, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, множественный линейный регрессионный анализ. Обработка данных проводилась в программах Microsoft Excel и SPSS 26.0.

Результаты исследования

Анализ частоты социальных контактов показал высокий уровень социальной активности: 79,8% респондентов поддерживают регулярное общение с близкими (друзьями и родственниками), 14,7% общаются иногда, и лишь 5,5% – крайне редко.

Самооценка здоровья характеризуется преимущественно положительными значениями: 67,9% оценивают своё здоровье как удовлетворительное, 26,6% – как хорошее, что в совокупности составляет

94,5% выборки. Лишь 3,6% респондентов отметили плохое или очень плохое состояние здоровья.

Полученные результаты свидетельствуют о высокой социальной интегрированности и относительно благополучном субъективном восприятии здоровья в исследуемой группе.

Средний показатель индекса жизненной удовлетворённости по методике «Индекс жизненной удовлетворённости» Б. Ньюгартен в адаптации Н. В. Паниной составил 34,5 балла (медиана 35), что соответствует умеренно высокому уровню. Наиболее высокие значения получены по субшкалам «положительная самооценка» ($M=6,96$) и «общий фон настроения» ($M=6,94$), наименьшие – по шкале «энтузиазм» ($M=6,8$). Разброс показателей между субшкалами минимален (0,16 балла), что свидетельствует о сбалансированности различных аспектов жизненной удовлетворённости (рис. 1).

Анализ результатов по методике «Опросник изучения временных перспектив» ZTPP Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой (см. рис. 2) выявил доминирование позитивного восприятия

прошлого ($M=4,0$) при умеренных показателях негативного прошлого ($M=3,2$), фаталистического настоящего ($M=3,22$), ориентации на будущее ($M=3,31$) и наименьшем значении гедонистического настоящего ($M=2,93$). Такой профиль характерен для зрелой, рефлексивной личности с конструктивным отношением к прошлому опыту и способностью к планированию без чрезмерной гедонистической направленности.

Результаты диагностики по методике «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (MSPSS) Г. Зимета (см. табл. 1) показали следующее: наиболее высоко респонденты оценили поддержку со стороны друзей ($M=6,0$), затем семьи ($M=5,75$), тогда как поддержка значимых других получила существенно более низкую оценку ($M=3,75$).

Выявленные различия в оценке источников социальной поддержки требуют пояснения.

Возможные объяснения:

– специфика категории «значимые другие». В методике MSPSS эта категория включает романтических партнёров, наставников, психологов, тренеров – людей,

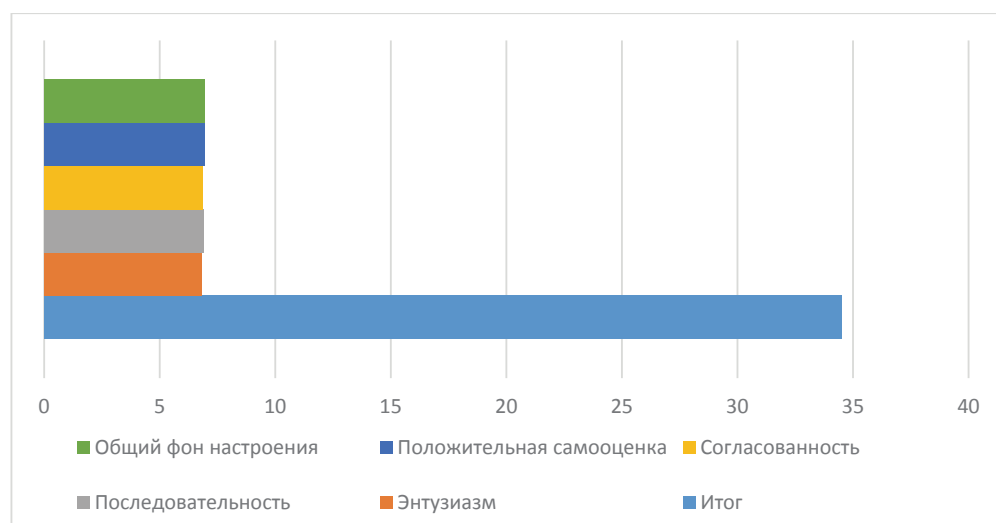

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты диагностики по методике «Индекс жизненной удовлетворённости», $n=109$ / Diagnostic results according to the “Life Satisfaction Index” method, $n=109$

Источник: данные авторов.

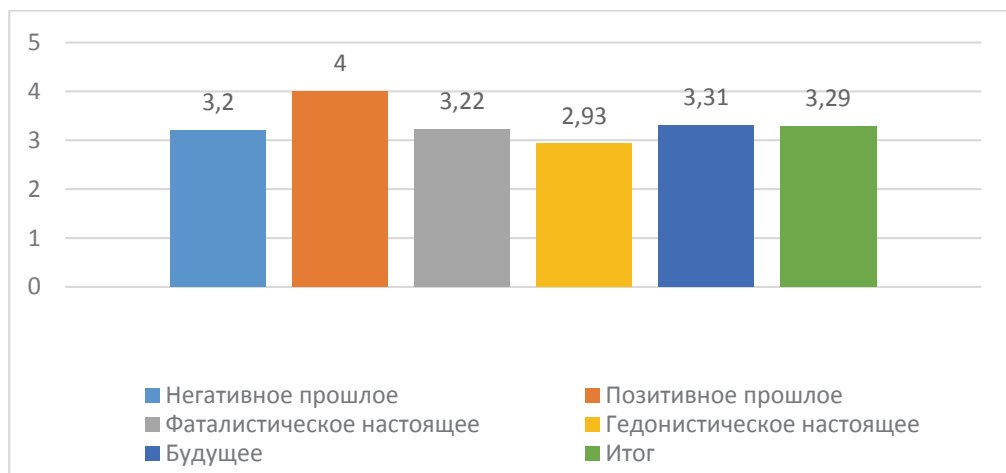

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты диагностики по методике «Опросник изучения временных перспектив» ZTPI Ф. Зимбардо, n=109 / Diagnostic results using the “Time Perspective Questionnaire method” ZTPI by F. Zimbardo, n=109

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1

Результаты диагностики по методике «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (MSPSS) Г. Зимета / Diagnostic results using the Multidimensional Social Support Perception Scale (MSPSS) by G. Zimet

Шкала	Среднее значение
Поддержка со стороны семьи	5,75
Поддержка со стороны друзей	6,00
Поддержка со стороны значимых других	3,75

Источник: данные авторов.

не входящих в круг семьи и друзей, но воспринимаемых как особенно важные. Для вдовствующих респондентов (33,9% выборки) значимым другим часто являлся утраченный супруг или супруга, что объясняет низкую оценку текущей поддержки из этого источника;

– компенсаторная роль дружеской поддержки. Для респондентов, проживающих отдельно (48,6%) и имеющих высокий образовательный уровень, дружеские связи, формируемые в рамках проектов типа «КОМУЗА», становятся ведущим источником эмоциональной поддержки и социальной включённости;

– относительно небольшая разница между друзьями и семьёй (всего 0,25 балла) свидетельствует о том, что оба источника оцениваются очень высоко и различие скорее количественное, чем качественное. Это указывает на благополучную ситуацию с социальной поддержкой в целом.

По результатам корреляционного анализа (табл. 2) выявлены преимущественно слабые связи между исследуемыми переменными. Статистически значимой оказалась только умеренная отрицательная корреляция между индексом жизненной удовлетворённости и поддержкой

Таблица 2 / Table 2

Корреляционная матрица / Correlation matrix

	ИЖУ	PN	PP	PF	PH	FF	Семья	Друзья	Значимые другие
ИЖУ	1,00								
PN	-0,16	1,00							
PP	-0,10	0,06	1,00						
PF	-0,02	0,04	0,08	1,00					
PH	-0,01	0,21*	-0,04	-0,03	1,00				
FF	0,06	0,03	-0,13	-0,05	0,05	1,00			
Семья	-0,00	-0,03	-0,01	-0,08	-0,14	-0,08	1,00		
Друзья	0,08	-0,01	0,09	-0,06	-0,09	0,00	-0,11	1,00	
Значимые другие	-0,26*	0,14	0,05	-0,03	0,02	-0,06	-0,11	0,02	1,00

Примечание: * – $p < 0,05$, ИЖУ – индекс жизненной удовлетворённости, PN – негативное прошлое (методика ZPTI); PP – позитивное прошлое (методика ZPTI); PF – фаталистическое настоящее (методика ZPTI); PH – гедонистическое настоящее (методика ZPTI); FF – будущее (методика ZPTI).

Источник: данные авторов.

со стороны значимых других ($r = -0,26$, $p < 0,05$). Семейная ($r = -0,00$) и дружеская ($r = 0,08$) поддержка практически не коррелируют с жизненной удовлетворённостью. Компоненты временной перспективы также демонстрируют слабые связи с индексом жизненной удовлетворённости ($|r| < 0,16$).

Несмотря на то что наиболее высоко оценена дружеская поддержка, статистически значимая корреляция с жизненной удовлетворённостью выявлена только для значимых других ($r = -0,26$, $p < 0,05$). Это парадоксальный результат, который мы объясняем обратной каузальностью: не поддержка значимых других снижает удовлетворённость, а низкая удовлетворённость (связанная с утратой партнёра,

одиночеством) заставляет респондентов активнее искать и переоценивать значимость этого источника поддержки.

Результаты множественного регрессионного анализа представлены в таблице 3. При введении трёх источников социальной поддержки в качестве предикторов жизненной удовлетворённости единственным статистически значимым оказался фактор «поддержка значимых других» ($\beta = -1,36$; $SE = 0,517$; $t = -2,63$; $p = 0,01$). Семейная ($\beta = 0,039$; $p = 0,941$) и дружеская ($\beta = 0,483$; $p = 0,380$) поддержка не внесли значимого вклада в регрессионную модель.

Для сравнительного анализа по уровню семейной поддержки выборка была разделена на две группы: с высокой ($n = 55$)

Таблица 3 / Table 3

Результаты множественного регрессионного анализа / Results of multiple regression analysis

Предиктор	Коэффициент	Ст. ошибка	t	p-value
Семья	0,039	0,534	0,074	0,941
Друзья	0,483	0,548	0,882	0,380
Значимые другие	-1,360	0,517	-2,630	0,010
Константа	39,318	5,487	7,166	<0,001

Источник: данные авторов.

и низкой ($n=54$) семейной поддержкой. Сравнение по t -критерию Стьюдента не выявило статистически значимых различий в уровне социальной активности между группами ($p=0,98$), что указывает на отсутствие прямой связи между воспринимаемой семейной поддержкой и социальным поведением в данной выборке.

Обсуждение результатов

Выдвинутая гипотеза не получила полного подтверждения. Хотя индикаторы установки на активное долголетие выражены в выборке (высокая жизненная удовлетворённость, позитивное восприятие прошлого, социальная активность), не выявлено ожидаемой взаимосвязи между семейной поддержкой, социальной активностью и психологическим благополучием.

Наиболее значимым является выявление отрицательной связи между поддержкой значимых других и жизненной удовлетворённостью. Это противоречит традиционным представлениям о социальной поддержке как безусловно позитивном ресурсе [6; 13]. Возможны несколько объяснений:

- обратная каузальность: люди с более низкой жизненной удовлетворённостью активнее ищут и выше оценивают поддержку со стороны значимых других, используя эти отношения как компенсаторный механизм;

- психологическая зависимость: высокая потребность в поддержке может отражать недостаточную автономию, что само по себе снижает субъективное благополучие [14];

- специфика выборки: для вдовствующих респондентов (треть выборки) категория «значимые другие» может ассоциироваться с утратой партнёра, что объясняет низкую оценку этого источника поддержки и его связь с неудовлетворённостью. Как показали результаты анкетирования, 33,9% респондентов являются вдовами/вдовцами, 48,6% проживают отдельно. Для многих из них зна-

чимый другой – это утраченный супруг или супруга, что создаёт эмоциональный дефицит и снижает общую жизненную удовлетворённость.

Нулевая корреляция между семейной поддержкой и жизненной удовлетворённостью может объясняться «эффектом потолка»: высокие базовые показатели поддержки ($M=5,75$ из 7) ограничивают вариативность и затрудняют выявление линейных зависимостей. Кроме того, качественные характеристики семейных отношений (автономия и гиперопека, эмоциональная близость и формальное взаимодействие) могут играть большую роль, чем количественные показатели воспринимаемой поддержки.

Результаты указывают на доминирование внутренних психологических факторов (позитивное восприятие прошлого, высокая самооценка, эмоциональная устойчивость) над внешними (социальная поддержка) в формировании жизненной удовлетворённости. Это согласуется с исследованиями А. И. Басова [15], А. Е. Корнада и соавторов [16], подчёркивающими значимость личностной автономии, самодетерминации и конструктивных копинг-стратегий для успешного старения.

Отсутствие связи между уровнем семейной поддержки и социальной активностью ($p=0,98$) свидетельствует о том, что участие в социальных инициативах мотивируется другими факторами: личностными интересами, потребностью в самореализации, принадлежности к сообществу по интересам. Для образованных пожилых женщин, составивших основу выборки, дружеские связи и участие в просветительских проектах могут быть более значимыми, чем семейные обязательства [7].

Ограничения исследования. Гендерный перекос выборки (99,1% женщин), высокий образовательный уровень и вовлечённость участников в социально-образовательные проекты ограничивают возможность генерализации результа-

тов на всю популяцию пожилых людей. Корреляционный дизайн не позволяет установить причинно-следственные связи. Необходимы лонгитюдные исследования для прояснения направления выявленных зависимостей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что респонденты обладают установкой на активное долголетие, о чём свидетельствует совокупность показателей: высокая жизненная удовлетворённость ($M=34,5$ балла), доминирование позитивного восприятия прошлого ($M=4,0$), высокая социальная активность (79,8% регулярных социальных контактов, участие в проектах активного долголетия). Операционализация установки на активное долголетие через жизненную удовлетворённость, временную перспективу и социальную активность позволила выявить, что данная установка определяется преимущественно внутренними ресурсами личности (позитивным восприятием прошлого, высокой самооценкой, эмоциональной устойчивостью) в большей степени, чем внешними факторами социальной поддержки.

Парадоксальная отрицательная связь между поддержкой значимых других и жизненной удовлетворённостью требует дальнейшего изучения с учётом направленности каузальности, психологической зависимости и специфики жизненной ситуации респондентов. Анализ социально-демографических данных показал, что низкая оценка поддержки значимых других ($M=3,75$) связана с высокой долей вдовствующих (33,9%) и проживающих отдельно (48,6%) респондентов, для которых эта категория ассоциируется с утраченным партнёром. Результаты подчёркивают необходимость пересмотра

традиционных представлений о социальной поддержке как универсальном ресурсе: не количество поддержки, а её качество, автономия и соответствие потребностям личности определяют её влияние на благополучие.

Отсутствие прямого измерения установки на активное долголетие является ограничением данного исследования. В дальнейшем целесообразна разработка или адаптация специализированного инструментария для оценки установки на активное долголетие, включающего все три компонента: когнитивный (представления об активном старении), эмоциональный (отношение к собственному старению) и поведенческий (конкретные действия по поддержанию активности). В данном исследовании мы опирались на косвенные индикаторы, что позволило получить предварительные данные о взаимосвязях, но требует дальнейшей верификации.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании приоритета развития внутренних ресурсов личности (автономии, самоэффективности, конструктивного отношения к прошлому) в программах психологического сопровождения пожилых людей. Работа с временной перспективой, укрепление позитивной идентичности и поддержка самостоятельности могут оказаться более эффективными стратегиями формирования установки на активное долголетие, чем акцент на увеличении внешней социальной поддержки.

В дальнейших исследованиях следует включать более репрезентативные выборки, качественные методы для изучения субъективного опыта социальной поддержки и лонгитюдные дизайны для установления причинно-следственных связей между исследуемыми переменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Е. Ю., Соловьев А. Г. План Декады здорового старения 2020–2030 Всемирной организации здравоохранения: обзор концепций политики в контексте развития геронтологии // Экология человека. 2023. Т. 30. № 7. С. 499–508. DOI: 10.17816/humeco568625.

2. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1 (173). С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2171.
3. Анцыферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 88–99.
4. Ермолаева М. В., Лубовский Д. В. К проблеме психологической поддержки пожилого человека в период возрастного кризиса // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 4 (37). С. 87–94.
5. Новикова А. С. Современные вызовы в геронтопсихологии или новый взгляд на старение // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 7-й Международной научно-практической конференции (Пенза, 24–25 марта 2023 года) / отв. ред. В. В. Константинов / М.: Перо, 2023. С. 244–251.
6. Мустаева Ф. А., Сизоненко З. Л., Юлдашева О. Н. Исследование роли семьи в жизни пожилого человека // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18, № 10. С. 143–147.
7. Суслова Т. Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307.
8. Longevity increased by positive self-perceptions of aging / B. R. Levy, M. D. Slade, S. R. Kunkel, S. V. Kasl // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83. № 2. P. 261–270. DOI: 10.1037/0022-3514.83.2.261.
9. Надеина О. В. Социально-экологические детерминанты и психологические механизмы взглядов на старение // Социальные и психологические ресурсы развития личности: материалы Международной научно-практической конференции (Скадовск, 27–28 марта 2025 года). Симферополь: Ариал, 2025. С. 88–93.
10. Панина Н. В. Индекс жизненной удовлетворённости // Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Прогресс-Культура, 1993. С. 18–29.
11. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
12. Обновлённая версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки / К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов, Е. Л. Николаев, Г. И. Семикин, С. А. Чубина, С. Н. Озоль, С. Э. Дровосеков // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Международной учебно-методической онлайн-конференции (Чебоксары, 29 октября 2020 г.). Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2020. С. 323–326.
13. Нерушай А. И. Психологическое благополучие людей пожилого возраста // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Педагогика. Психология. Образование. 2021. № 1. С. 128–141. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-128-141.
14. Лубовский Д. В. К проблеме внутренней позиции личности в период кризиса пожилого возраста и роли самоотношения и самодетерминации в её формировании // Мир психологии. 2015. №3 (83). С. 79–85.
15. Басов И. А. Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 5–14.
16. Kornadt A. E., Hess T. M., Rothermund K. Domain-specific views on aging and preparation for age-related changes – Development and validation of three brief scales // The Journals of Gerontology: Series B. 2020. Vol. 75. № 2. P. 303–313. DOI: 10.1093/geronb/gby055.

REFERENCES

1. Golubeva, E. Yu. & Soloviev, A. G. (2023). Plan for the World Health Organization Decade of Healthy Ageing in 2020–2030: A Review of Policy Concepts in the Context of Gerontology Development. In: *Human Ecology*, 30, 7, 499–508 (in Russ.). DOI: 10.17816/humeco568625.
2. Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V. & Natsun, L. N. (2023). Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. In: *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1 (173), 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2171 (in Russ.).

3. Antsyferova, L. I. (1996). Late Human Life: Types of Aging and Possibilities of Progressive Personality Development. In: *Psychological Journal*, 17, 6, 88–99 (in Russ.).
4. Ermolaeva, M. V. & Lubovsky, D. V. (2015). On the Problem of Psychological Support for Elderly People During the Age Crisis. In: *Actual Problems of Psychological Knowledge*, 4 (37), 87–94 (in Russ.).
5. Novikova, A. S. (2023). Modern Challenges in Gerontopsychology or a New Look at Aging. In: *Actual Problems of Mass Consciousness Research: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Penza, March 24–25, 2023)*. Moscow: Pero publ., pp. 244–251 (in Russ.).
6. Mustaeva, F. A., Sizonenko, Z. L. & Yuldasheva, O. N. (2016). A Study of the Role of Family in the Life of an Elderly Person. In: *Health and Education in the 21st Century*, 18, 10, 143–147 (in Russ.).
7. Suslova, T. F. (2017). Social Activity of an Individual as a Determinant of Positive Adaptation and a Fulfilling Life in Retirement Age. In: *Journal of Modern Foreign Psychology*, 6, 3, 63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307 (in Russ.).
8. Levy, B. R., Slade, M. D., Kunkel, S. R. & Kasl, S. V. (2002). Longevity Increased by Positive Self-perceptions of Aging. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 83, 2, 261–270. DOI: 10.1037/0022-3514.83.2.261.
9. Nadeina, O. V. (2025). Social and Ecological Determinants and Psychological Mechanisms of Views on Aging. In: *Social and Psychological Resources of Personality Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Skadovsk, March 27–28, 2025)*. Simferopol: Arial publ., pp. 88–93 (in Russ.).
10. Panina, N. V. (1993). Life Satisfaction Index In: *Lifeline and Other New Methods of Life Path Psychology*. Moscow: Progress-Kultura publ. (in Russ.).
11. Syrtsova, A., Sokolova, E. T. & Mitina, O. V. (2008). Adaptation of F. Zimbardo's "Personality Time Perspective Questionnaire." In: *Psychological Journal*, 29, 3, 101–109 (in Russ.).
12. Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. V., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Chubina S. A., Ozol, S. A. & Drovosekov, S. E. (2020). An Updated Version of the MSPSS Scale as a Tool for Studying an Individual's Subjective Assessment of Perceived Social Support. In: *Higher Education in the Context of Globalization: Trends and Development Prospects: Materials of the XII International Educational and Methodological Online Conference (Cheboksary, October 29, 2020)*. Cheboksary: Chuvash University publ., pp. 323–326 (in Russ.).
13. Nerushai, A. I. (2021). Psychological Well-being of the Elderly. In: *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*, 1, 128–141. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-128-141 (in Russ.).
14. Lubovsky, D. V. (2015). On the Problem of the Individual's Internal Position During the Crisis of Old Age and the Role of Self-Esteem and Self-Determination in Its Formation. In: *World of Psychology*, 3 (83), 79–85 (in Russ.).
15. Basov, I. A. (2018). The Relationship Between the Meaning of Life and Subjective Well-Being in Late Age. In: *Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches* 7, 5A, 5–14 (in Russ.).
16. Kornadt, A. E., Hess, T. M. & Rothermund, K. (2020). Domain-Specific Views on Aging and Preparation for Age-Related Changes – Development and Validation of Three Brief Scales. In: *The Journals of Gerontology: Series B*, 75, 2, 303–313. DOI: 10.1093/geronb/gby055.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Надеина Ольга Владимировна (г. Екатеринбург) – аспирант кафедры прикладной психологии и развития личности Института психологии Херсонского государственного педагогического университета (ХГПУ);

ORCID: 0009-0002-9850-2115; e-mail: nadeina@my.com

Блинова Елена Евгеньевна (г. Владимир) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии и развития личности Института психологии Херсонского государственного педагогического университета (ХГПУ);

ORCID: 0000-0003-3011-6082; e-mail: elena.blynova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Nadeina (Ekaterinburg) – Postgraduate Student, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology, Kherson State Pedagogical University;
ORCID: 0009-0002-9850-2115; e-mail: nadeina@my.com

Elena E. Blinova (Vladimir) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology, Kherson State Pedagogical University;
ORCID: 0000-0003-3011-6082; e-mail: elena.blynova@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-83-98

КОНТЕКСТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ЭКОСИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Бершедова Л. И., Овчаренко Л. Ю.*

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: ovcharenkolu@mgpu.ru*

Поступила в редакцию 03.12.2025

Принята к публикации 15.12.2025

Аннотация

Цель исследования заключается в выявлении контекстов психологической помощи как методологического средства её практики в экосистеме педагогического вуза.

Методы. Используются следующие методы: контент-анализ обращений-запросов студентов к психологу, метод наблюдения, опроса, контекстный анализ.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что практика психологической помощи в русле контекстного подхода как методологической основы приводит к значительному расширению её ресурсных границ, что в условиях сложноструктурированной экосистемы вуза является чрезвычайно важным и необходимым условием эффективного функционирования психологической службы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме, расширены представления о практике психологической помощи в русле контекстного подхода, выявлены ведущие контексты психологической помощи в экосистеме педагогического вуза, сформулированы предложения по расширению ресурсных возможностей практики психологической помощи.

Ключевые слова: экосистемный подход, психологическая помощь, структура экосистемы вуза, контексты психологической помощи, формы психологической помощи

Для цитирования: Бершедова Л. И., Овчаренко Л. Ю. Контексты психологической помощи в экосистеме педагогического вуза // Психологические науки. 2026. № 1. С. 83–98. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-83-98>

Original research article

CONTEXTS OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN THE ECOSYSTEM OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

L. Bershedova, L. Ovcharenko*

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

** Corresponding author, e-mail: ovcharenkolu@mgpu.ru*

Received by the editorial office 03.12.2025

Accepted for publication 15.12.2025

Abstract

Aim. To identify the contexts of psychological assistance as a methodological means of its practice in the ecosystem of a pedagogical university.

Methodology. Content analysis of students' requests to a psychologist, the method of observation, surveys, contextual analysis were used.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that the practice of psychological assistance in line with the contextual approach as its methodological basis leads to a significant expansion of its resource boundaries, which is an extremely important and necessary condition for the effective functioning of a psychological service in a complex university ecosystem.

Research implications. New material on the topic under study is summarized, ideas about the practice of psychological assistance in line with the contextual approach are expanded, the leading contexts of psychological assistance in the ecosystem of a pedagogical university are identified, proposals are formulated to expand the resource possibilities of the practice of psychological assistance.

Keywords: ecosystem approach, psychological assistance, the structure of the university ecosystem, contexts of psychological assistance, forms of psychological assistance

For citation: Bershedova, L. I. & Ovcharenko, L. Yu. (2026). Contexts of Psychological Assistance in the Ecosystem of a Pedagogical University. In: *Psychological Sciences*, 1, 83–98. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-83-98>

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие в значительной степени усилилось внимание учёных и практиков к проблемам создания и развития психологической службы в системе высших учебных заведений. Современная интенсификация этого процесса обусловлена кардинальными реформационными преобразованиями в обществе, науке, образовании, в сфере инновационной экономики и труда, в социальной и культурной жизни.

Новая социоэкономическая ситуация приводит к трансформационным явлениям в организационном строении вузов, где главным «трендом в развитии современной высшей школы» вы-

ступает экосистемный подход [1; 2; 3]. Экосистема вуза представляет собой расширенную образовательную структуру, которая находится в постоянном взаимодействии с внешней средой и создаёт особое экологическое пространство с уникальными возможностями для всестороннего развития и обучения каждого её субъекта. Определены три предмета ценностей в этой системе – «педагог, обучаемый и общество, сосредоточенное на человеческом факторе» [4]. По мнению ряда учёных, реализация такого подхода в педагогическом вузе создаёт все условия для развития у будущих учителей разнообразных инновационных компетенций, которые представлены в

программе национального развития до 2030 г. В этих меняющихся условиях возрастает широкомасштабный общественный запрос на психологические услуги. Психологическая служба становится важной содержательной составляющей экосистемы вуза, динамично отражающей процессы его развития [4; 5; 6].

Одним из наиболее значимых видов профессиональной деятельности психолога в структуре службы выступает психологическая помощь, направленная на решение различного рода индивидуальных проблем, возникающих у человека в многомерном социальном пространстве. Спрос на разные виды психологической помощи постоянно растёт, что актуализирует многостороннее развитие этой практики. Расширение границ содержательных и ресурсных возможностей психологической помощи в условиях эковуза в определённой степени может быть обусловлено смыслообразующей ролью новых психологических контекстов, позволяющих трансформировать жизненный опыт и глубже понимать происходящие жизненные преобразования и события [7]. Цель нашего исследования заключается в выявлении контекстов психологической помощи как методологического средства организации её практики в экосистеме вуза. Для этого были использованы следующие методики: наблюдение и опрос, контекстный и контент-анализ.

Основные характеристики экосистемы вуза

Современные организационные преобразования высших учебных заведений реализуются в русле экосистемного подхода [2; 8; 9]. В соответствии с векторами мирового развития экосистемный подход предполагает развитие экологического сознания, мышления, культуры, опирается на общечеловеческие духовно-нравственные ценности, предлагает новые смыслы и цели образовательного процесса. Согласно определению П. О. Лукша, образовательная экосистема выступает

новой управленческой парадигмой в организации образования и подготовки людей. Её цель – «максимальная реализация потенциала каждого человека и одновременно максимальный запрос со стороны общества и экономики» [3]. В качестве ведущих признаков экосистем выступает наличие внутренних и внешних взаимосвязей, сложный характер организации, постоянное развитие, цикличность и динамическое равновесие [10; 11].

В основе экодподхода – создание многофункциональных сложных сетей партнёрства и сотрудничества с профессионально заинтересованными отраслями с целью совместного созидания, творчества, порождения новых идей, смыслов, программ, проектов, продуктов идеального и материального плана. Такая система многоцелевого и разнонаправленного сотрудничества эффективно вписывается в систему высшего образования. Условием её функционирования являются непрерывное самообразование, самосовершенствование, открытость и динамическое развитие [11].

Центром экосистемы, субъектом процессов её взаиморазвития является обучающийся (студент). Цель функционирования экосистемы в профессиональном высшем образовании – формирование личностно-профессиональных компетенций обучающихся студентов и создание экологической безопасной образовательной и жизненной среды. Достижение этой цели связано с использованием современных практико-ориентированных, инновационных, цифровых образовательных технологий. Интегративный характер методов обучения в сети (физической и виртуальной), мобильность, динамичность, самоорганизация, различные форматы учебного процесса в целом создают особые условия формирования у студентов навыков и умений самостоятельности, креативности и саморазвития по индивидуальной траектории.

В экосистеме обучение охватывает весь жизненный путь личности, ориентирова-

но на гармоничность и равновесие с собой и окружающим миром. Этот процесс сопровождается различными людьми, не имеющими отношения к обучению, – учёными и исследователями, профессионалами в различных областях науки и техники, тьюторами, консультантами и родителями и т. д. [9] (рис. 1).

В педагогическом университете экосистема – это, безусловно, масштабный ком-

плекс очень разных составляющих, взаимодействие и взаимосогласованность которых образует единое образовательное пространство, интегрированное в региональный, городской экономический кластер и федеральную образовательную повестку [12]. Компонентами этой системы выступают субъекты образования, которые реализуют процессы обучения, воспитания, развития на всех возрастных

Рис. 1 / Fig. 1. Основные характеристики экосистемы вуза / The main characteristics of the university ecosystem

Источник: данные авторов.

уровнях в течение всей жизни, объединяют обучающихся разного возраста и направления обучения, профессиональные психолого-педагогические сообщества, органы государственной власти в области образования [13; 14]. В русле гуманитарно-субъектной парадигмы такая система амплифицирует и «доращивает» процесс обучения за счёт новых методов, инноваций и инструментов связности, создавая уникальное экологическое пространство обучения, ориентированное на перспективное будущее и расширение ресурсов для индивидуального образования (рис. 2).

Позитивной характеристикой экосистемы выступает факт наличия в ней условий для непрерывной и полноценной реализации процессов социализации,

индивидуализации, персонализации, профессионализации, в рамках которых последовательно на каждой ступени раз-

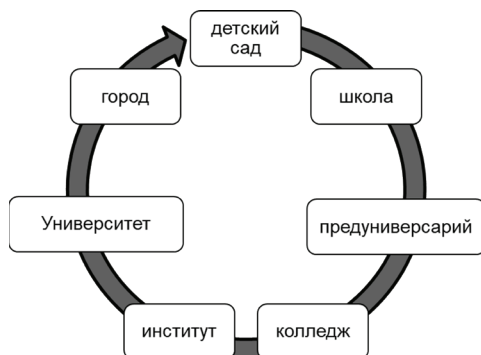

Рис. 2 / Fig. 2. Организационная структура экосистемы вуза / Organizational structure of the university ecosystem

Источник: данные авторов.

вития расширяются представления обучающихся о мире и профессии, формируются позитивные отношения к другим людям и себе. Становление субъектности как важнейшей интенции человека-субъекта способствует активному выражению себя в пространстве как внешнего окружающего и образовательного мира, так и в мире внутреннем, собственном. Успешность этих процессов обусловлена гармонично сбалансированной на каждом возрастном уровне обучения экологической средой как источника непрерывного развития, саморазвития и самосовершенствования субъекта образования, что является в итоге необходимым условием построения особого индивидуального экологического мира как мира собственных неограниченных ресурсов, возможностей, способностей.

Неоценимую роль в этом процессе играет своевременно оказанная психологическая помощь, имеющая специфические характеристики на каждом этапе обучения. Организация деятельности психологической помощи в экосистеме вуза с необходимостью предполагает её органичную включённость в учебный, воспитательный и образовательный процессы на уровне всех структурных образований экосистемы вуза.

Психологическая помощь: понятие, содержание, функции

Помощь как общественно полезная деятельность, востребованная в самых разнообразных жизненных сферах, имеет богатую историю в своём развитии на бытовом и научном уровне. Многообразие определений, подходов, теорий, моделей, сфер применения свидетельствует об огромном содержательном потенциале этого понятия, его особом смысловом наполнении, грани которого, возможно, до конца ещё не раскрыты. Богатый религиозный, исторический, медицинский, философский, социокультурный контекст формирования представлений о психологической помощи свидетельству-

ет о высочайшей значимости разрешения проблем, порождаемых «духовной» жизнью человека в социуме.

Научный подход к содержательным основам помощи «психологической» формировался в процессе развития медицинской, психиатрической, психотерапевтической, социальной и психологической науки, в основе которой зарождались практики гуманного отношения к людям, их проблемам, стремлениям к «полезной и счастливой жизни». Определение и формирование психологической помощи как профессиональной деятельности возникло в конце XIX в. В дальнейшем парадигматический подход к психологической помощи представлен многими психологическими школами, где концептуальное содержание определило её особенности, виды, технологии и методы реализации [15; 16; 17; 18]. В таком многообразии теоретических и практических подходов, по сути, невозможно выделить её единую для всех специалистов модель. Напротив, в свете современных тенденций разнообразные альтернативы трактуются как удивительные дополнительные возможности для более глубоких и точных представлений о субъекте психологической помощи и его психической и личностной реальности.

В многочисленных исследованиях отмечается, что, по сути, в любой сфере жизни и деятельности человека возникает та или иная необходимость в психологической помощи, её «искусство» и наука востребованы в области множества проблем [5; 8; 12].

Активная проблематизация темы «психологической помощи» как особой деятельности выступает в XX в. одной из центральных линий развития психологической практики в русле разнообразных зарубежных школ, подходов, теорий. За это время существенно обогатились представления о содержательно-функциональных характеристиках психологической помощи, расширились сферы её применения, наработан огромный банк

технологического потенциала как в рамках её психотерапевтической модели, так и модели *counselin*-консультирования. Этот путь обозначен преобразованиями в системе отношений «специалист – клиент», стратегическое развитие которых шло по линии перехода от директивных определяющих отношений в процессе взаимодействия к отношениям диалогическим, субъект-субъектным, т. е. помогающим.

Опыт русской физиологии, философии, психиатрии, психологии начала XX в. обозначил содержательные перспективы, ценностные основания и общие направления развития отечественной практики психологической помощи, её понятийно-категориального аппарата, форм, методов и способов практической работы [19; 20; 21]. В течение десятилетий устойчивая практика её оказания осуществлялась в русле психотерапевтического вспомоществования, в отдельных направлениях психологической науки, в православных духовных традициях. В этом движении психологическая помощь как самостоятельное направление, ориентированное на здоровых людей без клинических нарушений, возникло не так давно.

Интенсивное развитие психологической службы образования в 90-е гг. прошлого века в значительной степени повысило действенность психологической помощи в образовательных учреждениях и тем самым способствовало её дальнейшему развитию в более широком социальном пространстве.

В качестве ведущих сущностно-смысловых характеристик психологической помощи, раскрывающих её природу, можно выделить следующие.

Понятие «психологическая помощь» отражает особую реальность – психологическую практико-ориентированную на человека деятельность, содержанием которой является его психика и особенности её функционирования в обществе. В основе этой деятельности – безусловная

ценность человека, его жизни, психического и психологического здоровья, цель такой деятельности – усиление их «мощи» и возможностей.

Актуализация психологической помощи в жизненном пространстве человека определяется воздействием разных факторов, порождающих определённые трудности, препятствия, сложные ситуации, непредвиденные обстоятельства, переживания, душевные страдания как проблемы психологического характера. Объективно это могут быть воздействия внешней по отношению к человеку среды и структур его социума. В субъективном плане это внутренний мир человека с его желаниями и потребностями, смыслами и ценностями, самосознанием и внутриличностными противоречиями и т. п. Особое значение при этом имеет характер взаимодействия личности и среды, личности и социального, жизненного, а также цифрового пространства, ибо в этом обширном коммуникативном поле современного мира таится немало опасностей для человека, его здоровья и жизни [22; 23]. Психологическая помощь оказывается в случае невозможности преодоления человеком возникающих проблем на том или ином уровне.

Условием реализации психологической помощи является взаимодействие специалиста-психолога и человека (клиента), которое должно быть построено по особому, необходимому с позиции достижения цели правилу, а именно по признанию клиента «действующим» лицом психологического процесса. Это правило базируется на идее субъекта и рассматривает клиента носителем активности и «источником причинности бытия», что необходимо для усиления «мощи» его самодетерминации, расширения свободы от внутренних и внешних ситуационных воздействий, развития способности целеполагания и саморегуляции. Эффективность психологической помощи, таким образом, определяется совместной сотрудической деятельно-

стью двух субъектов, где не только помогающий психолог, но и принимающий клиент выступает активным субъектом ситуации и в целом своей жизни.

В традициях деятельности психологическая помощь раскрывается в содержательных, процессуальных и результативных характеристиках. Содержательные характеристики отражают проблематику психологической помощи, т. е. тот круг разнонаправленных проблем, который связан с психической жизнью личности [24; 25]. Это могут быть проблемы эмоционального, ценностно-смыслового порядка, межличностных отношений, развития, социализации, профессионализации, персонализации, семейной жизни, обучения и воспитания, глубинные внутриличностные проблемы и т. д.

Процессуальный план психологической помощи определяется самим процессом её реализации, элементами которого являются цели, задачи, этапы, а также методы и технологии их достижения, адекватные проблемному содержанию [26; 27]. Как правило, психологическая помощь осуществляется в соответствии с отработанной специалистом логикой преодоления проблемной или затруднительной ситуации, определяющей последовательность решаемых задач на каждом этапе. В изменяющихся условиях важной характеристикой продуктивности процесса взаимодействия выступает динамика отдельных содержательных составляющих «принимающего субъекта» (клиента) психологической помощи [28].

С результативной стороны психологическая помощь характеризуется мерой эффективности в достижении поставленных целей, которые связаны с индивидуально-своеобразными преобразованиями личности и её самосознания, с разрешением и преодолением психологических проблем, последствий кризисных ситуаций, усвоением альтернативных способов поведения, адекватных переживаемым жизненным ситуациям и т. п.

В целом, можно констатировать, что психологическая помощь – это сложно организованная система с разного порядка переменными – «помогающего» психолога, «принимающего» клиента, проблемы, а также взаимодействия и взаимоотношения между ними. С позиций гуманитарно-субъектной парадигмы как методологического базиса психологической помощи функционирование этой системы связано с признанием уникальности личности; направлено на «человеческое в человеке»; основывается на выстраивании с клиентом субъект-субъектного взаимодействия; осуществляется «в модусе возможного и должного» (Б. Братусь) [29]; ориентировано на диалогичность в отношениях, что создаёт единое эмоциональное «со-бытие» как особое психологическое пространство «со-активности», в котором клиент приобретает не просто новый способ деятельности, а значительно шире – качественно иной по «мощности» и экологичности способ существования в мире. Одним из способов расширения ресурсных и содержательных возможностей психологической помощи в условиях сложно организованной экосистемы вуза выступает, на наш взгляд, методология контекстного подхода.

Контексты психологической помощи в экосистеме вуза

В современных исследованиях понятие «контекст» рассматривается как общенаучная объяснительная категория, создающая определённые перспективы в разнообразной психологической практике. Отличительной особенностью контекстного подхода как одного из направлений системного подхода является широкая возможность расширения и систематизации изучаемых явлений в разнообразных теоретических и внутрипсихических контекстах [7]. Понятие «контекст» при этом выступает не только теоретико-методологическим конструктом, но и средством, направленным на решение конкрет-

ных психологических проблем и задач. Известно, что с позиций контекста как способа интерпретации и упорядочения «психических содержаний» путём заданности определённой «системы координат» более глубоко раскрываются разные грани, значение и смысл каждого из психических фрагментов. Именно контексты, по определению А. А. Вербицкого, представляют особую систему внешних и внутренних факторов и условий жизни, определяющих особенности восприятия, понимания и преобразования субъектом смысловых значений ситуации как целого, так и её компонентов [7].

Смыслообразующая роль и ведущие функции контекста приобретают важное значение в практике психологической помощи, ведь как методологическое понятие контекст раскрывает и упорядочивает содержательные и процессуально-временные характеристики помощи и креативно стимулирует создание их системной взаимодополнительности с целью решения сложных психологических задач и ситуаций на всех уровнях.

Оказание квалифицированной психологической помощи субъектам образовательной организации в условиях пре-

образований связано с решением целого ряда психологических проблем, актуализированных в обращениях – запросах студентов. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что их значительная содержательная часть касается эмоциональной сферы, проявляется в симптоматике стресса, тревожности, страхов, усталости. На втором месте – проблемы межличностных взаимодействий, и далее – проблемы самоопределения (рис. 3).

Представленные данные получили убедительное подтверждение в многочисленных исследовательских работах последних лет, где отмечается, что в содержании запросов – обращений студентов – находит отражение широкий и очень разнообразный спектр проблем, в основе которых могут быть: вредные привычки, психосоматические симптомы, академическая неуспеваемость, экзистенциальные вопросы, вопросы будущего и личного сценария; многочисленные запросы, связанные с расширением личностных возможностей, приобретением навыков совладания со стрессом, с обучением жизнестойкости, планированием карьеры и жизни, с управлением

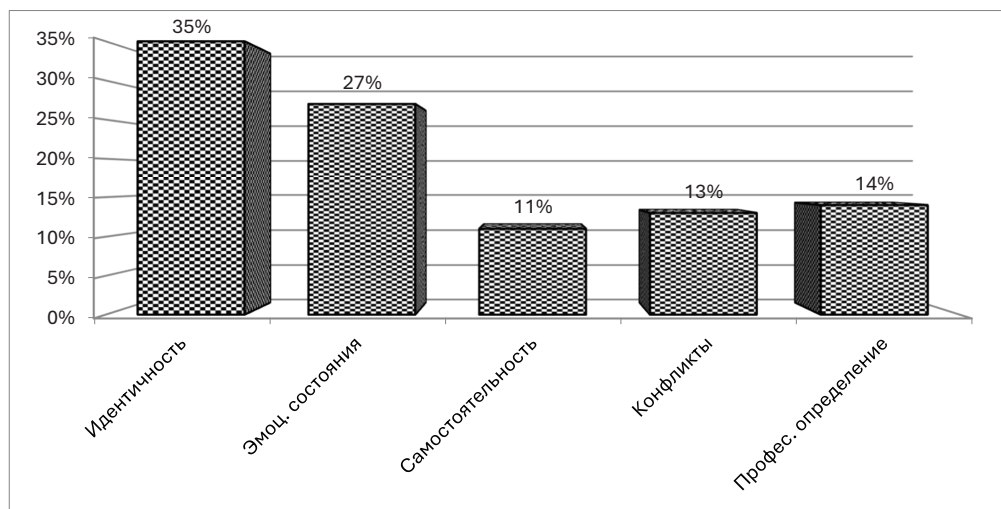

Рис. 3 / Fig. 3. Запросы студентов / Student requests

Источник: данные автора.

временем и т. п; выраженно проявляются запросы, связанные с процессами самопонимания, саморазвития, самоопределения, самоактуализации. Особое психологическое значение в этом списке приобретают обращения, отражающие переживания последствий экстремальной либо особой непредвиденной социальной ситуации – СВО, смерть близкого человека и др. [30]. В целом, содержательная широта запросов свидетельствует о высокой степени востребованности психологической помощи в вузе не только с целью преодоления проблем, но и с целью придания большей «мощности» процессам саморазвития, самосовершенствования, самодетерминации субъектов образовательного процесса [31].

Опираясь на контент-анализ студенческих запросов, а также контекстный анализ как «метод систематического выделения и описания контекстов изучаемого психического явления» [32], мы структурировали разнонаправленное содержание проблемного поля психологической помощи, заданного обращениями субъектов обучения. Это позволило представить содержательный компонент психологической помощи с позиций трёх

психологических контекстов, а именно: субъектного (личность), объектного (среда), интерсубъектного (взаимодействие личности и среды) – соотношение которых по количеству запросов весьма разнообразно.

Субъектный (внутренний) контекст как доминантный контекст представляет психическую реальность, описываемую понятиями «личность», «субъект», «индивидуальность», характеристикам которых отводится особая роль в понимании проблематики психологической помощи. В русле гуманитарной парадигмы центральное место в этом ряду занимает личность с её специфическими общечеловеческими смыслами и ценностями, внутренне организованными и индивидуальными свойствами, в которых находит своё отражение сфера ведущих отношений к себе, людям, миру. Качественное своеобразие отношений, их интенсивность, модальность, устойчивость, сознательность, доминантность, ценностная основа задают характер индивидуальной проблемности.

Субъект в широком понимании определяется как источник активности, которая выступает мерой личных и социаль-

Рис. 4 / Fig. 4. Соотношение запросов по контекстам / The ratio of queries by context

Источник: данные автора.

ных взаимодействий. За этим понятием, по определению К. А. Абульхановой-Славской, стоит динамическая сторона развития личности, её способность к преодолению противоречий, трудностей на жизненном пути, достижению целей и совершенства [33]. В последние десятилетия широкое распространение получило понятие «субъектность» как способность человека быть субъектом. Это качество человека, благодаря которому он и является тем, кто он есть – «нет субъектности, нет и подлинного человека!» [7; 8]. Объективация субъектных свойств человека выступает «вершиной личности», в индивидуальности проявляется её «глубина», своеобразие и неповторимость, потенциал и возможности в разных сферах жизнедеятельности и в контексте любой жизненной ситуации [34]. Все эти категории определяют индивидуальный субъектно-личностный вектор проблематизации психологической помощи, детерминированной персональными запросами субъектов образования.

Объектный (внешний) контекст – это внешняя по отношению к человеку реальность – образовательная, социальная и цифровая среда эконивуза. В широком понимании среда представляет собой экологическое, физическое, социальное, образовательное, культурное, информационное, цифровое, историческое содержание мира, который окружает человека и уникальным, неповторимым образом соприкасается с ним. При этом человек как субъект жизнедеятельности выступает активным и действенным фактором в её особенном построении и функционировании, ибо к среде относятся те условия, которые субъективно человеком не только воспринимаются, но и переживаются. С позиций культурно-исторической концепции Л. С. Выготского именно переживания определяют характер среды и её специфическую роль в развитии личности и появлении у человека высших психических функций. Переживаемая среда – это психологическая среда субъекта [35].

В высших учебных заведениях формируется особая образовательная среда как «совокупность общественно-организованных, социокультурных, психолого-педагогических условий», определяющих становление и личностно-профессиональное развитие будущих специалистов. Ведущую роль в этом процессе имеет её культурная оформленность, поскольку именно культура выступает здесь как «среда, растящая и питающая личность» (П. А. Флоренский), как «усилие человека быть» (М. К. Мамардашвили). В психологическом измерении это связано с гуманитарной направленностью педагогического коллектива, построением субъект-субъектных взаимодействий, ценностных взаимосвязей и отношений, создающих атмосферу со-активности, со-творчества, со-трудничества, со-деятельности.

Психологическое благополучие субъектов образования соотносится с созданием развивающей, творческой и здоровьесберегающей образовательной среды, интеллектуально и эмоционально насыщенной атмосферой созидания, креативности, независимости и свободы. Такая среда как особое экологическое социальное пространство обеспечивает комфортный режим деятельности и психологической безопасности. Активное внедрение цифрового компонента в образовательный процесс в жизнь любого человека, особенно молодого, поднимает проблему цифровой социализации людей и молодёжи, развивающейся по своим законам и закономерностям, в частности. При всех позитивных моментах её функционирования следствием использования этих ресурсов у студентов могут быть различные психологические проблемы.

Итак, в реальности полноценная согласованность перечисленных характеристик среды встречается в вузе далеко не всегда, что свидетельствует о возможном формировании факторов риска, актуализирующих оказание многовекторной психологической помощи.

Интерсубъектный контекст отражает взаимодействие личности с окружающей социальной средой. Взаимодействие как категория психологической науки определяется жизненно необходимым условием любой человеческой деятельности, шире – самого существования людей. Как реальность социальной действительности, взаимодействие – это система, включающая большое разнообразие процессов, где в единстве представлены субъект-субъектные и субъект-объектные взаимосвязи. Основной характеристикой взаимодействия выступает активность социальных субъектов в деятельности, общении, поведении (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. А. Бодалев, В. А. Петровский и др.).

Согласно утверждению отечественных учёных (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Д. И. Фельдштейн и др.), в пространстве высшего образования основным условием субъектно-личностного развития студентов выступает ведущая в этом возрасте учебно-профессиональная деятельность, которая определяет реальную связь субъекта обучения с профессиональной действительностью, выступает источником развития его личности, формирует условия для проявления более широких потенциальных возможностей субъектности, определяет содержательную активность социальных процессов. Характер взаимодействия в процессе этой деятельности во многом определяет развитие у студентов качеств социальной зрелости, определяющих их субъектность – независимость, творчество, свободу, уверенность, решительность, самостоятельность, инициативность.

Общение и потребность в нём имеют в жизни студентов наиболее значимую ценность, поскольку расширяются сферы социального и профессионального пространства, качественно преобразуются процессы индивидуализации. Установлено, что студенты с высокими показателями социального развития достигают более высоких результатов

в творческой и учебной деятельности. Эффективное взаимодействие в общении обусловлено коммуникативными способностями человека.

В сфере активности поведение выступает доминантной характеристикой, имеющей многообразные стратегии достижения тех или иных целей. Содержание и характер взаимодействия студентов как субъектов деятельности, общения, поведения, с одной стороны, могут создавать уникальные социально-психологические условия для формирования глубинных структур личности, определяющих степень будущих профессиональных достижений. С другой стороны, именно в этих процессах зарождаются многочисленные психологические проблемы, требующие оказания психологической помощи.

Упорядочение содержания психологической помощи в структуре расширяющихся психологических контекстов позволяет, на наш взгляд, рассматривать реальные запросы-проблемы в их системной взаимодополнительности и пересечении, в разнообразных и широких контекстах, что в целом создаёт условия для более глубокого смыслового открытия проблемы и путей её решения. Суть психологической помощи в русле контекстного подхода заключается в понимании тех контекстов, которые создают проблему, и контекстов конструирования новой реальности путём изменения, преобразования, смены или создания новых, необычных, нестандартных их видов. Такое изменение смыслообразующих контекстов естественным образом ведёт к изменению системы отношений субъекта к себе, ситуации, миру и другим. В этом заключается положительный результат и ценность контекстного подхода в практике психологической помощи.

Содержание психологической помощи с обозначенных позиций отражает целостное пространство психологической проблематики в экосистеме вуза. Её характеристики обусловлены общей логикой поступательного возрастного,

лично-субъектного, социального, профессионального развития субъектов образования, содержанием возрастных, профессиональных и образовательных этапов, каждый из которых порождает свои сложности, проблемы и контексты, охватывающие широкие основания бытия и разнообразные сферы жизни и деятельности. Это могут быть контексты жизненного пути, возраста, гендера, социальные, экзистенциальные, учебные, динамические, системно-структурные контексты и т. д., что в целом создаёт большие ресурсные возможности психологической помощи на разных уровнях её практики.

Существенную роль в психологической помощи имеет процессуально-временной контекст, задающий особую классификацию форм современной психологической помощи (рис. 5).

В условиях экосистемы вуза психологическая помощь реализуется в трёх основных формах, каждая из которых имеет свой процессуальный контекст. В форме «консультирования» – это ситуационная психологическая помощь, востребованная в трудных для человека жизненных, социальных, учебных, бытовых, семейных ситуациях и случаях. Вторая

форма «помощи-поддержки» имеет процессуальный, достаточно продолжительный характер сопровождения личности в решении её индивидуальных проблем. В таком понимании психологическая помощь-консультирование и психологическая помощь-поддержка являются взаимодополняемыми, но не взаимозаменяемыми формами психологической практики. Допсихологическая помощь связана с феноменом помогающего поведения, которое определяется просоциальной позицией её субъекта и включает действия эмоционально-ценностного характера: поддержку, содействие, заботу, сочувствие, симпатию, сопереживание, эмпатию, сострадание и т. д., т. е. простые человеческие акты милосердия. Этот процесс сопровождается различными людьми, не имеющими отношения к обучению, – учёными и исследователями, профессионалами в различных областях науки и техники, тьюторами, консультантами, родителями и т. д. Третья форма – ответ на запрос, продиктованный жизнью семей и участников СВО. Это специализированная форма психологической помощи, включающая и консультирование, и поддержку – сопровождение семей участников СВО.

Рис. 5 / Fig. 5. Формы психологической помощи / Forms of psychological assistance

Источник: данные авторов.

В итоге можно констатировать, что разнообразие контекстов психологической помощи в экосистеме педагогического вуза, их понимание позволяют глубже раскрывать и учитывать значимые личностные, социально-психологические и образовательные особенности субъектов образования. Стимуляция их системной взаимодополнительности успешно актуализирует в деятельности психологической помощи творческие и нестандартные решения сложных проблем и ситуаций, возникающих в образовательном пространстве экосистемы педагогического вуза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлены материалы исследования проблемы психологической помощи в экосистеме педагогического вуза с позиций контекстного подхода. Установлено, что в условиях трансформационных явлений в организационном строении вузов ещё более возрастает необходимость в оказании квалифицированной психологической помощи студентам и сотрудникам образовательной

организации с целью создания экологического пространства, в условиях которого нивелируются сложные психологические проблемы и среда становится источником позитивной индивидуализации, социализации и профессионализации субъектов образования.

Можно констатировать, что смыслообразующая роль и ведущие функции контекста приобретают важное значение в практике психологической помощи, ибо как методологическое понятие контекст раскрывает и упорядочивает содержательные и процессуально-временные характеристики помощи и креативно стимулирует создание их системной взаимодополнительности с целью решения сложных психологических задач и ситуаций на всех уровнях. Понимание психологической помощи в русле контекстного подхода приводит к значительному расширению её ресурсных границ, что в условиях сложноструктурированной экосистемы вуза является чрезвычайно важным и необходимым условием эффективного функционирования психологической службы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргунова М. В., Моргун Д. В. Экосистемный подход как новая парадигма образования // Непрерывное образование в контексте будущего: сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции (Москва, 21–22 апреля 2021 года). М.: А-Приор, 2021. С. 19–24.
2. Изотова А. Г., Гаврилюк Е. С. Экосистемный подход как новый тренд развития высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 1211–1226. DOI: 10.18334/vines.12.2.114869.
3. Лукша П. О., Кушнир М. Э., Чекалова Л. Нам нужен следующий переход – к человеку экосистемному. Разговор об образовании будущего // Образовательная политика. 2021. № 2 (86). С. 16–24. DOI: 10.22394/2078-838X-2021-2-16-24.
4. Манина В. А. Современные направления психологической поддержки студентов вуза в преодолении психологических барьеров // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 3. С. 175–178.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Мищерина И. В. Кризисное состояние личности студента и особенности его проявления // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 12–13 декабря 2019 года). Ростов на-Дону: Южный федеральный университет, 2019. С. 99–106.
7. Вербицкий А. А., Калашников В. Г. Контекст как психологическая категория // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 3–14.
8. Вильданов И. Э. Педагогическая характеристика экосистемы технического университета // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1 (156). С. 83–91. DOI: 10.51379/KPJ.2023.158.1.008.

9. Ниязова А. А., Гибадулина Ю. М. Экосистемный подход как один из эффективных факторов социального развития детей // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (52). С. 58–64.
10. Забродин Ю. М., Метелькова Е. И., Рубцов В. В. Концепция и организационно-структурные модели психологической службы образования // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 3. URL: <https://psyjournals.ru> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.17759/psyedu.2016080301.
11. Каранатова Л. Г., Кулев А. Ю. Трансформация экосистемы дополнительного профессионального образования под влиянием инновационных технологий // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 120–129. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-12-120-129.
12. Басюк В. С., Малых С. Б., Тихомирова Т. Н. Федеральная сеть психологических служб образовательных организаций высшего образования: концепция, приоритеты и ресурсы развития // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 6. С. 4–18. DOI: 10.17759/pse.2022270601.
13. Рубцов В. В., Селявина Л. К., Малых С. Б. Система психологической поддержки образования // Психологическая наука и образование. 1999. № 4 (2). URL: <https://psyjournals.ru> (дата обращения: 08.01.2026).
14. Шипунова О. Д., Поздеева Е. Г., Евсеева Л. И. Университетская экосистема как предмет образовательной аналитики // Дискурс. 2023. Т. 9, № 3. С. 18–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-31.
15. Мэй Р. Искусство психологического консультирования / пер. с англ. Т. К. Кругловой. М.: Класс, 1994. 144 с.
16. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической работы / пер. с англ. М.: Психотерапия, 2006. 512 с.
17. Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
18. Юнг К. Г. Актуальная психология. Аналитическая психология: её теория и практика. Исследование процесса индивидуации. Тэвистокские лекции / пер. с англ. М.: Ваклер, 1998. 295 с.
19. Бехтерев В. М. Объективная психология. М.: Наука, 1991. 476 с.
20. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–101.
21. Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983. 231 с.
22. Агарков С. А. Модернизация высшего образования региона в условиях экономической глобализации: проблемы и решения // Высшее образование сегодня. 2017. № 12. С. 2–8.
23. Антонова Н. А., Ерицян К. Ю., Цветкова Л. А. Запрос на психологическую помощь студентов педагогического вуза // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 2. С. 208–217. DOI: 10.33910/2686-9527-2021-3-2-208-217.
24. Бондаренко А. Ф. Психологическая помощь: теория и практика. М.: Класс, 2001. 336 с.
25. Психологическая служба вуза: ценности и типы решаемых проблем / С. В. Гриднева, Г. В. Валеева, А. И. Ташёва, М. Р. Арпентьева // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 161–169. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.030.
26. Андронникова О. О. Психологическая служба в системе высшего образования: проблемы и актуальные задачи // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № 1. С. 85–94. DOI: 10.17759/bppe.2020170110.
27. Величко Г. А., Лизунова Г. Ю., Таскина И. А. Психологическая служба вуза: круг проблем и направления развития // Вестник университета. 2021. № 12. С. 179–184. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-179-184.
28. Степанова Л. Г. Основы психологической помощи. Минск: Вышэйшая школа, 2023. 343 с.
29. Братусь Б. С. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии // Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 67–91.
30. Рассказова И. Н. Изменение смыслообразующих контекстов клиента в процессе психологического консультирования: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 221 с.
31. Шульга Т. И. Переживание разочарования молодёжью 17–25 лет // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 2. С. 33–50. DOI: 10.11621/TEP-24-10.

32. Щербак О. И. Контексты в конфликтологии: монография. М.: МПГУ им. М. А. Шолохова, 2006. 80 с.
33. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности. М.: Модэк, 1999. 224 с.
34. Фоминых Н. Ю., Койкова Э. И., Бубенчикова А. В. Образовательная среда как экосистема // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 292–294.
35. Выготский Л. С. Психология развития. Избранные работы. М.: Юрайт, 2024. 281 с.

REFERENCES

1. Argunova, M. V. & Morgun, D. V. (2021). The Ecosystem Approach as a New Paradigm of Education. In: *Continuous Education in the Context of the Future: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the IV International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 21–22, 2021)*. Moscow: A-Prior publ., pp. 19–24 (in Russ.).
2. Izotova, A. G. & Gavriluk, E. S. (2022). The Ecosystem Approach as a New Trend in the Development of Higher Education. In: *Russian Journal of Innovation Economics*, 12, 2, 1211–1226 (in Russ.). DOI: 10.18334/vinec.12.2.114869.
3. Luksha, P. O., Kushnir, M. E. & Chekalova, L. (2021). We Need the Next Transition – to the Ecosystem Man. In: *Educational Policy*, 2 (86), 16–24 (in Russ.). DOI: 10.22394/2078-838X-2021-2-16-24.
4. Manina, V. A. (2014). Modern Areas of Psychological Support for University Students in Overcoming Psychological Barriers. In: *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 3, 175–178 (in Russ.).
5. Leontiev, A. N. (1975). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat publ. (in Russ.).
6. Mishcherina, I. V. (2019). The Crisis State of a Student's Personality and the Features of Its Manifestation. In: *Personality in Culture and Education: Psychological Support, Development, Socialization: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, December 12–13, 2019)*. Rostov-on-Don: Southern Federal University publ., pp. 99–106 (in Russ.).
7. Verbitsky, A. A. & Kalashnikov, V. G. (2011). Context as a Psychological Category. In: *Voprosy Psichologii*, 6, 3–14 (in Russ.).
8. Vildanov, I. E. (2023). Pedagogical Characteristics of the Ecosystem of a Technical University. In: *Kazan Pedagogical Journal*, 1 (156), 83–91 (in Russ.). DOI: 10.51379/KPJ.2023.158.1.008.
9. Niyazova, A. A. & Gibadullina, Yu. M. (2018). Ecosystem Approach as an Effective Factor in the Social Development of Children. In: *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 1 (52), 58–64 (in Russ.).
10. Zbrodin, Yu. M., Metelkova, E. I. & Rubtsov, V. V. (2016). Concept, Organizational and Structural Models of the Psychological Service in Education. In: *Psychological Science and Education*, 8, 3. URL: <https://psyjournals.ru> (accessed: 10.01.2026). DOI: 10.17759/psyedu.2016080301 (in Russ.).
11. Karanatova, L. G. & Kulev, A. Yu. (2020). Transformation of the Ecosystem of Continuing Professional Education by Innovative Technologies. In: *Administrative Consulting*, 12, 120–129 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2020-12-120-129.
12. Basyuk, V. S., Malykh, S. B. & Tikhomirova, T. N. (2022). Federal Network of Psychological Services of Higher Education Institutions: Concepts, Priorities, and Development Resources. In: *Psychological Science and Education*, 27, 6, 4–18 (in Russ.). DOI: 10.17759/pse.2022270601.
13. Rubtsov, V. V., Selyavina, L. K. & Malykh, S. B. (1999). System of Psychological Support for Education. In: *Psychological Science and Education*, 4 (2). URL: <https://psyjournals.ru> (accessed: 08.01.2026).
14. Shipunova, O. D., Pozdeeva, E. G. & Evseeva, L. I. (2023). University Ecosystem as a Subject of Educational Analytics. In: *Discourse*, 9, 3, 18–31 (in Russ.). DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-31.
15. May, R. (1994). *The Art of Counseling*. Moscow: Klass publ. (in Russ.).
16. Rogers, K. (2006). *Counseling And Psychotherapy*. Moscow: Psychotherapy publ. (in Russ.).
17. Freud, Z. (1989). *Psychology of the Unconscious: A Collection of Works*. Moscow, Prosveshchenie publ. (in Russ.).
18. Jung, C. G. (1998). *Actual Psychology. Analytical Psychology: Its Theory and Practice. A Study of the Individuation Process. The Tavistock Lectures*. Moscow: Wackler publ. (in Russ.).
19. Bekhterev, V. M. (1991). *Objective Psychology*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
20. Bakhtin, M. M. (1986). Toward a Philosophy of Action. In: *Philosophy and Sociology of Science and Technology*. Moscow: Nauka publ., pp. 80–101 (in Russ.).
21. Budilova, E. A. (1983). *Social and Psychological Problems in Russian Science*. Moscow, Nauka publ. (in Russ.).

22. Agarkov, S. A. (2017). Modernization of Regional Higher Education in the Context of Economic Globalization: Problems and Solutions. In: *Higher Education Today*, 12, 2–8 (in Russ.).
23. Antonova, N. A., Eritsy, K. Yu. & Tsvetkova, L. A. (2021). Requests for Psychological Assistance from Students of a Pedagogical University. In: *Psychology in Education*, 3, 2, 208–217 (in Russ.). DOI: 10.33910/2686-9527-2021-3-2-208-217.
24. Bondarenko, A. F. (2001). *Psychological Assistance: Theory and Practice*. Moscow: Klass publ. (in Russ.).
25. Gridneva, S. V., Valeeva, G. V., Tashcheva, A. I. & Arpentyeva, M. R. (2022). Psychological Service of a University: Values and Types of Problems Solved. In: *Herald of Vyatka State University*, 2 (144), 161–169 (in Russ.). DOI: 10.25730/VSU.7606.22.030.
26. Andronnikova, O. O. (2020). Psychological Service in the System of Higher Education: Problems and Current Tasks. In: *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 17, 1, 85–94 (in Russ.). DOI: 10.17759/bppe.2020170110.
27. Velichko, G. A., Lizunova, G. Yu. & Taskina, I. A. (2021). Psychological Service of the University: Range of Problems and Directions of Development. In: *Vestnik Universiteta*, 12, 179–184 (in Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-179-184.
28. Stepanova, L. G. (2023). *Fundamentals of Psychological Assistance*. Minsk: Vysheyschaya shkola publ. (in Russ.).
29. Bratus, B. S. (1997). Psychology with a Human Face: A Humanistic Perspective in Post-Soviet Psychology. In: *The Image of Man in Humanitarian, Moral, and Christian Psychology*. Moscow: Smysl publ., pp. 67–91 (in Russ.).
30. Rasskazova, I. N. (1999). *Changing the Client's Meaning-Forming Contexts in the Process of Psychological Counseling*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
31. Shulga, T. I. (2024). Experiencing Disappointment in Young People 17–25 Years Old. In: *Theoretical and Experimental Psychology*, 17, 2, 33–50 (in Russ.). DOI: 10.11621/TEP-24-10.
32. Shcherbakova, O. I. (2006). *Contexts in Conflictology*. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ. (in Russ.).
33. Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (1999). *Psychology and Consciousness of Personality*. Moscow: Modek publ. (in Russ.).
34. Fominykh, N. Yu., Koikova, E. I. & Bubenchikova, A. V. (2021). Educational Environment as an Ecosystem. In: *The World of Science, Culture and Education*, 3 (88), 292–294 (in Russ.).
35. Vygotsky, L. S. (2024). *Developmental Psychology. Selected Works*. Moscow: Yurait publ., 2024 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бершедова Людмила Ивановна (г. Москва) – доктор психологических наук, профессор, профессор департамента клинических, психологических и педагогических основ развития личности Института психологии и комплексной реабилитации Московского городского педагогического университета;

ORCID: 0009-0003-7371-1532; e-mail: bershedovali@mgpu.ru

Овчаренко Лариса Юрьевна (г. Москва) – кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента клинических, психологических и педагогических основ развития личности Института психологии и комплексной реабилитации Московского городского педагогического университета;

ORCID: 0000-0002-9129-9540; e-mail: ovcharenkolu@mgpu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila I. Bershedova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof., Department of Clinical, Psychological, and Pedagogical Foundations of Personality Development, Institute of Psychology and Comprehensive Rehabilitation, Moscow City University;

ORCID: 0009-0003-7371-1532; e-mail: bershedovali@mgpu.ru

Larisa Yu. Ovcharenko (Moscow) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Clinical, Psychological, and Pedagogical Foundations of Personality Development, Institute of Psychology and Comprehensive Rehabilitation, Moscow City University;

ORCID: 0000-0002-9129-9540; e-mail: ovcharenkolu@mgpu.ru

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-99-110

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Волкова Е. Н.¹, Сорокоумова Г. В.^{2*}

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
г. Москва, Российская Федерация

² Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e mail: galsors@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Аннотация

Цель статьи – теоретический анализ и операционализация понятийного аппарата, описывающего влияние цифровых технологий на социализацию современных подростков.

Процедура и методы. Посредством сравнительно-сопоставительного и концептуального анализов дифференцируются и последовательно раскрываются четыре ключевых понятия: «цифровая среда», «смешанная реальность», «гибридная реальность» и «конвергентная реальность».

Результаты. Показано, что эволюция концептов отражает сдвиг от анализа внешних условий к пониманию внутренне усвоенного, целостного жизненного мира подростка, где цифровое и физическое образуют неразделимый континуум опыта. Делается вывод о том, что концепт конвергентной реальности обладает наибольшим эвристическим потенциалом, фокусируясь на активности подростка, осваивающего и конструирующего своё социальное бытие в новых условиях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предпринята попытка преодолеть методологический разрыв между наблюдаемыми новыми поведенческими феноменами и устаревшими теоретическими конструктами. Чёткая дифференциация и операционализация данных понятий задают рамки для адекватных эмпирических исследований и практических интервенций в сфере образования, психологии и цифровой безопасности.

Ключевые слова: цифровая социализация, подростки, цифровая среда, смешанная реальность, гибридная реальность, конвергентная реальность, гибридная идентичность, операционализация понятий

Для цитирования: Волкова Е. Н., Сорокоумова Г. В. Эволюция понятийного аппарата в исследованиях цифровой социализации современных подростков // Психологические науки. 2026. № 1. С. 99–110. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-99-110>

Original research article

THE CONCEPTUAL APPARATUS EVOLUTION IN RESEARCH ON DIGITAL SOCIALIZATION OF MODERN ADOLESCENTS

E. Volkova¹, G. Sorokoumova^{2*}

¹ Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

² Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: galsors@mail.ru

Received by the editorial office 17.12.2025

Accepted for publication 24.12.2025

Abstract

Aim. To analyze and operate the conceptual framework, describing the impact of digital technologies on the socialization of modern teenagers.

Methodology. Through comparative and conceptual analysis, the four key concepts such as “digital environment”, “mixed reality”, “hybrid reality”, and “convergent reality” are differentiated and consistently revealed.

Results. It is shown that the study of the concepts evolved from analysis of external conditions to understanding of the internally assimilated, holistic life world of a teenager, where the digital and the physical surroundings form an inseparable continuum of experience. It is concluded that the concept of convergent reality has the greatest heuristic potential, focusing on the activity of a teenager who is mastering and constructing his social being in new conditions.

Research implications. An attempt is made to bridge the methodological gap between observed new behavioral phenomena and outdated theoretical constructs. Clear differentiation and operationalization of these concepts provide a framework for adequate empirical research and practical interventions in the fields of education, psychology, and digital security.

Keywords: digital socialization, adolescents, digital environment, mixed reality, hybrid reality, convergent reality, hybrid identity, operationalization of concepts

For citation: Volkova, E. N. & Sorokoumova, G. V. (2026). The Conceptual Apparatus Evolution in Research on Digital Socialization of Modern Adolescents. In: *Psychological Sciences*, 1, 99–110. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-99-110>

ВВЕДЕНИЕ

Современный подросток взрослеет в условиях, принципиально отличных от любого исторического прецедента. Современный этап развития общества характеризуется всеобщей цифровизацией, которая трансформирует не только способы коммуникации и получения информации, но и фундаментальные процессы становления личности. Влияние цифровых технологий на развитие личности является предметом многих научных исследований [1; 2; 3; 4; 5]. Особое

значение среди них имеют исследования развития личности и социализации подростков [6; 7; 8; 9; 10] поскольку для этой возрастной группы интернет, социальные медиа, гаджеты и смартфоны перестали быть просто технологическими инструментами, они превратились в естественную и неотъемлемую среду жизни и деятельности. Граница между «онлайн» и «офлайн» для современных подростков теряет свою определённую форму, образуя интегральное жизненное пространство. Этот трансформирующийся контекст

жизни порождает новые социальные практики, механизмы формирования идентичности и коммуникации, а также сопутствующие им риски и возможности.

Тотальная интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь привела к появлению новых психологических феноменов, оценочная коннотация которых для развития личности подростка неоднозначна и противоречива [11]. Сегодня мы исследуем новые особенности подросткового поведения в цифровой среде – кибербуллинг, фаббинг, цифровое самоповреждение, интенсивные коммуникации с чат-ботами и алгоритмическими системами, – но наше научное понимание этих явлений зачастую носит описательный, симптоматический характер [12; 13; 14; 15]. Вопросы о том, каковы глубинные психологические и социальные механизмы возникновения и существования этих феноменов, каковы отдалённые последствия для личностного развития, формирования идентичности, эмоционального интеллекта и социальных связей, остаются сегодня открытыми, не имеющими непротиворечивого объяснения. Этот концептуальный разрыв между наблюдаемыми феноменами и их теоретическим осмыслением представляет собой важную методологическую проблему современной психологии.

Одной из причин такого status quo является неадекватность существующего понятийного аппарата, который унаследован из эпохи, когда цифровой мир и физическая реальность воспринимались как отдельные, хотя и связанные, сферы жизни. В научных и общественных дискурсах существуют термины и понятия, которые либо описывают преимущественно технологическую инфраструктуру («цифровая среда») [4; 16; 17], либо заимствованы из инженерии («смешанная реальность») [18; 19], они не отражают качественную трансформацию жизненного пространства взросления современного человека. Для подростка, представителя поколения «цифровых аборигенов», взаимодействие

с цифровыми технологиями – это не взаимодействие со «средой» в классическом понимании, а органичный способ бытия, конструирования социальности и самого себя.

Целью данной статьи является преодоление этого дефицита через последовательную теоретическую дифференциацию и операционализацию понятий, описывающих влияние среды на развитие личности и социализации подростка. Мы предполагаем, что эволюция понятий от статичной «среды» к динамичной «конвергенции» отражает не смену моды в терминологии, а изменения в понимании объекта исследования: от анализа внешних условий социализации к внутренне усвоенной, конституирующей структуре жизненного мира современного подростка. Чёткие дефиниции необходимы, на наш взгляд, для построения адекватного методологического фундамента, на котором могут быть разработаны новые исследовательские программы для раскрытия психологических механизмов и долгосрочных последствий цифровой трансформации социального взросления. Уточнение сущности и операционализация наиболее часто употребляемых понятий в контексте изучения процессов социализации современных подростков – «цифровая среда», «смешанная реальность», «гибридная реальность» и «конвергентная реальность» – связано, на наш взгляд, с качественным решением трёх фундаментальных задач: задачей дифференциальной диагностики и точного измерения новых социальных феноменов подросткового поведения, задачей понимания каузальных механизмов возникновения и существования этих явлений, задачей прогнозирования последствий и организации практических вмешательств.

Методы исследования

Основу исследования составляет теоретический анализ и синтез современных научных представлений о цифровой

социализации. Конкретные методы, использованные в работе, включают:

- сравнительно-сопоставительный анализ для выявления генезиса и содержательного наполнения концептов, описывающих континуум средовых характеристик взросления: «цифровая среда», «смешанная реальность», «гибридная реальность», «конвергентная реальность». Анализ проводился по критериям: фокус (технология/среда/опыт), характер взаимодействия миров, роль субъекта, применимость к процессу социализации;

- концептуальный анализ с целью операционализации терминов, т. е. перевода теоретических конструкторов в систему индикаторов, пригодных для эмпирического исследования процессов социализации;

- систематизацию и критическое осмысление данных отечественных и зарубежных исследований, посвящённых влиянию цифровых технологий на развитие идентичности, общения и социального поведения подростков. Акцент делался на работы, выходящие за рамки технологического детерминизма и рассматривающие активность подростка в цифровом пространстве.

Цифровая среда

Цифровая среда понимается и изучается как опосредованное информационно-коммуникационными технологиями пространство, в котором индивид взаимодействует с другими пользователями, конструирует идентичность, усваивает нормы и ценности¹. Цифровая среда наполнена информацией как физическая реальность наполнена воздухом, причём информация в цифровой среде представлена в виде данных и закодирована определённым образом, а единицей структуры выступает бит информации, также как физическая реальность структурируется молекулами и атомами. В цифровой среде стираются физические границы, меня-

ются фундаментальные закономерности организации времени и пространства, а общение и деятельность происходят независимо от времени, места, возраста, пола и других индивидуально-типологических и личностных характеристик человека. Сравнительный анализ характеристик цифровой среды и физической реальности, имеющих непосредственное отношение к процессам социализации, представлен в таблице 1.

Таким образом, понятие «цифровая среда» – это базовое, наиболее общее понятие, описывающее опосредованное цифровыми технологиями пространство социальных практик. Его сравнение с физической реальностью выявляет фундаментальные изменения в основных параметрах социализации и задаёт её специфический информационно нагруженный контекст. При этом понятие «цифровая среда» носит скорее статический и внешний по отношению к субъекту характер.

Смешанная реальность

В понятии «смешанная реальность» акцентируется факт объединения цифровой среды и физической реальности. Это, скорее, технологический термин, описывающий техническое совмещение реального и цифрового миров, чтобы их объекты могли сосуществовать и взаимодействовать в реальном времени [18; 19; 20]. Понятие гибридной реальности можно рассматривать как своеобразную эволюцию, в которой подчёркивается не просто слияние, а неразделимость цифрового и физического в едином жизненном пространстве личности, что особенно отчётливо представлено в жизненном мире современного подростка [17]. Цифровые практики «достраивают» и трансформируют офлайн-опыт подростка и обнаруживают новые эффекты, порождённые этим слиянием. Например, гибридность среды создаёт предпосылки для кибербуллинга: травля проникает из школы в мессенджеры и обратно, не оставляя безопасного пространства [8; 21].

¹ Безгодова С. А., Микляева А. В. Цифровые трансформации психологии человека: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. 176 с.

Таблица 1 / Table 1

Характеристики физической реальности и цифровой среды / Characteristics of physical reality and digital environment

	Физическая реальность (Мир атомов и молекул)	Цифровая среда (Мир битов)
Сущность и законы	Объективна, материальна. Управляется непреложными законами физики (гравитация, энтропия). Пространство трёхмерно и непрерывно	Виртуальна, нематериальна. Управляется программным кодом и алгоритмами, которые можно изменить. Пространство может быть любым и дискретным
Время и обратимость	Время линейно и необратимо. Копирование материальных объектов сложно, требует ресурсов и ведёт к ухудшению качества. Действия в основном необратимы	Время можно сжимать, останавливать, воспроизводить. Бесконечное и идеальное копирование цифровых объектов без потерь. Многие действия легко отменить
Темп и интенсивность	Естественные ритмы, определяющие необходимость удерживать внимание	Высокая скорость, многозадачность
Идентичность и телесность	Идентичность жёстко привязана к биологическому телу, единична и изменяется медленно. Полная анонимность затруднена	Идентичность пластична, множественна и конструируема. Можно создавать и менять аватары, профили. Анонимность или псевдонимность достигается относительно легко
Границы и их масштаб	Имеет чёткие физические и географические границы. Масштабирование (ресурсов, пространства) требует значительных затрат энергии, времени и материалов	Границы логические (правила доступа, протоколы использования). Легко масштабируется за счёт вычислительных мощностей (например, увеличение пользователей сервиса)
Природа взаимодействий	Непосредственные контакты, синхронные во времени, включающие весь спектр невербальных сигналов	Коммуникации опосредованы интерфейсами, асинхронны, часто фрагментарны
Восприятие себя и других	Самопрезентация более целостна и спонтанна	Можно менять и «приукрашивать» образ, легче скрывать неуверенность
Память и реконструкция	Следы событий со временем стираются, память субъективна и неточна. Полная реконструкция прошлого сложна или невозможна	Обладает «тотальной памятью»: почти любое действие логируется, сохраняется и может быть точно восстановлено и проанализировано. Создаёт вечный цифровой след
Безопасность и последствия	Взаимодействия с другими людьми и новый опыт имеют непосредственные физические и социальные последствия	В коммуникациях можно экспериментировать с меньшим риском и более низкой степенью ответственности, однако, неуничтожимый цифровой след усиливает негативные исходы

Источник: составлено авторами.

Анализ содержания понятия гибридной реальности позволяет выявить три ключевые особенности, непосредственно затрагивающие процессы операционализации этого понятия.

Во-первых, гибридная реальность отличается стиранием пространственных и контекстуальных границ [4; 22]. Например, подросток практически одновременно существует в нескольких социальных контекстах – физических (семья,

школьный класс) и цифровых (мессенджеры, соцсети, игровые платформы), что воспринимается им как переход между «окнами» единого жизненного пространства. Это приводит к тому, что события цифровой среды (например, конфликт в чате) немедленно влияют на его социальные активности и развитие, не оставляя «буферной зоны» для переработки опыта. Однако часто эти потоки социальной жизни воспринимаются как параллельные, но их влияние на психическое состояние является мгновенным и тотальным [4; 22].

Во-вторых, социальные связи в гибридной среде отличаются непрерывностью и асинхронностью [4]. Коммуникация теряет не только пространственные, но и временные ограничения, создавая основу для перманентного процесса социального взаимодействия. Офлайн-иерархии и статусы постоянно транслируются и трансформируются в онлайн-пространстве, и наоборот, что создаёт непрерывное социальное поле. Преобладание асинхронной коммуникации формирует культуру постоянной включённости, которая создаёт фоновый социальный прессинг и необходимость постоянной самопрезентации [4].

Третья особенность связана с механизмами развития идентичности подростка. Представление подростка о себе («Я-концепция») конструируется в постоянном диалоге между «онлайн-персоной» (профили, аватары) и «офлайн-личностью» [22]. Цифровые платформы предоставляют пространство для экспериментирования с социальными ролями, что, с одной стороны, может служить ресурсом для самопознания, а с другой – порождать риски зависимости идентичности от внешней валидации (лайков, комментариев), искажая нормальный ход становления самооценки [4; 23]. Новая идентичность или «гибридная идентичность» подростка – это целостное, но сложносоставное «Я», формирующееся в результате постоянной навигации между

онлайн- и офлайн-самопрезентациями [4; 9; 22].

Таким образом, понятие гибридной реальности снимает противопоставление онлайн- и офлайн-миров, фокусируясь на их взаимопроникновении.

Конвергентная реальность

Известно, что отличительной особенностью цифровой среды являются её возможности для формирования пользовательского поведения, предпочтений и эмоциональных реакций, фактически выступая соавтором социального опыта подростка [9]. Алгоритмы цифровых платформ целенаправленно создают уникальные цифровые ландшафты, поощряя определённые модели поведения (пассивный скроллинг, реактивность, поляризацию мнений), тем самым выступая мощным средовым фактором, активно вмешивающимся в процесс развития личности. Это обстоятельство отражено в содержании ещё одного понятийного конструкта для описания процессов цифровой социализации современных подростков – понятия конвергентной реальности.

Конвергентная реальность обозначает не только неразрывный синтез цифрового и физического миров современных подростков, в котором они образуют единый континуум опыта. Важно, что этот опыт является продуктом активного освоения гибридной реальности.

Конвергентная реальность – это среда жизни и деятельности современного подростка, в которой цифровые и физические практики сливаются в единое пространство жизнедеятельности, данное в непосредственных ощущениях, инициирующее активное преобразование среды и формирующее новые формы поведения. Системообразующий операциональный признак конвергентной реальности – активное освоение, преобразование и навигация в этой единой среде [16]. Таким образом, конвергентная реальность – это среда жизни, где цифровые

и физические практики изначально проектируются и проживаются как общая целостная активность, формируя новые, конвергентные формы поведения, общенности и самоопределения.

Понятие конвергентной реальности позволяет перейти от описания внешних условий развития личности подростка к анализу психологических механизмов социализации, возникающих на стыке цифрового и физического миров, где среда активна, а субъект постоянно учится в ней ориентироваться и строить свою траекторию [9]. Вместе с тем важно учитывать, что алгоритмическая природа конвергентной реальности формирует условия для разного рода поведенческих деструкций, например таких, как цифровое самоповреждение [12], а поисковые и рекомендательные системы при самом активном включении подростка в их использование могут формировать информационные пузыри и деструктивные социальные сообщества и группы [6; 7; 9; 14].

Конвергентная реальность как интегральный концепт

Проведённый анализ демонстрирует, что выбор понятийного аппарата не является терминологической условностью, а определяет методологические рамки исследования. Например, рассмотрение социализации подростков через призму цифровой среды позволяет изучать новые каналы и агентов социализации, но рискует редуцировать цифровое к «виртуальному», противопоставляя его «реальному». Концепт гибридной реальности снимает это противопоставление, фокусируясь на взаимопроникновении. Он продуктивен для анализа, например, таких феноменов, как кибербуллинг, последствия которого мгновенно проявляются в офлайн-жизни, или поддержание дружбы через постоянный асинхронный обмен сообщениями. Однако он может не в полной мере отражать субъективное восприятие этой целостности самими подростками, для которых переключе-

ние между «окнами» реальности часто не осознаётся как переход между разными мирами.

Конвергентная реальность как наиболее интегральный концепт предлагает рассматривать социализацию из внутренней позиции подростка. Она задаёт новый вектор для исследований, предлагая изучать не «онлайн-социализацию», а социализацию в условиях конвергенции. Это задаёт рамку для конструирования новых моделей диагностических методик, где вместо вопроса «Сколько времени ты проводишь в сети?» валидным становится анализ конкретных конвергентных практик (например, совместный просмотр стрима с общением в чате, параллельное выполнение домашнего задания с подкасками из сообщества в мессенджере). Конвергентная реальность предполагает иной подход в понимании анализа рискованного поведения подростков и в целом эмоциональных и поведенческих нарушений (например, таких как дисморфия, тревожность, зависимость от обратной связи), которые рассматриваются не как следствие «вредного влияния интернета», а как результаты специфической логики конвергентной среды (тотальная память, алгоритмическая стимуляция, культура перфективной самопрезентации). Вместе с этим понятие конвергентной реальности приводит к выявлению новых и конструктивных ресурсов развития: цифрового творчества как формы самовыражения и просоциальной активности подростков, доступа к нишевым сообществам по интересам для формирования идентичности, развития навыков мультизадачности и навигации в сложных информационных потоках.

Содержательное наполнение и дифференциация понятий, описывающих средовые влияния, позволяют отчётливо различать уровни и слои эмпирических исследований процесса социализации современных подростков:

– инфраструктурный слой (понятие «цифровая среда») описывает преимуще-

ственно совокупность технологий, платформ и данных, обеспечивающих возможность взаимодействия. Исследование на этом уровне отвечает на вопросы о доступности, использовании определённых сервисов и количестве экранного времени;

– технологический интерфейс (понятие «смешанная реальность») рассматривает спектр технологий (от дополненной до виртуальной реальности), которые физически совмещают цифровые объекты и реальный мир. Анализ на этом уровне фокусируется на конкретных человеко-компьютерных взаимодействиях;

– феноменологический опыт (понятие «гибридная реальность») фиксируется как субъективно переживаемое единство цифровых и физических контекстов, где онлайн-события немедленно влияют на офлайн-состояние, и наоборот. Это уровень изучения того, как напряжение в цифровом мире (например, в чате) вызывает тревогу в реальном контакте;

– онтологический контекст (понятие «конвергентная реальность») постулирует возникающее качественно новое жизненное пространство, где цифровые и физические практики настолько взаимообусловлены, что образуют единый, нерасчленимый континуум опыта и деятельности. Здесь исследования направлены на изучение цифро-физической идентичности подростка, на решение вопросов о том, как алгоритмы соцсетей становятся соавторами его социального опыта, как коммуникации с чат-ботом вызывают изменения в эмоциональных и личностных характеристиках подростка.

Смешение и неопределённость понятийного поля ведут к беспомощности при организации практической помощи в сферах образования, медицины и законодательной практике. Например, эффективная профилактика кибербуллинга или цифрового самоповреждения невозможна, если мы не различаем, происходят ли эти события в «цифровой среде» (тогда фокус на модерации контента) или являются травматическими событиями

в конвергентной реальности подростка, требующими комплексной психологической проработки, как и любая офлайн-травма. Педагогические стратегии, основанные на идее ограничения доступа к цифровой среде, заведомо неэффективны, если не учитывают, что для ученика эта среда есть неотъемлемая часть его гибридной реальности, где выстроена значительная часть его социальных связей и идентичности.

Операционализация понятий – это перевод абстрактных значений в конкретные, наблюдаемые и измеряемые переменные. Без этого перевода теоретическое и эмпирическое исследование социализации современных подростков рискует либо сводить сложные психологические феномены к простым технологическим детерминантам, либо игнорировать ключевую роль цифровой архитектуры в их порождении. Например, именно чёткая дефиниция и операционализация понятия на её основе позволяет перейти от описания фаббинга как «постоянного отвлечения на смартфон» к изучению его механизмов: является ли он симптомом дефицита внимания, стратегией регуляции социальной тревоги в гибридной реальности или поведенческим паттерном, сформированным алгоритмами, поощряющими постоянную вовлечённость? Чёткое определение конвергентной реальности как пространства, где граница между взаимодействием с человеком и коммуникацией с чат-ботом (искусственным интеллектом) стирается, позволяет задавать вопросы не только о новых формах социального научения, но и мистификации контактов и рисках девальвации эмпатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о последовательной эволюции понятий, описывающих социальную реальность современного подростка: от относительно статичного представления о цифровой среде и технологии её создания (смешанная реальность) к фиксации эф-

фектов слияния (гибридная реальность) и, наконец, к признанию нового качества целостного, субъективно переживаемого и активно конструируемого жизненного мира (конвергентная реальность). Концепт конвергентной реальности обладает наибольшим эвристическим потенциалом, т. к. помещает в центр анализа не среду или технологию саму по себе, а активность подростка, осваивающего и конструирующего своё социальное бытие в условиях принципиальной нераздельности цифрового и физического измерений. Этот концепт задаёт новый вектор для анализа всех аспектов социализации современных подростков, требуя учёта конвергентной природы психологических

феноменов. Дифференциация и определение понятий, относящихся к описанию среды развития подростка, позволяют чётко различать области теоретического и эмпирического анализа: инфраструктурный (цифровая среда), технологический (смешанная реальность), феноменологический (гибридная реальность) и онтологический (конвергентная реальность). Без такого различия исследование рискует либо сводить сложные психологические явления в развитии личности и социализации современных подростков к простым технологическим детерминантам, либо игнорировать формообразующую роль цифровой архитектуры в этих процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Связь цифровых технологий с развитием когнитивных и коммуникативных процессов подростков и юношей: обзор эмпирических исследований / Н. Я. Агеев, Ю. А. Токарчук, А. М. Токарчук, Е. В. Гаврилова // Психолого-педагогические исследования. 2023. Т. 15, № 1. С. 37–55. DOI: 10.17759/psyedu.2023150103.
2. Алехин А. Н., Пульцина К. И. Влияние информационных технологий на когнитивное развитие детей: обзор современных исследований // Психология человека в образовании. 2020. № 4. С. 366–371. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-4-366-371.
3. Волкова Е. Н., Сорокоумова Г. В. Психологические критерии благополучия подростков в контексте цифровой социализации // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. С. 12–27. DOI: 10.17759/sps.2024150202.
4. Кочетова Ю. А., Климакова М. В. Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя // Социальные науки и детство. 2025. Т. 6, № 3. С. 85–98. DOI: 10.17759/ssc.2025060306.
5. Каменская В. Г., Томанов Л. В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 139–159. DOI: 10.17759/exppsy.2022150109.
6. Власова Н. В., Буслаева Е. Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва // Психология и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 56–71. DOI: 10.17759/psylaw.2023130305.
7. Власова Н. В., Буслаева Е. Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 194–206. DOI: 10.17759/psylaw.2022120214.
8. Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence / M. C. Martínez-Monteaquedo, B. Delgado, J. M. García-Fernández, E. Rubio // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. № 24. P. 50–79. DOI: 10.3390/ijerph16245079.
9. Петрова С. С., Маркова В. А. Влияние интернет-среды на формирование самосознания и социальной компетентности подростков // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2025. № 9 (110). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles> (дата обращения: 18.09.2025).
10. Influence of social motivation, self-perception of social efficacy and normative adjustment in the peer setting / M. Herrera López, E. M. Romera Félix, R. Ortega Ruiz, O. Gómez Ortiz // Psicothema. 2016. Vol. 28, № 1. P. 32–39. DOI: 10.7334/psicothema2015.135.
11. Волкова Е. Н. Феномены социализации современных подростков: Pro et contra // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16, № 2. С. 23–42. DOI: 10.17759/sps.2025160203.
12. Волкова Е. Н., Орлова А. А. Цифровое самоповреждение у подростков: обзор отечественных и зарубежных исследований // Психологический журнал. 2025. Т. 46, № 4. С. 49–59. DOI: 10.7868/S3034588X25040051.

13. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // *Psychological Bulletin*. 2014. Vol. 140, № 4. P. 1073–1139. DOI: 10.1037/a0035618.
14. Семенова Н. Б. Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) // *Социальная психология и общество*. 2022. № 1. С. 22–32. DOI: 10.17759/sps.2022130102.
15. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиа исследованиях «цифровой молодёжи» / Д. В. Дунас, Е. А. Салихова, А. В. Толоконникова, Д. А. Бабына // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2022. № 4. С. 47–79. DOI: 1030547/vestnikjourn.4.2022.4778.
16. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.
17. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // *Социальная психология и общество*. 2023. Т. 14, № 3. С. 11–30. DOI: 10.17759/sps.2023140302.
18. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // *Культурно-историческая психология*. 2020. Т. 16, № 4. С. 87–96. DOI: 10.17759/chp.2020160409.
19. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Клишевич А. С. Смешанная среда с дополненной реальностью: эффекты присутствия в ситуации игрового взаимодействия // *Экспериментальная психология*. 2023. Т. 16. № 2. С. 4–19. DOI: 10.17759/exppsy.2023160201.
20. Ланцова С. В. Психологические детерминанты формирования просоциального поведения подростков в смешанной реальности // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 6. URL: <https://rjep.ru/jour/index.php/rjep/article/view/678> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-6-678.
21. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга // *Вестник Мининского университета*. 2017. № 3. С. 17. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17.
22. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // *Культурно-историческая психология*. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37. DOI: 10.17759/chp.2022180403.
23. Королева Н. Н., Богдановская И. М., Луговая В. Ф. Влияние информационной среды на идентичность современных подростков // *Психология, социология и педагогика*. 2014. № 11. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/11/3957> (дата обращения: 23.12.2025).

REFERENCES

1. Ageyev, N. Ya., Tokarchuk, Yu. A., Tokarchuk, A. M. & Gavrilova, E. V. (2023). The Relationship of Digital Technologies with the Development of Cognitive and Communicative Processes in Adolescents and Young Adults: A Review of Empirical Research. In: *Psychological-Educational Studies*, 15, 1, 37–55. DOI: 10.17759/psyedu.2023150103 (in Russ.).
2. Alekhine, A. N. & Pultsina, K. I. (2020). The Information Technologies Impact on the Cognitive Development of Children: A Review of Modern Research. In: *Psychology in Education*, 4, 366–371. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-4-366-371 (in Russ.).
3. Volkova, E. N. & Sorokoumova, G. V. (2024). Psychological Criteria of Adolescent Well-Being in the Context of Digital Socialization. In: *Social Psychology and Society*, 15, 2, 12–27. DOI: 10.17759/sps.2024150202 (in Russ.).
4. Kochetova, Yu. A. & Klimakova, M. V. (2025). Adolescents in the Digital Environment: Identity and Self-Image. In: *Social Sciences and Childhood*, 6, 3, 85–98. DOI: 10.17759/ssc.2025060306 (in Russ.).
5. Kamenskaya, V. G. & Tomanov, L. V. (2022). Digital Technologies and Their Impact on the Social and Psychological Characteristics of Children and Adolescents. In: *Experimental Psychology (Russia)*, 15, 1, 139–159. DOI: 10.17759/exppsy.2022150109 (in Russ.).
6. Vlasova, N. V. & Buslaeva, E. L. (2023). Cyberbullying in Adolescence: Aggressor and Victim. In: *Psychology and Law*, 13, 3, 56–71. DOI: 10.17759/psylaw.2023130305 (in Russ.).

7. Vlasova, N. V. & Buslaeva, E. L. (2022). Psychological Characteristics of Individuals Prone to Cyber-Victim Behavior. In: *Psychology and Law*, 12, 2, 194–206. DOI: 10.17759/psylaw.2022120214 (in Russ.).
8. Martínez-Monteaugado, M. C., Delgado B., García-Fernández, J. M. & Rubio M. (2019). Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16, 24, 50–79. DOI: 10.3390/ijerph16245079.
9. Petrova, S. S. & Markova, V. A. (2025). The Impact of the Internet Environment on the Formation of Self-Awareness and Social Competence of Adolescents. In: *The World of Pedagogy and Psychology*, 9 (110). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles> (accessed: 18.09.2025) (in Russ.).
10. Herrera López, M, Romera Félix, E. M., Ortega Ruiz, R. & Gómez Ortiz O. (2016). Influence of Social Motivation, Self-Perception of Social Efficacy, and Normative Adjustment in the Peer Setting. In: *Psicothema*, 28, 1, 32–39. DOI: 10.7334/psicothema2015.135.
11. Volkova, E. N. (2025). Socialization Phenomena of Modern Adolescents: Pro et contra. In: *Social Psychology and Society*, 16, 2, 23–42. DOI: 10.17759/sps.2025160203 (in Russ.).
12. Volkova, E. N. & Orlova, A. A. (2025). Digital Self-Harm in Adolescents: A Review of Domestic and Foreign Studies. In: *Psychological Journal*, 46, 4, 49–59. DOI: 10.7868/S3034588X25040051 (in Russ.).
13. Kowalski, R. M., Giumetti, G. W. & Schroeder, A. (2014). Bullying in the Digital Age: A Critical Review and Meta-Analysis of Cyberbullying Research Among Youth. In: *Psychological Bulletin*, 140, 4, 1073–1139. DOI: 10.1037/a0035618.
14. Semenova, N. B. (2022). Modern Concepts of the Role of Social Factors in the Development of Internet-Addicted Behavior in Children and Adolescents (Based on Foreign Studies). In: *Social Psychology and Society*, 1, 22–32. DOI: 10.17759/sps.2022130102 (in Russ.).
15. Dunas, D. V., Salikhova, E. A., Tolokonnikova, A. V. & Babyna, D. A. (2022). Agenda Setting and the Framing Effect: On the Need for Conceptual Unity in Media Studies of the “Digital Youth”. In: *Lomonosov Journalism Journal*, 4, 47–79. DOI: 1030547/vestnikjourn.4.2022.4778 (in Russ.).
16. Soldatova, G. U. & Voiskunsky, A. E. (2021). Social-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Psyche. In: *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18, 3, 431–450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (in Russ.).
17. Soldatova, G. U. & Rasskazova, E. I. (2023). Digital Socialization of Russian Adolescents: Through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. In: *Social Psychology and Society*, 14, 3, 11–30. DOI: 10.17759/sps.2023140302 (in Russ.).
18. Soldatova, G. U. & Rasskazova, E. I. (2020). Results of Digital Transformation: From Online Reality to Mixed Reality. In: *Cultural-Historical Psychology*, 16, 4, 87–96. DOI: 10.17759/chp.2020160409 (in Russ.).
19. Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. & Klishevich, A. S. (2023). Mixed Environment with Augmented Reality: Effects of Presence in a Game Interaction Situation. In: *Experimental Psychology (Russia)*, 16, 2, 4–19. DOI: 10.17759/exppsy.2023160201 (in Russ.).
20. Lantsova, S. V. (2024). Psychological Determinants of the Formation of Prosocial Behavior of Adolescents in Mixed Reality. In: *Russian Journal of Education and Psychology*, 15, 6. URL: <https://clck.ru/3SaczM> (accessed: 10.10.2010). DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-6-678 (in Russ.).
21. Volkova, E. N. & Volkova, I. V. (2017). Cyberbullying as a Way of Social Response of Adolescents to the Bullying Situation. In: *Vestnik of Minin University*, 3, 17. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17 (in Russ.).
22. Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V. & Ilyukhina, S. N. (2022). The Real Self and the Virtual Self: Ident Identification Matrices of Adolescents and Adults. In: *Cultural-Historical Psychology*, 18, 4, 27–37. DOI: 10.17759/chp.2022180403 (in Russ.).
23. Koroleva, N. N., Bogdanovskaya, I. M. & Lugovaya, V. F. (2014). The Influence of the Information Environment on the Identity of Modern Adolescents. In: *Psychology, Sociology and Pedagogy*, 11. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/11/3957> (accessed: 23.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Елена Николаевна (г. Москва) – доктор психологических наук, профессор Психологического института Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»);
ORCID: 0000-0001-9667-4752

Сорокоумова Галина Вениаминовна (г. Нижний Новгород) – доктор психологических наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова;
ORCID: 0000-0002-5246-5200; e-mail: galsors@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Volkova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (PI RAO)
ORCID: 0000-0001-9667-4752

Galina V. Sorokoumova (Nizhny Novgorod) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Foreign Language Teaching Methods, Pedagogy, and Psychology, Linguistics University of Nizhny Novgorod;
ORCID: 0000-0002-5246-5200; e-mail: galsors@mail.ru

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-111-126

КОНЦЕПЦИЯ ТРЁХКОМПОНЕНТНОЙ РЕСУРСНОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА: ПРИНЦИП ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ЭМЕРДЖЕНТНЫЙ ЭФФЕКТ

Митина Л. М.

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
г. Москва, Российская Федерация

e-mail: mitinalm@mail.ru

Поступила в редакцию 18.12.2025

Принята к публикации 22.12.2025

Аннотация

Цель. Разработать психологическую концепцию ресурсно-прогностической детерминации личностно-профессионального развития педагогов, основанную на интегративном понимании трёхкомпонентной ресурсности как эмерджентного феномена.

Процедура и методы. В исследовании отражена конвергенция и преемственность научных традиций, образовательных ценностей и инновационных подходов и технологий как путь к обновлению содержания педагогического образования.

Результаты. В русле системного личностно-развивающего подхода разработан новый методологический подход – ресурсно-прогностический, который включает комплекс уникальных концептуальных конструктов – трёхкомпонентную ресурсность: рефлексивное проектирование, конструктивное совладание, вовлеченность-вовлечение.

Теоретическая и/или практическая значимость. Новая практика подготовки педагогов строится на основе единой стратегии планирования личностного и профессионального развития, психологической концепции и самореализации в профессии субъектов непрерывного образования.

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие, ресурсно-прогностический подход, трёхкомпонентная ресурсность, концепция и технология, педагог, эмерджентность, преемственность

Для цитирования: Митина Л. М. Концепция трёхкомпонентной ресурсности личностно-профессионального развития педагога: принцип преемственности и эмерджентный эффект // Психологические науки. 2026. № 1. С. 111–126. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-111-126>

Original research article

THE CONCEPT OF THREE-COMPONENT RESOURCEFULNESS OF A TEACHER'S PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT: THE CONTINUITY PRINCIPLE AND THE EMERGENT EFFECT

L. Mitina

*Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation*

e-mail: mitinalm@mail.ru

Received by the editorial office 18.12.2025

Accepted for publication 22.12.2025

Abstract

Aim. To develop a psychological concept of resource-predictive determination of personal and professional development of teachers, based on an integrative understanding of three-component resource as an emergent phenomenon.

Methodology. The study reflects the convergence and continuity of scientific traditions, educational values, and innovative approaches and technologies as a way to update the content of teacher education.

Results. In line with the systemic personality-developing approach, a new methodological approach has been developed – the resource-predictive approach, which includes a set of unique conceptual constructs – three-component resourcefulness: reflective design, constructive coping, engagement-involvement.

Research implications. The new practice of teacher training is based on a unified strategy for planning personal and professional development, a psychological concept and technology for updating resources (external and internal) for creative self-realization in the profession of subjects of continuing education.

Keywords: personal and professional development, resource-predictive approach, three-component resourcefulness, concept and technology, teacher, emergence, continuity

For citation: Mitina, L. M. (2026). The Concept of Three-Component Resourcefulness of a Teacher's Personal and Professional Development: The Continuity Principle and the Emergent Effect. In: *Psychological Sciences*, 1, 111–126. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-111-126>

ВВЕДЕНИЕ

Стабильность и прогрессивное развитие страны неразрывно связаны с состоянием её образовательной системы, и, прежде всего, педагогической. Чтобы педагогическое образование выполняло свою опережающую роль, необходим чёткий ответ общества и государства на актуальные вызовы, риски и решение наиболее насущных проблем. Центральным звеном в этом комплексе задач является, на наш взгляд, недостаточное внимание к научным изысканиям в данной сфере.

Между тем, именно учёным принадлежит решающая роль, они могут проводить глубинную аналитику отечественных педагогических традиций, разрабатывать строгую методологическую основу для инноваций, опытным путём верифицировать новые методики. Их задача – критический отбор и синтез: отделение конструктивных элементов от деструктивных, интеграция новаций с традициями после тщательной проверки на эффективность. Этот научно выверенный подход – единственный способ сформировать

ровать единую и перспективную стратегию развития образования, учитывающую разнообразие учебных форматов.

Исторически сложившиеся национальные традиции в образовании служат фундаментом для всей педагогической системы страны. Они кристаллизуют коллективный опыт народа, отражая вершины его культуры и этические идеалы. Эти представления составляют ядро национальной идентичности. Их жизнеспособность и действенность обеспечиваются преемственностью – непрерывным процессом, без которого невозможны сохранение и передача социальных, научных и культурных ценностей от поколения к поколению, от педагога к учащимся.

Эти идеи обретают особую значимость сегодня, когда остро встаёт вопрос о личностном и профессиональном развитии всех участников образовательного процесса – от школы до вуза. Однако центральное звено здесь – система постоянного совершенствования самих педагогов. Именно от их развития зависит, смогут ли они обеспечить здоровье, эффективность и полноценное становление поколения, которому предстоит строить будущее.

Системная методология и концепция лично-профессионального развития педагога

Профессиональное развитие учителя – это непрерывный процесс, требующий глубокого осмысления своей работы, смелого поиска нестандартных стратегий и творческого преобразования найденных идей в качественно новую педагогическую реальность.

Феномен педагогического труда привлекал внимание учёных на протяжении десятилетий, однако масштабное его осмысление в научной литературе пришлось на период середины XX в. (А. А. Бодалев, Ф. Н. Гоноболин, И. И. Ильясов, В. А. Кан-Калик, В. А. Крутецкий, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, В. А. Сластенин, Г. С. Сухомская, Л. М. Фридман, А. И. Щербаков

и др.) и начале XXI в. (Н. А. Аминов, И. В. Вачков, А. А. Вербицкий, И. В. Дубровина, И. А. Зимняя, М. М. Кашапов, Э. В. Онищенко, В. Е. Орёл, В. И. Панов и др.). Особое место в этой исследовательской традиции, на наш взгляд, занимает теория А. К. Марковой [1]. Её центральная идея – признание педагогического труда сложной и развивающейся психической реальностью – задаёт новую парадигму. Она, в свою очередь, требует разработки современных методологических подходов и практических технологий для сопровождения профессионального развития педагога.

Во втором десятилетии XXI в. в научной среде отчётливо обозначился важный тренд: массовый критический анализ существующих программ подготовки педагогов (О. В. Китикарь, Е. Л. Кролевецкая, В. С. Лазарев, Б. П. Мартиросян, А. В. Савченков, Н. А. Шайденко и др.). Проведённые в этом русле исследования, подкреплённые эмпирическими данными, единодушно констатируют дефицит системности, концептуальной ясности и методологической обоснованности в формировании педагогических кадров.

На наш взгляд, наиболее глубокое понимание психологии педагогического труда открывает системный лично-развивающий подход, который мы развиваем в своих исследованиях. Его ключевое преимущество – в принципиально широком взгляде: профессионализм педагога здесь исследуется не изолированно, а в широком культурном контексте. Это даёт возможность увидеть профессиональную жизнь целиком, во всей полноте её траекторий профессионализации. В поле зрения попадают две разнонаправленные стратегии. Первая – это путь созидания, где вызовы профессии становятся ресурсом для творческого роста и личностной трансформации. Вторая – путь адаптации, ведущий к профессиональным сбоям, эмоциональному выгоранию, невротизации и, в конечном итоге, к стагнации [2].

Системный личностно-развивающий подход позволил нам выстроить обобщающую теоретическую модель личностно-профессионального развития педагога. В рамках этой модели труд учителя понимается как целостный психологический феномен – динамическая система, где личность педагога, профессиональная деятельность и педагогическое общение тесно взаимосвязаны. Системообразующим фактором, объединяющим эти элементы, является единая цель: развитие личности учащегося (рис. 1).

Основные положения разработанной теории можно представить следующим образом:

1. Анализ структуры. Исследование внутреннего устройства каждого из пространств учительского труда – личности, деятельности и общения. Это предполагает определение их ключевых компонентов и принципов, по которым эти компоненты организуются в целостные феномены.

2. Системообразующие факторы. Обнаружение и описание интегральных личностных характеристик педагога, которые выступают в роли «скрепляющего ядра» системы. Именно их качественное

своеобразие в совокупности определяет эффективность работы системы в целом.

3. Динамика системы. Выявление закономерностей, управляющих процессами внутри системы – её функционированием, внутренними взаимодействиями и изменчивостью во времени.

4. Траектории развития. Описание ключевых закономерностей преобразования системы личностно-профессионального развития педагога. Эти закономерности раскрывают суть двух альтернативных стратегий профессиональной жизни: стратегии развития и стратегии адаптации.

5. Условия преобразования. Определение комплекса психологических условий личностно-профессионального развития педагога, необходимых для восстановления и развития системы. В этих условиях формирующийся личностный потенциал актуализирует ресурсы педагога, что в итоге ведёт к качественному переходу на принципиально новый уровень профессионального бытия.

Согласно системному личностно-развивающему подходу, профессиональное развитие педагога – это двуединый процесс. Он включает, во-первых, формиро-

Рис. 1 / Fig. 1. Основные положения системной теории личностно-профессионального развития педагога / The main provisions of the systemic theory of personal and professional development of a teacher

Источник: данные автора.

вание и применение профессиональных компетенций и важных личностных черт. Но его подлинная суть, во-вторых, и это центральный момент, – в активном качественном преобразовании педагогом своего внутреннего мира. Результатом такого внутреннего движения становится новый личностный строй, который наиболее полно раскрывается в актах творческой самореализации.

Обобщая многолетние исследования, мы разработали концепцию, представляющую профессиональное развитие учителя как целостный процесс (рис. 2). Его отправная точка – переход на новую ступень профессионального самосознания, что инициирует качественное преобразование ключевых интегральных характеристик личности: её направленности, компетентности и гибкости. Энергию для этого процесса поставяет особая развивающаяся общность «учитель – ученик», а инструментом служит практическая работа педагога над собственной жизнью и деятельностью. Движущей силой выступает противоречивое взаимодействие трёх ипостасей «Я»: действующего, отражённого и творческого. Кульминация этого пути – творческая самореализация и выработка уникального профессио-

нального почерка. Всё это становится возможным благодаря внутренней активности, ведущей роли собственного мира педагога.

Возможности для профессионального роста учителя раскрываются в точках бифуркации – моментах, когда его траектория разделяется, определяя выбор одной из двух принципиально различных стратегий профессионализации (рис. 3).

Многолетняя программа исследований, проведённых под нашим руководством, охватила широкий круг профессий. В неё вошли работы, посвящённые педагогам (К. А. Аветисян, О. А. Анисимова, Е. С. Асмаковец и др.), социальным педагогам (А. В. Попова), преподавателям высшей школы (З. Н. Галина, А. В. Козлова), психологам (М. П. Лекарева, С. О. Щелина), специалистам службы занятости (Я. В. Голубева), а также техническим специальностям (В. Ю. Соловьев, Е. В. Токарева, Т. Г. Хащенко). Результаты этого масштабного цикла эмпирически подтвердили конструктивность модели развития, движимой внутренней активностью личности, и деструктивный характер модели адаптивного функционирования, неизбежно ведущей к стагнации (рис. 4).

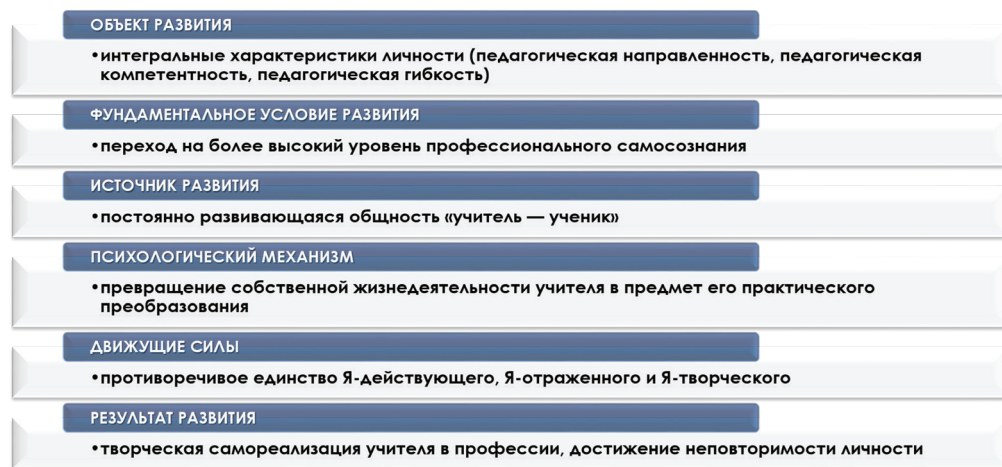

Рис. 2 / Fig. 2. Концепция личностно-профессионального развития педагога / The concept of personal and professional development of a teacher

Источник: данные автора.

Рис. 3 / Fig. 3. Модели профессионального труда учителя / Models of teacher's professional work

Источник: данные автора.

Рис. 4 / Fig. 4. Модели профессионального труда учителя / Models of a teacher's professional work

Источник: данные автора.

Выделение стадий (самоопределение, самовыражение, самореализация) отражает не просто формальные этапы, а качественные изменения в самой сути учительского труда. Ключевое преобразование – переход в режим саморазвития. Этот скачок совершается, когда педагог выходит за рамки повседневной рутины, рефлексивно осмысливает своё эмпирическое «Я» и начинает воспринимать профессиональный путь как целостный проект, открытый для сознательного преобразования.

Цель разработанной нами технологической модели – преобразовать адаптивное поведение педагога в професси-

ональную деятельность, нацеленную на творческую самореализацию. Её реализация структурирована в четыре последовательные стадии: подготовка, осознание, переоценка, действие. В рамках каждой стадии активируются ключевые процессы (мотивационные, когнитивные, аффективные, поведенческие) и задействуется специально подобранный комплекс методов воздействия.

Профессиональное развитие педагога проявляется в качественных изменениях структуры его личности. При переходе с одной стадии психологической перестройки на другую ключевые интегральные характеристики – направленность,

компетентность и гибкость – формируют новые, профессионально значимые сочетания. Эти уникальные «ресурсные констелляции» и служат индикатором развития, поскольку отражают возникновение принципиально новых связей в личностной системе учителя.

Этот исследовательский фокус позволил нам обозначить новую научную цель: выявление ресурсов личностно-профессионального развития всех участников образовательного процесса, среди которых центральная роль отводится педагогу.

Новый методологический подход и концепция ресурсной детерминации личностно-профессионального развития педагога

В рамках недавних исследований [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] мы сосредоточились на решении комплексной теоретико-эмпирической задачи. Её суть состояла в психологическом анализе и синтезе, концептуализации и последующей эмпирической проверке тех условий и инструментов, которые, с ресурсно-прогностической точки зрения, детерминируют личностно-профессиональное развитие педагога.

Анализ исследований [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29] привёл нас к ряду важных выводов:

1. Интеграция вместо противостояния. Противоречие между сторонниками и оппонентами ресурсного подхода можно разрешить, обогатив его концепцией разнообразных психологических потенциалов (личностного, профессионального, познавательного и т. д.). Это позволяет преодолеть узкие рамки и открывает новые перспективы для подхода.

2. Проблема разрозненности. Существующие работы по ресурсности фрагментированы и принадлежат к слабо связанным научным направлениям. Такая разобщённость не позволяет отразить всю сложность реальных взаимосвязей между компонентами ресурсов. Выходом служит укрепление методоло-

гических и концептуальных основ, что является ключом к содержательному наполнению термина «психологические ресурсы» и разработке на его базе новых знаний и практик.

3. Двойственная природа ресурсов. В литературе закрепились две основные трактовки ресурсов. Согласно первой, ресурсы – это статические факторы, поддерживающие или перестраивающие функции уже существующих систем. Согласно второй, ресурсы – это сами динамические процессы, порождающие новые функции и возможности.

Принципиальная новизна нашего исследования заключается в разработке ресурсно-прогностического подхода к обновлению педагогической деятельности и концепции, объясняющей механизмы личностно-профессионального развития педагогов. Центральным элементом этой концепции стало содержательное разграничение трёх понятий: резервы, ресурсы и метаресурсы (рис. 5).

Согласно нашему определению [6], резервы – это накопленный профессиональный капитал: знания, умения, компетенции, индивидуальный стиль и отработанные модели взаимодействия. В рамках стратегии адаптивного функционирования резервы выполняют роль стабилизирующего буфера, временно поддерживающего профессиональную жизнеспособность педагога.

Согласно нашим данным [5], продолжительное использование резервов без их восстановления приводит к их истощению. Данный фактор является основной причиной, запускающей у педагога эмоциональное выгорание, профессиональную стагнацию и прочие деформации личности.

Ресурсы представляют собой динамические процессы, которые в роли катализаторов запускают преобразование профессиональной системы и формирование её новых качеств.

Метаресурсы занимают высший, управляющий уровень в этой системе. Их

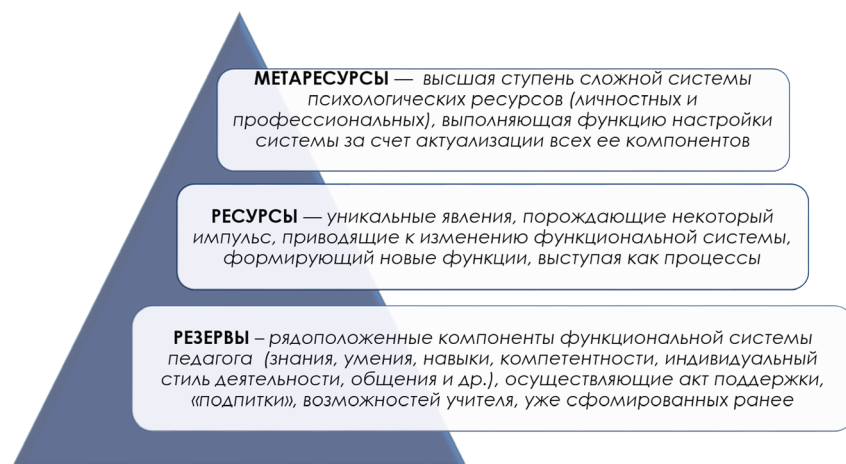

Рис. 5 / Fig. 5. Ресурсная вертикаль личностно-профессионального развития педагога / Resource vertical of personal and professional development of a teacher

Источник: данные автора.

ключевая роль – интегративная: они актуализируют и синхронизируют работу всех компонентов, перенастраивая систему для достижения качественно новых, ранее недоступных результатов.

Согласно нашей концепции и результатам исследования, метаресурсная детерминация профессионального развития педагогов представляет собой систему из трёх взаимосвязанных компонентов – трёхкомпонентную ресурсность (рис. 6):

1. Рефлексивное проектирование. Этот механизм позволяет педагогу анализировать и соотносить цели, ценности и смыслы с процессами и результатами собственных действий. Такой анализ создаёт фундамент для того, чтобы сделать свою жизнедеятельность предметом практического преобразования и построения прогноза развития.

2. Конструктивное совладание. Данный компонент основывается на интегральных характеристиках личности (направлен-

Рис. 6 / Fig. 6. Трёхкомпонентная ресурсность – система взаимосвязанных компонентов / Three-component resourcefulness is a system of interrelated components

Источник: данные автора.

ность, компетентность, гибкость) и высоком уровне самосознания. Он характеризует личностную зрелость педагога, поддерживает его профессиональное здоровье и выполняет буферную функцию, защищая от негативных внешних воздействий.

3. Комплекс «вовлечённость-вовлечение». Его ядро – глубокая эмоционально-ценностная вовлечённость педагога в профессию, которая отражается в осмыслении и изменении его поведения и отношений с учениками. Это внутреннее состояние, в свою очередь, запускает процесс вовлечения как систему действий по активному включению учащихся в учебную деятельность, что приводит к росту их собственной вовлечённости в образовательный процесс.

Для изучения условий и средств формирования ресурсных комплексов мы создали и апробировали инновационную технологию, которая призвана актуализировать психологические ресурсы, определяющие развитие педагогов на всех этапах профессионального пути – от обучения до практики [3; 4; 5; 8; 9].

Инновационная технология ресурсной детерминации личностно- профессионального развития субъектов непрерывного образования

Психологическая технология ресурсной детерминации профессионального развития личности является интегративной разработкой, созданной на основе и в процессе развития технологии конструктивного изменения поведения педагога [2]. Её интегративный статус проявляется в нескольких аспектах:

1. Многоуровневость: она объединяет в себе практический, научно-теоретический и образовательный компоненты.

2. Универсальность: применима к широкому спектру профессиональной деятельности.

3. Целевая направленность: призвана не только проектировать эффективные траектории профессионального роста, но

и обеспечивать их здоровьесберегающий потенциал.

4. Сбалансированность: обосновывает гармонизацию как внешних (межличностных) отношений, так и внутреннего мира личности.

Конечная цель технологии – актуализация познавательной и преобразующей деятельности всех участников образовательного процесса: от школьников и студентов до опытных специалистов (учителей, преподавателей, управленцев).

Эта технология знаменует принципиальный поворот в развитии психологии образования. Она обозначает переход от устаревших адаптивных моделей с их механистическим подходом к психотехнологиям нового поколения (рис. 7). Сердцевиной современных моделей становится ценностная установка на конструктивное, созидательное и ресурсно-прогностическое проектирование траекторий развития для всех, кто включён в систему непрерывного образования.

Данная технология – ответ на вызовы эпохи неопределённости, лишённой готовых сценариев. Её цель – сформировать у человека готовность к неизвестному и потребность в постоянном саморазвитии. Для педагога это означает необходимость развитого потенциала (резервы, ресурсы, метаресурсы), позволяющего анализировать сложные ситуации, разрешать противоречия и осмысленно прогнозировать будущее в соответствии с ценностными основаниями.

Технология актуализации психологических ресурсов педагога имеет собственное методическое обеспечение – набор комплексных программ и авторских методик. Этот инструментальный органично встроен в образовательный процесс и успешно работает на всех его уровнях: от профильных психолого-педагогических классов в школах до программ среднего и высшего профессионального образования.

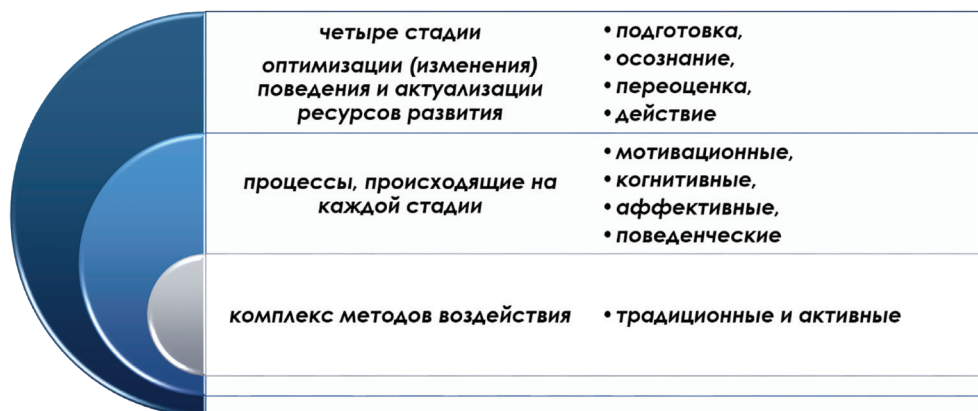

Рис. 7 / Fig. 7. Инновационная технология ресурсной детерминации личностно-профессионального развития субъектов непрерывного образования / Innovative resource determination technology of personal and professional development of continuing education subjects

Источник: данные автора.

Лонгитюдные исследования подтвердили эффективность технологии в трёх основных направлениях (рис. 8):

1. Актуализация рефлексивного проектирования. Технология доказала свою действенность в развитии этого ключевого ресурса личностно-профессионального развития у педагогов-психологов [4].

2. Развитие конструктивного совладания. Результаты показывают, что технология способствует формированию данного ресурса, что ведёт к личностно-профессиональному росту как учащихся, так и педагогов [9].

3. Формирование комплекса «вовлечённость-вовлечение». Технология эффективна в создании этого ресурсного комплекса, который выступает психологическим средством развития, а также профилактики и коррекции девиантного поведения у школьников [3].

Данная технология актуализации психологических ресурсов находит наибольшее применение в подготовке педагогов. Она способствует формированию профессионалов нового типа: способных не только к эффективной деятельности, но и к её постоянной гибкой трансформации.

Рис. 8 / Fig. 8. Экспериментальная доказательная база эффективности концептуальных и технологических положений / Experimental evidence base for the effectiveness of conceptual and technological provisions

Источник: данные автора.

ции. Однако главный итог – это умение педагога «зажигать» в учениках интерес к саморазвитию, превращая их из пассивных слушателей в активных творцов собственного образования.

Для оценки влияния всего комплекса психологических ресурсов («рефлексивное проектирование», «конструктивное совладание», «вовлечённость-вовлечение») на уровень личностно-профессионального развития педагогов нами было проведено специальное исследование. С помощью множественного регрессионного анализа (МРА) мы проанализировали данные, чтобы определить вклад каждого из этих ранее выделенных ресурсов [6].

Статистический анализ всех данных подтвердил значимость связи между зависимой переменной и предикторами. Во всех случаях построенные модели линейной регрессии оказались адекватными, достоверно описывая причинно-следственную взаимосвязь между исследуемыми переменными (табл. 1).

Результаты регрессионного анализа указывают на ключевой фактор высокого уровня личностно-профессионального развития педагогов: им является не отдельный ресурс, а целостный комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих

психологических ресурсов (рефлексивное проектирование, конструктивное совладание, вовлечённость-вовлечение). Таким образом, данное исследование впервые демонстрирует, что основная функция ресурсности связана не с развитием изолированных качеств, а с уровнем эмерджентности – синергической организованности её структурно-функциональной системы, т. е. метаресурсов.

Таким образом, концепция трёхкомпонентной ресурсности в сочетании с интегративной технологией не только раскрывает механизмы профессионального развития педагога, но и задаёт конкретные ориентиры для внедрения новой практики. На этой основе нами разработаны эффективные методы, формирующие психологический фундамент опережающего педагогического образования (табл. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты вносят значимый вклад как в психологическую теорию, так и в практику образования, открывая новые перспективы для изучения роли ресурсно-прогностического подхода в развитии педагогов и учащихся на всех этапах непрерывного обучения – от допрофессионального до совершенствования мастерства. Это создаёт основу для дальнейших

Таблица 1 / Table 1

Регрессионные модели / Regression models

Модель	Зависимые переменные	R ²	Дарбин-Уотсон	Предикторы	β	F	p
1	Рефлексивное проектирование	0,73	1,728	3Ф	0,134	333,9	p<0,001
				1Ф	0,164		
2	Организационное прогнозирование	0,04	2,018	3Ф	0,169	4,5	p<0,005
3	Конструктивное совладание	0,59	1,823	2Ф	0,289	45,6	p<0,001
				3Ф	0,291		
4	Эмоционально-ценностное вовлечение	0,16	1,942	4Ф	0,212	54,5	p<0,001
				1Ф	0,197		

Примечания: 1Ф – фактор 1 («самосознание»), 2Ф – фактор 2 («поведенческая гибкость»), 3Ф – фактор 3 («коммуникативная и деятельностная компетентность»), 4Ф – фактор 4 («направленность личности»).

Источник: данные автора.

Таблица 2 / Table 2

Структурно-содержательная модель ресурсно-прогностической детерминации личностно-профессионального развития субъектов непрерывного педагогического образования / A structural and meaningful model of resource-predictive determination of personal and professional development of subjects of continuing pedagogical education

Уровни	Инновационный подход (ресурсно-прогностический)
Целевой	Цель современного педагогического образования выходит за рамки простой передачи знаний и навыков. Её стержнем становится формирование ключевых личностных характеристик будущего профессионала: его направленности, компетентности и гибкости. Именно уровень развития этих качеств служит прямым индикатором профессиональной зрелости педагога, выражением его субъектной позиции и подлинно ценностного отношения к личности ученика
Содержательный (личностный)	Объектом личностно-профессионального развития являются интегральные характеристики личности педагога: направленность, компетентность, гибкость. Условием для изменений служит переход на более высокий уровень профессионального самосознания. Механизмом развития становится практическое преобразование педагогом собственной жизнедеятельности, которое движется за счёт внутреннего противоречия между «Я-действующим», «Я-отражённым» и «Я-творческим». Итогом процесса является творческая самореализация и достижение профессиональной уникальности
Содержательный (ресурсный)	Ресурсы – это динамические процессы, которые генерируют импульс для преобразования функциональной системы и формирования у неё новых качеств. Метаресурсы представляют собой высший, управляющий уровень системы психологических ресурсов. Их ключевая функция – интегративная: они актуализируют и перенастраивают все компоненты системы для достижения качественно нового результата. Конкретные проявления метаресурсной регуляции: Рефлексивно-проектировочный механизм. Позволяет педагогу анализировать и согласовывать свои цели, ценности и смыслы с процессами и результатами собственной деятельности, учитывая долгосрочные приоритеты. Личностная основа совладания. Обеспечивается комплексом интегральных характеристик личности (направленность, компетентность, гибкость) и высоким уровнем самосознания, что формирует конструктивные стратегии преодоления трудностей. Механизм «вовлечённость → вовлечение». Внутренняя эмоционально-ценностная вовлечённость педагога в профессию запускает внешний процесс – систему действий по активному включению учащихся в учебную деятельность. Профилактическая и коррекционная функция. Психологические ресурсы педагога выступают средством для предупреждения и преодоления барьеров и рисков в развитии полисубъектной общности «педагог – учащийся»
Содержательный (межличностный)	Освоение педагогической деятельности по своей природе является процессом, разворачивающимся внутри полисубъектной учебно-профессиональной общности. Практика в ней строится через различные форматы взаимодействия – от классической диады «педагог – обучающийся» до комплексных моделей с участием учеников, родителей и специалистов. Фундаментальная роль этой общности заключается в том, что она выступает социальной ситуацией развития, особой формой связей, которая порождает взаимную обусловленность субъектов и одновременно гарантирует их психологическое благополучие и безопасность

Уровни	Инновационный подход (ресурсно-прогностический)
Содержательный (профессиональный)	Комплекс психолого-педагогических дисциплин выполняет важнейшую задачу: он ориентирует студента как субъекта учения на будущее содержание его профессиональной деятельности и открывает ему всю культуру как средство для интеллектуального и духовного роста, способствующее формированию целостного мировоззрения. В этом процессе будущие педагоги раскрываются не как пассивные получатели знаний, а как активные и развивающиеся субъекты, вступающие с преподавателем в отношения сотрудничества
Технологический	Применяется инновационная технология развития, построенная на четырёх стадиях изменения поведения педагога (подготовка, осознание, переоценка, действие) с учётом специфических процессов (мотивационных, когнитивных, аффективных, поведенческих) и комплекса методов на каждом этапе. Реализация технологии происходит в формате профессионально-ориентированных занятий с использованием соответствующих методов обучения
Организационный	Личностно-профессиональное развитие будущего педагога детерминировано тремя взаимосвязанными группами условий. Во-первых, это внутренние условия, основанные на системе интрапсихических факторов. Во-вторых, внешние условия, определяемые системой интерпсихических факторов. В-третьих, ключевые внешне-внутренние условия, формируемые системой интритрапсихических факторов. Эти специфические факторы возникают и развиваются благодаря активному включению студента в полисубъектное взаимодействие
Стратегический	В основе подхода лежит модель профессионального развития, ориентированная на формирование ключевой способности педагога – умения дистанцироваться от рутины, осознанно выявлять и разрешать профессиональные проблемы в соответствии с личными ценностями, а также воспринимать любые трудности как стимул для роста. Этот путь раскрывается через последовательные стадии профессионализации: самоопределение, самовыражение и самореализация

Источник: данные автора.

исследований, включая углублённое изучение влияния трёхкомпонентной ресурсности в системе «педагог – учащийся – среда», модернизацию технологии актуализации ресурсов за счёт цифровых инструментов, а также разработку новых инновационных методов психологической подготовки будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркова А. К. Психология труда учителя: книга для учителя. М.: Просвещение, 1993. 192 с.

2. Митина Л. М. Личностно-профессиональное развитие учителя: стратегии, ресурсы, риски. Москва СПб: Нестор-История, 2018. 456 с.

3. Анисимова О. А., Митин Г. В. Вовлечённость и вовлечение как ресурсный комплекс личностно-профессионального развития педагогов и учащихся // Мир психологии. 2024. № 3. С. 118–129. DOI: 10.51944/20738528_2024_3_118.

4. Востокова Ю. И. Технология актуализации рефлексивного проектирования как ресурса личностно-профессионального развития педагога-психолога // Мир психологии. 2023. № 2 (113). С. 85–94. DOI: 10.51944/20738528_2023_2_85.

5. Митин Г. В., Митина Л. М., Востокова Ю. И. Профессиональные деформации педагогов и девиации учащихся в период глобального кризиса: психологическая диагностика, профилактика, коррекция // Психология и право. 2023. № 2. С. 183–205. DOI: 10.17759/psylaw.2023130214.

6. Митина Л. М. Новый теоретико-методологический подход – ресурсно-прогностический исследования личностного и профессионального развития субъектов непрерывного образования // Методология современной психологии. 2025. № 25. С. 271–285.

7. Митина Л. М. Психологические ресурсы и смысложизненные ориентации в альтернативных моделях профессионализации педагогов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 22–39. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-2-22-39.

8. Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы: коллективная монография / под ред. Л. М. Митиной. М.: Бахрах, 2022. 276 с.
9. Щелина С. О. Особенности конструктивного совладания и личностно-профессионального развития учащихся психолого-педагогических классов // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 4. С. 119–128. DOI: 10.17759/bppe.2024210413.
10. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. 1134 с.
11. Ломов Б. Ф. Системный подход и проблемы детерминизма в психологии // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 19–33.
12. Вовлечённость студенческой молодёжи в пространство жизнеосуществления: проблема концептуализации феномена в новых социокультурных условиях: монография / Е. В. Павлова, О. М. Краснорядцева, А. В. Лейфа и др. Чебоксары: Среда, 2023. 296 с.
13. Дементий Д. И., Маленов А. А., Маленова А. Ю. Уровень самоактуализации и адаптационный потенциал как копинг-ресурсы личности на этапе самореализации // Сибирский психологический журнал. 2020. № 78. С. 80–98. DOI: 10.17223/17267080/78/5.
14. Карпов А. В. Психика и время. В 2 т. Т. 2. Функционирование. Генезис. Репрезентации. Ярославль: Филигрань, 2023. 700 с.
15. Кашапов М. М. Структурно-функциональные характеристики ресурсного мышления педагога // Мир психологии. 2023. № 2. С. 21–29. DOI: 10.51944/20738528_2023_2_21.
16. Леонтьев Д. А. Три мишени: личностный потенциал – зачем, что и как? // Образовательная политика. 2019. № 3 (79). С. 10–16.
17. Личность как субъект жизненных ситуаций: психологические ресурсы совладания: коллективная монография / Т. В. Белых, Г. Н. Малюченко, А. А. Карелин, М. М. Орлова. Саратов: Наука, 2020. 119 с.
18. Персонализированное образование в проекции профессионального будущего: методология, прогнозирование, реализация: монография / Э. Ф. Зеер, Д. П. Заводчиков, Е. В. Лебедева, В. С. Третьякова. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2021. 120 с.
19. Прохоров А. О., Чернов А. В. Ментальная регуляция психических состояний студентов в повседневной и напряжённой ситуациях обучения // Российский психологический журнал. 2023. № 20 (3). С. 48–65. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.3.
20. Семенов И. Н., Гришин И. С. Философско-психологические аспекты рефлексивно педагогического развития человеческого капитала в процессе информационной цифровизации образования // Мир психологии. 2021. № 1-2 (105). С. 20–33.
21. Толочек В. А. Условия социальной среды, ресурсы и социальная успешность субъектов: открытые вопросы // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 4. С. 36–47. DOI: 10.31857/S020595920021478-1.
22. Хазова С. А. Ресурсный подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии: коллективная монография / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер и др. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 377–390. DOI: 10.38098/thry_23_0465.
23. Холодная М. А. Светлые и тёмные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 4. С. 15–26. DOI: 10.31857/S020595920021475-8.
24. Hunecke M. Psychological resources for sustainable lifestyles // Psychology of Sustainability. 2022. № 3. P. 47–114. DOI: 10.1007/978-3-031-16752-2_3.
25. What is the role of teaching support in students' motivation and engagement trajectories during adolescence? A four-year latent growth modeling study / A. J. Martin, R. J. Collie, M. Stephan, A. Flesken, F. Halcrow, B. McCourt // Learning and Instruction. 2024. № 92. URL: <https://www.sciencedirect.com/science> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.1016/j.learninstruc.2024.101910.
26. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. № 52. P. 397–422.
27. Stingl V., Gerald J. Imagining futures: Cognitive processes of desirable or undesirable project speculations // Technological Forecasting and Social Change. 2023. № 194. URL: <https://www.sciencedirect.com/science> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122701.
28. Verlaine E. Discovering How to Do Reflexivity and Self-Reflexivity. A Longitudinal Empirical

Research Findings // *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2022. Vol. 9. № 8. P. 371–394. DOI: 10.14738/assrj.98.12931.

29. Voltmer K., Salisch M. Promoting subjective well-being and a sustainable lifestyle in children and youth by strengthening their personal psychological resources // *Sustainability*. 2023. № 16 (1). URL: <https://www.sciencedirect.com/science> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.3390/su16010134.

REFERENCES

1. Markova, A. K. (1993). *Psychology of Teacher Work: A Book for Teachers*. Moscow: Prosveshchenie publ. (in Russ.).
2. Mitina, L. M. (2018). *Teacher Personal and Professional Development: Strategies, Resources, and Risks*. Moscow: St. Petersburg: Nestor-Istoriya publ. (in Russ.).
3. Anisimov, O. A. & Mitin, G. V. (2024). Engagement and Involvement as a Resource Complex for the Personal and Professional Development of Teachers and Students. In: *World of Psychology*, 3, 118–129. DOI: 10.51944/20738528_2024_3_118 (in Russ.).
4. Vostokova, Yu. I. (2023). Actualization Technology of Reflexive Design as a Resource for Personal and Professional Development of an Educational Psychologist. In: *World of Psychology*, 2 (113), 85–94. DOI: 10.51944/20738528_2023_2_85 (in Russ.).
5. Mitin, G. V., Mitina, L. M. & Vostokova, Yu. I. (2023). Professional Deformations of Teachers and Deviations of Students During the Global Crisis: Psychological Diagnostics, Prevention, Correction. In: *Psychology and Law*, 2, 183–205. DOI: 10.17759/psylaw.2023130214 (in Russ.).
6. Mitina, L. M. (2025). A New Theoretical and Methodological Approach – Resource-Prognostic Research of Personal and Professional Development of Subjects of Continuous Education. In: *Methodology of Modern Psychology*, 25, 271–285 (in Russ.).
7. Mitina, L. M. (2024). Psychological Resources and Meaningful Life Orientations in Alternative Models of Teacher Professionalization. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2, 22–39. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-2-22-39 (in Russ.).
8. Mitina, L. M., ed. (2022). *The Teacher in the Context of Personal and Professional Development: Reality and Prospects*. Moscow: Bakhrakh publ. (in Russ.).
9. Shchelina, S. O. (2024). Features of Constructive Coping and Personal and Professional Development of Students in Psychological and Pedagogical Classes. In: *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 21, 4, 119–128. DOI: 10.17759/bppe.2024210413 (in Russ.).
10. Vygotsky, L. S. (2005). *Psychology of Human Development*. Moscow: Smysl publ. (in Russ.).
11. Lomov, B. F. (1989). System Approach and Problems of Determinism in Psychology. In: *Psychological Journal*, 10, 4, 19–33 (in Russ.).
12. Pavlova, E. V., Krasnoryadtseva, O. M., Leifa, A. V., et al. (2023). *Involvement of Student Youth in the Space of Life-realization: The Problem of Conceptualizing the Phenomenon in New Socio-cultural Conditions*. Cheboksary: Sreda publ. (in Russ.).
13. Dementiy, D. I., Malenov, A. A. & Malenova, A. Yu. (2020). The Level of Self-actualization and Adaptive Potential as Coping Resources of the Individual at the Stage of Self-realization. In: *Siberian Journal of Psychology*, 78, 80–98. DOI: 10.17223/17267080/78/5 (in Russ.).
14. Karpov, A. V. (2023). *Psyche and Time. Vol. 2. Functioning. Genesis. Representations*. Yaroslavl: Filigree publ. (in Russ.).
15. Kashapov, M. M. (2023). Structural and Functional Characteristics of a Teacher's Resource Thinking. In: *World of Psychology*, 2, 21–29. DOI: 10.51944/20738528_2023_2_21 (in Russ.).
16. Leontiev, D. A. (2019). Three Targets: Personal Potential – why, what and how? In: *Educational Policy*, 3 (79), 10–16 (in Russ.).
17. Belykh, T. V., Malyuchenko, G. N., Karelin, A. A. & Orlova, M. M. (2020). *Personality as a Subject of Life Situations: Psychological Resources of Coping*. Saratov: Nauka publ. (in Russ.).
18. Zeer, E. F., Zavodchikov, D. P., Lebedeva, E. V. & Tretyakova, V. S. (2021). *Personalized Education in the Projection of the Professional Future: Methodology, Forecasting, Implementation*. Yekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University publ. (in Russ.).
19. Prokhorov, A. O. & Chernov, A. V. (2023). Mental Regulation of Students' Mental States in Everyday and Stressful Learning Situations. In: *Russian Psychological Journal*, 20 (3), 48–65. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.3 (in Russ.).

20. Semenov, I. N. & Grishin, I. S. (2021). Philosophical and Psychological Aspects of the Reflexive Pedagogical Development of Human Capital in the Process of Information Digitalization of Education. In: *World of Psychology*, 1-2 (105), 20–33 (in Russ.).
21. Tolochek, V. A. (2022). Conditions of the Social Environment, Resources, and Social Success of Subjects: Open-Ended Questions. In: *Psychological Journal*, 43, 4, 36–47. DOI: 10.31857/S020595920021478-1 (in Russ.).
22. Khazova, S. A. (2023). Resource Approach in Psychology. In: *Scientific Approaches in Modern Russian Psychology*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences publ. DOI: 10.38098/thry_23_0465 (in Russ.).
23. Kholodnaya, M. A. (2022). Light and Dark Sides of Reflection and Areflexia: The Splitting Effect. In: *Psychological Journal*, 43, 4, 15–26. DOI: 10.31857/S020595920021475-8 (in Russ.).
24. Hunecke, M. (2022). Psychological Resources for Sustainable Lifestyles. In: *Psychology of Sustainability*, 3, 47–114. DOI: 10.1007/978-3-031-16752-2_3.
25. Martin, A. J., Collie, R. J., Stephan, M., Flesken, A., Halcrow, F. & McCourt B. (2024). What is the Role of Teaching Support in Students' Motivation and Engagement Trajectories During Adolescence? A Four-year Latent Growth Modeling Study. In: *Learning and Instruction*, 92. URL: <https://www.sciencedirect.com/science> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.1016/j.learninstruc.2024.101910.
26. Maslach, C., Schaufeli, W. B. & Leiter, M. P. (2001). Job Burnout. In: *Annual Review of Psychology*, 52, 397–422.
27. Stingl, V. & Gerdali, J. (2023). Imagining Futures: Cognitive Processes of Desirable or Undesirable Project Prospects. In: *Technological Forecasting and Social Change*, 194. URL: <https://www.sciencedirect.com/science> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122701.
28. Verlaine, E. (2022). Discovering How to Do Reflexivity and Self-Reflexivity. A Longitudinal Empirical Research Findings. In: *Advances in Social Sciences Research Journal*, 9, 8, 371–394. DOI: 10.14738/assrj.98.12931.
29. Voltmer, K. & Salisch, M. (2023). Promoting Subjective Well-being and a Sustainable Lifestyle in Children and Youth by Strengthening Their Personal Psychological Resources. In: *Sustainability*, 16 (1). URL: <https://www.sciencedirect.com/science> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.3390/su16010134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Митина Лариса Максимовна (г. Москва) – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований;

ORCID: 0000-0001-8407-0978; e-mail: mitinalm@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa M. Mitina (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Chief Researcher, Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research;

ORCID: 0000-0001-8407-0978; e-mail: mitinalm@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-1-127-137

ХАРАКТЕРИСТИКА КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Сперанская А. В.^{1*}, Фролова А. А.²

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, г. Вологда, Российская Федерация

² СИЗО-1 УФСИН России по Томской области, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: bersim@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2025

После доработки 13.01.2026

Принята к публикации 14.01.2026

Аннотация

Цель. Описание когнитивного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у сотрудников исправительного учреждения.

Процедура и методы. В статье дано определение психологической готовности к профессиональной деятельности, перечислены её компоненты, предложена самоорганизация деятельности в качестве когнитивного компонента психологической готовности, приведены результаты собственного исследования на примере сотрудников исправительного учреждения. При проведении исследования использованы экспертная оценка и тестирование, методы уровня и корреляционного анализа, проведена интерпретация полученных результатов.

Результаты. Установлено, что сформированный когнитивный компонент психологической готовности к профессиональной деятельности выступает фактором профессиональной успешности сотрудников исправительного учреждения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обозначена проблема изучения когнитивного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности. Предложено рассматривать самооценку самоорганизации деятельности в качестве когнитивного компонента.

Ключевые слова: когнитивный компонент, психологическая готовность, самоорганизация деятельности, сотрудники, уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Сперанская А. В., Фролова А. А. Характеристика когнитивного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у сотрудников исправительного учреждения // Психологические науки. 2026. № 1. С. 127–137. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-127-137>

Original research article

FEATURES OF THE COGNITIVE COMPONENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY AMONG CORRECTIONAL OFFICERS

A. Speranskaya^{1*}, A. Frolova²

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Vologda, Russian Federation

² Investigative Detention Center No. 1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tomsk Region, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: bersim@mail.ru

Received by the editorial office 15.12.2025

Revised by the author 13.01.2026

Accepted for publication 14.01.2026

Abstract

Aim. To describe cognitive component of psychological readiness for professional activity among correctional officers.

Methodology. The article defines psychological readiness for professional activity, lists its components, suggests self-organization of activity as a cognitive component of psychological readiness, and presents the results of their own research using the example of correctional officers. During the research, expert assessment and testing methods of level and correlation analysis were used, and the results were interpreted.

Results. It has been established that the formed cognitive component of psychological readiness for professional activity acts as a factor of professional success of correctional institution staff.

Research implications. The problem of studying the cognitive component of psychological readiness for professional activity is outlined. It is proposed to consider self-assessment of self-organization of activity as a cognitive component.

Keywords: cognitive component, psychological readiness, self-organization of activities, employees, penal enforcement system

For citation: Speranskaya, A. V. & Frolova, A. A. (2026). Features of the Cognitive Component of Psychological Readiness for Professional Activity Among Correctional Officers. In: *Psychological Sciences*, 1, 127–137. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-1-127-137>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время востребованным запросом со стороны практики выступает определение факторов, лежащих в основе профессионального развития специалистов разных профессий [1; 2; 3].

Федеральная служба исполнения наказаний также нуждается в высокопрофессиональных кадрах, которые успешно будут выполнять служебные задачи [4]. Среди многообразных факторов профессионального развития сотрудников уго-

ловно-исполнительной системы особое место занимает сформированная психологическая готовность к профессиональной деятельности. Служба в уголовно-исполнительной системе характеризуется стрессогенностью, напряжённостью, внезапным изменением текущей ситуации, принятием решений в сжатые сроки в ситуации неопределённости, повышенной ответственностью за результат, ненормированным рабочим днём. Необходимо, чтобы люди, принявшие решение служить Родине в данной ведомственной системе, в полной мере были готовы к такой специфической профессиональной деятельности, чтобы в дальнейшем избежать текучести кадров, развития профессиональных деформаций.

В научной психологической литературе можно найти достаточно разнообразное количество определений психологической готовности. Так, М. А. Кизилова определяет психологическую готовность как психическое состояние, характеризующееся мобилизацией ресурсов, которое направлено на выполнение конкретной деятельности или трудовой задачи (оперативной или долгосрочной). Данное состояние способствует успешности в выполнении обязанностей, правильному использованию знаний, опыта, личностных качеств, сохранению самоконтроля и перестраиванию деятельности при появлении непредвиденных препятствий [5, с. 149].

Психологическая готовность к профессиональной деятельности – это целостное образование, которое включает интерес к деятельности, потребность в достижении результата, понимание функциональных обязанностей и задач, оценку их значимости для достижения цели [6].

При рассмотрении психологической готовности также акцентируется внимание исследователей на учёте личностных особенностей работника. В частности, Б. Д. Парыгин рассматривает состояние психологической готовности к сложным видам деятельности как динамическую

структуру, целостное образование, включающее в себя ряд личностных характеристик, основными из которых являются: мотивационные, когнитивные (познавательные), эмоциональные, волевые [7, с. 36]. С этим согласуется и другой вариант определения психологической готовности – это относительно устойчивая характеристика личности – предрасположенность субъекта организовывать свою профессиональную деятельность определённым образом [8].

В структуре психологической готовности к профессиональной деятельности можно выделить несколько компонентов: мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой и оценочный [9]. Помимо этого, некоторые учёные указывают когнитивный компонент: с его помощью можно проследить особенности профессиональной установки на предмет трудовой деятельности, т. е. понять, насколько человек ориентирован на достижение профессионального уровня деятельности. В целом, отечественные и зарубежные исследователи под когнитивным компонентом психологической готовности к деятельности понимают систему знаний, представлений о профессии, отношения к ней, её специфике, содержании, условиях труда, требованиях к профессионально значимым качествам личности специалиста и степени их соответствия у самого работника [10; 11; 12].

Теоретический обзор позволяет утверждать, что данный компонент по сравнению с указанными ранее компонентами психологической готовности к деятельности менее всего изучен. В нашем исследовании мы решили восполнить данный пробел и уделить внимание когнитивному компоненту психологической готовности к профессиональной деятельности.

В качестве когнитивного компонента мы предлагаем рассматривать самоорганизацию деятельности. Самоорганизация трудовой деятельности предполагает реализацию каждым работником лич-

ностной самоорганизации своей жизнедеятельности, требующей от человека высокого профессионализма, способности грамотно планировать рабочее и свободное время, правильно расставлять приоритеты при решении производственных задач и самостоятельно управлять своим потенциалом, основываясь на взаимосвязанных личных и производственных целях [13].

М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович рассматривают самоорганизацию как интегральную совокупность природных и социально приобретённых свойств, воплощённую в осознаваемых особенностях воли и интеллекта, мотивах поведения и реализуемую в упорядоченности деятельности и поведения. Они считают самоорганизацию показателем личностной зрелости, а в качестве основного признака высокой самоорганизации выделяют активное самосоздание себя как личности. При этом одним из показателей развития самоорганизации, по их мнению, является соответствие жизненных выборов (профессии, друзей и т. д.) индивидуальным особенностям личности. Тогда как несовпадение избранной профессии и имеющихся способностей, принятие стиля жизни и деятельности, не обеспеченных личностными качествами, общественным положением, – всё это признак отсутствия или слабой самоорганизации личности [14, с. 25].

В нашем случае мы измеряем самоорганизацию деятельности косвенно, путём использования опросника. С помощью опросника мы получаем представления человека об уровне развития у него умений, относящихся к определённым этапам процесса самоорганизации; через выяснение того, что он делает легче, охотнее, чаще, лучше, чему придаёт большее значение [14]. Таким образом, мы затрагиваем именно когнитивный компонент психологической готовности к профессиональной деятельности.

Мы согласны с мнением исследователей, в частности А. С. Баканова, М. Е. Зе-

леновой, И. А. Трушиной, И. В. Пономаревой, М. В. Овчинникова и других, отмечая, что психологическая готовность к профессиональной деятельности в целом и её когнитивный компонент в частности выступает фактором, определяющим степень профессиональной успешности работника [15; 16].

Исследование когнитивного компонента у сотрудников

Для изучения когнитивного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности у сотрудников уголовно-исполнительной системы было организовано и проведено эмпирическое исследование на базе ФКУ ИК-3 УФСИН России по Томской области. В выборку вошли 54 аттестованных сотрудника в возрасте от 21 до 48 лет со сроком службы от 1 года до 22,5 лет, среди которых 19 женщин и 35 мужчин. Испытуемые были собраны со всего исправительного учреждения, благодаря чему охвачены многие отделы исправительного учреждения: отдел охраны, психологическая лаборатория, ведомственная пожарная охрана, оперативный отдел, отдел безопасности, отдел инженерно-технического обеспечения, отдел кадров, юридическая группа, организационно-аналитическая группа, группа социальной защиты осуждённых, отдел по организации воспитательной работы с осуждёнными, канцелярия. Несмотря на то, что содержание работы в каждом отделе специфически отличается, мы рассматриваем исправительное учреждение как целостный организм, перед которым поставлена единая цель, к достижению которой стремится весь коллектив данного учреждения.

В нашем исследовании был проведён сравнительный анализ показателей самоорганизации деятельности у сотрудников с разной степенью профессиональной успешности. Для определения степени профессиональной успешности А. А. Фроловой был разработан лист экспертной оценки, включающий 16 крите-

риев высоких показателей в служебной деятельности. Критерии были выделены с учётом специфики службы в УИС. Каждый критерий оценивается по трёхбалльной системе: 0 – не соответствует, 1 – частично соответствует, 2 – соответствует. С помощью суммы набранных баллов можно определить степень сформированности профессиональной успешности в результате экспертной оценки:

- 0–11 баллов (профессиональная неуспешность);
- 12–22 балла (недостаточная профессиональная успешность);
- 23–32 балла (профессиональная успешность).

Экспертную оценку проводили начальник психологической лаборатории и заместители начальника исправительного учреждения по кадрам и воспитательной работе. Экспертной оценке были подвергнуты все участники исследования, вошедшие в выборку.

В результате подсчёта набранных баллов по экспертным листам оценки достижений сотрудников в служебной деятельности все испытуемые были разделены на группы по степени сформированности профессиональной успешности. Проведённая экспертная оценка показала отсутствие профессионально неуспешных сотрудников среди испыту-

емых, недостаточная профессиональная успешность была определена у 14 сотрудников (далее ЭГ1), профессиональная успешность – у 40 (далее ЭГ2). Обращаем внимание, что полученные результаты можно отнести к объективной оценке, т. к. экспертам участники исследования непосредственно не подчиняются, а также в качестве показателей были взяты объективные показатели деятельности, т. е. личные предпочтения со стороны экспертов были исключены.

Далее сами участники исследования были протестированы, т. е. по сути была получена их самооценка когнитивного компонента. Таким образом, мы смогли соотнести объективную и субъективную оценку испытуемых. В качестве основного диагностического инструментария использовался «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД) Е. Ю. Мандриковой [17]. Его цель заключается в выявлении склонности к планированию деятельности, стратегическому целеполаганию, выявлению особенностей структурирования деятельности и самоорганизации. Методика измеряет такие шкалы, как плановность, целеустремлённость, настойчивость, фиксация, самоорганизация, ориентация на настоящее.

В таблице 1 отражено соотношение полученных баллов по шкалам методи-

Таблица 1 / Table 1

Показатели ОСД у групп испытуемых, в % / “Self-Organization of Activities Questionnaire” (SOAQ) indicators in groups of subjects, in %

Показатели по шкалам		Недостаточно профессионально успешные, ЭГ1	Профессионально успешные, ЭГ2
Плановность	Высокий	14	25
	Средний	57	67
	Низкий	29	8
Целеустремлённость	Высокий	21	43
	Средний	79	52
	Низкий	0	5
Настойчивость	Высокий	43	55
	Средний	57	40
	Низкий	0	5

Окончание табл. 1

Показатели по шкалам		Недостаточно профессионально успешные, ЭГ1	Профессионально успешные, ЭГ2
Фиксация	Высокий	21	15
	Средний	72	67
	Низкий	7	18
Самоорганизация	Высокий	21	3
	Средний	58	74
	Низкий	21	23
Ориентация на настоящее	Высокий	36	30
	Средний	36	65
	Низкий	28	5
Общий уровень ОСД	Высокий	29	23
	Средний	71	74
	Низкий	0	3

Источник: данные авторов.

ки «Самоорганизация деятельности» Е. Ю. Мандриковой у изучаемых групп.

В результате уровневого анализа мы можем увидеть, что по шкале «планомерность» более высокие значения характерны для профессионально успешных сотрудников (25%), чем для недостаточно профессионально успешных сотрудников (14%). При этом низкие значения чаще встречаются у последней группы (29%), чем у первой (8%). Это свидетельствует о том, что профессионально успешные сотрудники обычно чаще разрабатывают чёткие планы и последовательно следуют им при достижении поставленных целей, в то время как для второй группы может быть характерна спонтанность и неопределённость в профессиональных действиях.

По шкале «целеустремлённость» испытуемые ЭГ2 чаще ясно видят свои цели, направлены к ним стремятся и прилагают к этому усилия, чем респонденты из ЭГ1 (43% и 21% испытуемых соответственно получили высокие значения). Большинство обследуемых ЭГ1 (79%) получили средние баллы, они способны проявлять целеустремлённость от случая к случаю, также как и профессионально успешный персонал (52%). Однако в группе ЭГ2 имеются лица, у которых с целепо-

лаганием или с достижением цели имеются затруднения (5%). Возможно, более успешные работники более объективно или, наоборот, слишком критично оценивают свои возможности в объективном достижении поставленных извне или субъективно принятых целей, чем их менее профессионально успешные коллеги.

Участники из ЭГ2 более организованы и стремятся структурировать рабочий процесс, они способны прилагать волевые усилия и доводить начатое дело до конца (55% и 43% испытуемых имеют высокие значения по показателю «настойчивость»). Однако, как и в предыдущей шкале, 5% респондентов ЭГ2 отмечает у себя низкий уровень настойчивости в завершении начатых дел. Возможно, это связано с тем, что регулярно поступающие требования со стороны руководства выполнить в сжатые сроки новое поручение отвлекают от начатой другой работы, поэтому сотрудникам трудно в прежнем ритме вернуться и выполнить прерванное дело, что их расстраивает, т. е. респонденты данной группы к себе очень строги и требовательны, в отличие от предыдущей группы. Мы можем позволить себе такие рассуждения, потому что эксперты данных сотрудников отнесены нами к группе профессионально успешных.

По шкале «фиксация» респонденты ЭГ1 больше фиксируются на заранее запланированной структуре деятельности, привязываются к чёткому расписанию. Они ригидны в отношении изменения ситуации и принятия решения в ситуации неопределённости (21% и 15% респондентов набрали высокие баллы, 7% и 18% – низкие баллы). Испытуемые из ЭГ2 более гибкие в решении возникающих затруднений, выполнении поставленных трудовых задач.

Испытуемые ЭГ1 чаще используют внешние средства в организации собственной деятельности (записи в ежедневнике, плане), чем ЭГ2 (21% и 3% испытуемых соответственно имеют высокие значения по шкале «самоорганизация»). Профессионально успешные сотрудники в большей степени (74%) частично фиксируют важную информацию на внешних носителях, чем сотрудники ЭГ1 (58%). Данные показатели также можно объяснить тем, что в исправительном учреждении во многих отделах алгоритмизированная и плановая работа, поэтому опытные сотрудники уже знают её и не нуждаются в использовании внешних способов для организации своей деятельности.

Если обратить внимание на шкалу «ориентация на настоящее», то можно заметить, что первая группа больше живёт настоящим (высокий уровень – 36%), в то время как вторая группа может лучше выстраивать перспективу из прошлого в будущее, не заикливаясь на текущем моменте (средний уровень 65%). 28% выборки ЭГ1 и 5% выборки ЭГ2 набрали низкие баллы по этому показателю. Возможно, рабочие дни мало отличаются друг от друга и «пролетают» перед сотрудниками слишком быстро и они не успевают отследить текущий момент, больше ориентируясь на прошлые или грядущие события в трудовой жизни. В рабочем процессе это может способствовать потере значимости «здесь и сейчас».

Общий показатель самоорганизации выше у обследуемых ЭГ1 (29% имеют

высокие значения, 0% – низкие). 23% респондентов ЭГ2 имеют высокие значения и 3% – низкие. Обращает на себя внимание, что более профессионально успешные сотрудники оценивают общий уровень ОСД несколько ниже, чем их менее успешные коллеги (отсутствие и наличие низкого уровня показателей в группах испытуемых соответственно). Согласно авторской интерпретации уровней развития общего показателя ОСД, для некоторых испытуемых ЭГ2 характерна спонтанность в выполнении деятельности, но при этом им свойственна гибкость и быстрота в переключении на выполнение новых трудовых задач. Поскольку оперативная обстановка в исправительном учреждении может внезапно меняться или могут поступить внеплановые распоряжения от руководства, то умение быстро переключить своё внимание и принять самостоятельное решение может рассматриваться в данном контексте как положительный момент, нежели чёткое следование установленному алгоритму в выполнении трудовых операций. Сами разработчики опросника как раз указывают, что при высоком уровне развития общего показателя ОСД для работников характерно отсутствие гибкости и использование внешних средств в планировании деятельности.

Для установления значимости полученных различий был применён χ^2 -критерий Фишера, полученные данные приведены в таблице 2.

Полученные значимые различия практически во всех шкалах, за исключением шкалы «фиксация», показывают, что самоорганизация деятельности лучше представлена у профессионально успешных сотрудников, у них лучше развит когнитивный компонент психологической готовности к профессиональной деятельности.

Далее, согласно структурно-функциональному подходу к самоорганизации, была проведена корреляция между шкалами методики в каждой группе ис-

Таблица 2 / Table 2

Значимые различия по уровням исследуемого признака с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера по шкалам ОСД у групп испытуемых / Significant differences in the levels of the studied trait using the criterion of the φ^* -Fisher angular transformation according to the SOAQ scales in the groups of subjects

Шкалы	Значимость различий
Планомерность	Значимость различий между показателями высокого уровня и низкого уровня при $p<0,05$
Целеустремлённость	Значимость различий между показателями высокого уровня при $p<0,01$ Нулевое значение в низком уровне у одной группы подразумевает априорное значимое различие
Настойчивость	Нулевое значение в низком уровне у одной группы подразумевает априорное значимое различие
Фиксация	-
Самоорганизация	Значимость различий между показателями высокого уровня при $p<0,01$
Ориентация на настоящее	Значимость различий между показателями среднего уровня и низкого уровня при $p<0,01$
Общий уровень ОСД	Нулевое значение в низком уровне у одной группы подразумевает априорное значимое различие

Источник: данные авторов.

пытуемых. Было обнаружено, что в ЭГ1 корреляции между показателями самоорганизации деятельности отсутствуют, в то время как в ЭГ2 имеются корреляции, которые представлены на рисунке 1.

Полученные корреляции свидетельствуют о том, что когнитивный компонент психологической готовности к профессиональной деятельности, как во временном плане, так и ситуативном, лучше сформирован в более целостное образование у профессионально успешных сотрудников. В качестве системообразующего звена самоорганизации деятельности можно рассматривать целеустремлённость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования подтверждено то, что важным фактором профессиональной успешности выступает психологическая готовность работника к профессиональной деятельности. В качестве когнитивного компонента

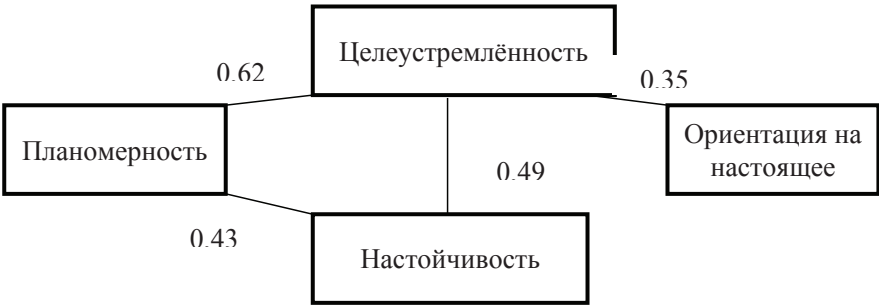

Рис. 1. / Fig. 1. Корреляции между показателями ОСД в группе испытуемых ЭГ2 / Correlations between SOAQ indicators in the EG2 group of subjects

Источник: данные авторов.

психологической готовности можно рассматривать общую самоорганизацию деятельности работника, определяемую косвенным способом, т.е. с помощью опросника. Установлено, что сами работники, которые вошли в группу профессионально успешных, более строго оценивают свою самоорганизацию деятельности на фоне своих менее успешных коллег. Показатели самоорганизации деятельности у профессионально успешных сотрудников практически по всем шкалам превосходят показатели второй группы испытуемых. Помимо уровневого анализа, с помощью корреляционного анализа также было определено наличие достаточно целостного образования в самоорганизации деятельности, где системообразующим звеном выступает целеустремлённость. Очень важно, чтобы

цель деятельности была не только внешне задана, но и субъективно принята сотрудником. Когда цель ясна, сотрудник лучше определяет тактику и стратегию её достижения, проявляет настойчивость в её достижении и отслеживает складывающуюся ситуацию в текущий момент выполнения деятельности. Для формирования когнитивного компонента психологической готовности к профессиональной деятельности необходимо лучше в период профессионального обучения расставлять акценты в целеполагании, а также наставникам в период адаптации уделять внимание закрепляемым навыкам планирования, организации и самостоятельного выполнения профессиональной деятельности молодыми сотрудниками, что в дальнейшем обеспечит им профессиональный рост и успешность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усольцева В. В. Характеристика компонентов психологической готовности специалистов психолого-педагогического направления к профессиональной деятельности в современных условиях // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 19 июня 2025 года) / под ред. Ж. В. Мурзина. Чебоксары: Среда, 2025. С. 143–146.
2. Уварова И. А. Особенности ценностно-мотивационного и когнитивного компонентов компетенции «готовность к изменениям» у руководителей // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2022. № 4 (62). С. 169–182. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-62-4-377.
3. Варламов С. А. Формирование профессионально-средовой компетентности курсантов вузов МВД России во внеучебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2022. 25 с.
4. Смыковский В. В. Подготовка персонала уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Ульяновск: Северный государственный медицинский университет, 2024. 134 с.
5. Кизилова М. А. Психологическая готовность к профессиональной деятельности как сложное многоаспектное понятие // Молодой учёный. 2022. № 21 (416). С. 148–150.
6. Попов Л. М., Пучкова И. М., Устин П. Н. Психологическая готовность к профессиональной деятельности и методы её формирования // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 215–224.
7. Журавлев А. Л., Мироненко И. А. Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 5. С. 28–38.
8. Цуканов И. А., Шабанов Л. В. Проблема определения термина «психологическая готовность» к деятельности в экстремальных условиях // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4. URL: <https://mir-nauki.com> (дата обращения: 31.10.2025).
9. Лисовская Н. Б., Иконникова Г. Ю., Абильдина С. К. Динамика психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов-юристов в процессе обучения в вузе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. № 209. С. 153–164. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-209-153-164.
10. Парфенова Н. Б., Митицина Е. А., Акимова О. В. Исследование когнитивно-операциональной готовности будущих психологов к профессиональной деятельности // Герценовские

- чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3 С. 542–550. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-24.
11. Кондрашихина О. А. Когнитивные предикторы готовности к профессиональной деятельности будущих психологов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2025. № 11 (112). С. 302–308.
 12. Kaslow N. J. Competencies in professional psychology // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. № 8. P. 774–781.
 13. Абакумова Н. Н., Маслов Е. В., Нехаев А. И. Мотивация персонала к самоорганизации трудовой деятельности // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2015. №4(19). С.25-30. DOI: 10.12737/13237.
 14. Ишков А. Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности. М.: Флинта, 2025. 224 с.
 15. Баканов А. С., Зеленова М. Е. Когнитивно-стилевые детерминанты успешности профессиональной деятельности // *Социальная психология и общество*. 2015. Т. 6, № 2. С. 61–75.
 16. Трушина И. А., Пономарева И. В., Овчинников М. В. Взаимосвязь когнитивного компонента самостоятельности и показателей успешности профессиональной деятельности молодых докторов наук // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru> (дата обращения: 13.01.2026).
 17. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 59–83.

REFERENCES

1. Usoltseva, V. V. (2025). Component Characteristics of the Psychological Readiness of Specialists in the Psychological and Pedagogical Field for Professional Activity in Modern Conditions. In: *Pedagogy, Psychology, Society: From Theory to Practice: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Cheboksary, June 19, 2025)*. Cheboksary: Sreda publ., pp. 143–146 (in Russ.).
2. Uvarova, I. A. (2022). Features of the Value-Motivational and Cognitive Components of the “Readiness for Change” Competence in Managers. In: *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 4 (62), 169–182 (in Russ.). DOI: 10.25146/1995-0861-2022-62-4-377.
3. Varlamov, S. A. (2022). *Formation of Professional and Environmental Competence of Cadets of Higher Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Extracurricular Activities: [dissertation]*. Kazan (in Russ.).
4. Smykovsky, V. V. (2024). *Training Personnel of the Penal System of the Russian Federation for Actions in Emergency Situations*. Ulyanovsk: Northern State Medical University publ. (in Russ.).
5. Kizilova, M. A. (2022). Psychological Readiness for Professional Activity as a Complex Multifaceted Concept. In: *Young Scientist*, 21 (416), 148–150 (in Russ.).
6. Popov, L. M., Puchkova, I. M. & Ustin, P. N. (2015). Psychological Readiness for Professional Activity and Methods of Its Formation. In: *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, 4, 215–224 (in Russ.).
7. Zhuravlev, A. L. & Mironenko, I. A. (2012). B. D. Parygin’s System of Scientific Concepts in the Field of Social Psychology. In: *Psychological Journal*, 33, 5, 28–38 (in Russ.).
8. Tsukanov, I. A. & Shabanov, L. V. (2023). The Problem of Defining the Term “Psychological Readiness” for Activity in Extreme Conditions. In: *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11, 4. URL: <https://mir-nauki.com> (accessed: 31.10.2025) (in Russ.).
9. Lisovskaya, N. B., Ikonnikova, G. Yu. & Abildina, S. K. (2023). Dynamics of Psychological Readiness for Professional Activity among Law Students During Their Studies at the University. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 209, 153–164. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-209-153-164 (in Russ.).
10. Parfenova, N. B., Mititsina, E. A. & Akimova, O. V. (2020). Study of the Cognitive-Operational Readiness of Future Psychologists for Professional Activity. In: *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 3, 542–550. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-24 (in Russ.).
11. Kondrashikhina, O. A. (2025). Cognitive Predictors of Future Psychologists’ Readiness for Professional Activity. In: *World of Pedagogy and Psychology*, 11 (112), 302–308 (in Russ.).

12. Kaslow, N. J. (2004). Competencies in Professional Psychology. In: *American Psychologist*, 59, 8, 774–781.
13. Abakumova, N. N., Maslov, E. V. & Nekhaev, A. I. (2015). Personnel Motivation for Self-Organization of Work Activity. In: *Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia*, 4 (19), 25–30. DOI: 10.12737/13237 (in Russ.).
14. Ishkov, A. D. (2025). *Students' Educational Activity: Psychological Factors of Success*. Moscow, Flinta publ. (in Russ.).
15. Bakanov, A. S. & Zelenova, M. E. (2015). Cognitive-Style Determinants of Professional Success. In: *Social Psychology and Society*, 6, 2, 61–75 (in Russ.).
16. Trushina, I. A., Ponomareva, I. V. & Ovchinnikov, M. V. (2015). The Relationship Between the Cognitive Component of Independence and Indicators of Professional Success of Young Doctors of Science. In: *Modern Problems of Science and Education*, 1-1. URL: <https://science-education.ru> (accessed: 13.01.2026).
17. Mandrikova, E. Yu. (2010). Development of a Questionnaire of Self-Organization of Activities (QSOA). In: *Psychological Diagnostics*, 2, 59–83 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сперанская Александра Владимировна (г. Вологда) – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации;
ORCID: 0000-0002-2116-3525; e-mail: bersim@mail.ru

Фролова Алина Андреевна (г. Томск) – старший психолог ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Томской области;
e-mail: alina-frolova02@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexandra V. Speranskaya (Vologda) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of General and Pedagogical Psychology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-2116-3525; e-mail: bersim@mail.ru.

Alina A. Frolova (Tomsk) – Senior Psychologist, Investigative Detention Center No. 1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tomsk Region;
e-mail: alina-frolova02@bk.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор Викт. А. Кулакова
Переводчик Вер. А. Кулакова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин
Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,75, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 20.03.2026 г. Дата выхода в свет: 03.04.2026 г. Заказ № 2026/03-11.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2